

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. А. Суворова

**РАЗУМ И ЧУВСТВА:
ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ
МОХАММЕДА АЛИ
ДЖИННЫ**

Москва
ИВ РАН
2021

Рецензенты

д. и. н., профессор В. Я. Белокреницкий
к. филол. н. Л. А. Васильева

*Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН*

Суворова А. А.

С89 Разум и чувства: личная жизнь Мохаммеда Али Джинны;
Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 234 с.

ISBN 978-5-907384-98-9

Монография А.А. Суворовой «Разум и чувства: личная жизнь Мохаммеда Али Джинны» — первая среди многочисленных книг об основателе Пакистана, которая целиком посвящена его личной жизни, а не политической деятельности. Используя многочисленные исторические документы и зачастую противоречивые воспоминания современников, автор воссоздает образ М.А. Джинны — живого человека с его достоинствами и слабостями в отличие от официальных представлений о Джинне как об безупречном Великом Вожде нации и объекте массового поклонения в Пакистане. В книге рассматриваются отношения Джинны с членами его семьи: родителями, сестрой Фатимой, женой и дочерью, а также с его немногочисленными друзьями и некоторыми наиболее активными оппонентами, в частности с Махатмой Ганди.

На обложке — иллюстрация с сайта images.dawn.com

ISBN 978-5-907384-98-9

© Суворова А. А., 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава I. Джинна как образ	8
Глава II. Материнское предсказание.....	28
Глава III. Сестра	50
Глава IV. Невеста	73
Глава V. Жена: мечта	96
Глава VI. Жена: уход	117
Глава VII. Дочь	139
Глава VIII. Друзья и недруги.....	161
Глава IX. Пакистан зиндабад!.....	183
Глава X. Триумф и прощание	208
Библиография	229

ПРЕДИСЛОВИЕ

Людей, которые кардинально изменили наш мир, немало. Это и ученые, открывшие новые законы природы; и врачи, которые придумали лекарства от смертельных болезней, и политики, которые развязывали войны и завоёвывали страны, и космонавты, которые облетели Землю и ступили на Луну, и так далее. Просто упомянуть всех невозможно. Но есть среди них гениальные личности, не только изменившие ход истории, но и преобразившие карту мира и создавшие на этой карте новые национальные государства.

В XX в. таких людей было не так уж много – это и Владимир Ленин, создавший новое государство с новым общественным строем, и Мао Цзэдун, и Мустафа Кемаль Ата-тюрк, и Махатма Ганди, и Нельсон Мандела, и Фидель Кастро, и несколько других. Среди них почетное место по праву занимает отец-основатель Исламской Республики Пакистан Мохаммед Али Джинна, практически в одиночку создавший в Южной Азии страну, где проживают свыше 220 млн жителей. Пакистан – пятая по численности населения и вторая по численности мусульманского населения страна в мире.

Провозглашенный «Великим Вождем» («Каид-и-Азам») Пакистана, Джинна как подлинно харизматический лидер сотворил настоящее чудо – в огромной Британской Индии, «где никогда не заходит солнце», мусульмане были всего лишь меньшинством, причем меньшинством притесняемым. Джинна силой своей неукротимой воли сумел добиться независимости для этого меньшинства и создать для него отдельную страну.

Великий визионер, он мысленно воссоздал образ «Страны Чистых» (букв. «Пакистан») и успел, хотя и очень недолго, увидеть эту страну воочию – с ее флагом, гимном, столицей, резиденцией генерал-губернатора, коим он являлся, и обожающей его нацией.

Гибкий ум стратега, яркий артистичный талант юриста, абсолютную неподкупность и принципиальность Джинны признавали не только индийцы, но даже и британские власти. Британский либеральный политик Эдвин Монтегю (1879–1924), одно время занимавший пост Государственного секретаря, писал о нем: «Джинна очень умен, и, конечно, это возмутительно, что такой человек не имеет возможности управлять делами в своей собственной стране»¹.

О Джинне написано много книг, статей и даже стихов и песен, о нем снято несколько документальных лент и художественный фильм, история его удивительных достижений – это долгая дорога, приведшая юного барристера в резиденцию генерал-губернатора нового доминиона. И эта история полна событиями, рожденными его сверхчеловеческой целеустремленностью, активностью и страстью добиваться своего, при этом бесстрашно противостоя всему миру.

Несмотря на всеобщее обожание и преклонение пакистанцев, Джинна имел много недоброжелателей, даже врагов, покушавшихся на его жизнь. Одни считали его слишком прозападно настроенным и недостаточно благочестивым мусульманином, других раздражала его прямота и бескомпромиссность, нежелание уступать и договариваться, если на кону стояли интересы его детища – Пакистана.

В 1940 г. под председательством Джинны партия Мусульманская Лига приняла «Лахорскую резолюцию». В ней отмечался раздел Британской Индии по религиозному принципу, предполагалось отделить области, в которых мусульмане составляли численный перевес (на северо-западе Индии и на востоке соответственно). В резолюции отвергалась концепция Объединённой Индии и прямо указывалась необходимость создания независимого мусульманского государства – будущего Пакистана. В 1945–1945 гг. Мусульманская Лига одержала победу на выборах и стала третьей по влиянию силой в стране наряду с британскими властями и Конгрессом.

Самые непримиримые оппоненты Джинны вынужденно признали его правоту, и сам Махатма Ганди стал обращаться к нему «Каид-и-Азам». Что же касается мусульманского насе-

ления Индии, оно наконец обрело в Джинне героя-спасителя, в отличие от большинства политиков преследовавшего не собственные интересы, а интересы нации.

Джинна застал ужасы раздела Индии, массовые убийства целых деревень, идущие через границу поезда, полные трупов. Мусульмане, индусы и сикхи платили жизнью за возможность жить в свободных странах. Джинна воспринимал происходящее как личное горе и, по словам очевидцев, плакал всего третий раз в жизни – оплакав смерти матери и жены.

Однако он верил в то, что ради продолжения жизни история все «уладит»: «Это может произойти во время моей жизни или когда меня не станет. Запомните мои слова. Я говорю это без желания оскорбить кого-то. Некоторые нации уничтожили миллионы людей, и при этом сегодняшний враг завтра становится другом. Это история»².

«Джинна – один из редчайших людей, у которых нет личных мотивов для решения и нет личных целей для продвижения. Его честность и неподкупность не обсуждаются. И все же он – один из самых одиноких людей на свете», – точно заметил коллега Джинны Чаман Лал³.

Действительно, Джинна и стремился к одиночеству, и в то же время страдал от него. Во всяком случае, его редкие попытки обрести счастье вместе с другим человеком оказывались неудачными: его брак с Раттанбай Петит, заключенный по большой любви, закончился расставанием; его дочь Дина Вадиа, к которой он был чрезвычайно привязан, прожила большую часть жизни отдельно от него, в другой стране; его единственный близкий друг Гокхале безвременно умер.

Очевидно, что миссия, которой он беззаветно посвятил свою жизнь, «его Пакистан», требовала от него отдать «всего себя», использовать все свои силы, чувства и страсти без остатка. И это исключало наслаждение другими сторонами жизни с ее эмоциональными дарами, радостями и переживаниями, которые входят в понятие «личное счастье».

Джинна не успел воспользоваться результатами своего титанического труда – он увидел Пакистан не как воплощенную реальность, но, скорее, как образ, а ему-то хоте-

лось наблюдать, как его новорожденная страна последовательно и значительно продвигается вперед, хотелось находиться *внутри* этого движения. Но на это у него уже не было времени.

Так же, наверное, не смог воспользоваться плодами своих трудов пророк Моисей (в исламе – Муса). После сорока лет скитаний по пустыне и долгожданного прихода израильского народа на землю Ханаанскую Моисей умер у самого входа в Землю Обетованную, так и не войдя в нее.

Эта книга не о профессиональных заслугах Джинны-адвоката и его достижениях как государственного деятеля и политика. Она рассказывает о личной жизни «просто мистера Джинны» (как он сам себя любил называть), но и в этой жизни так же, как и в его политической карьере, проявились его сверхъестественная интуиция, визионерское предвидение и печать избранничества.

¹ Khalid B. Sayeed. *Pakistan: The Formative Phase 1857–1948*. London: Oxford University Press, 1968. 2nd edition. P. 177–178.

² Цит. по: Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955. P. 190.

³ *Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 125.

Глава I

ДЖИННА КАК ОБРАЗ

У классика литературы урду Саадата Хасана Манто (1912–1955) есть рассказ «Мой Господин» («*Мера Сахиб*», 1950), написанный от имени личного шофера Мохаммеда Али Джинны, отца-основателя Исламской Республики Пакистан. Этот самый шофер, восхваляя достоинства своего господина, отмечает: «Личная жизнь Великого Вождя* – тайна и останется тайной навеки. Таково всеобщее мнение. Я думаю, что его бурная политическая жизнь так тесно сплелась с его личной жизнью, что для последней просто не осталось места»¹.

Общеизвестно, что Джинна отличался чрезвычайной сдержанностью и скрытностью; он не вел дневников, не писал автобиографических сочинений в отличие от М. К. Ганди и Джавахарлала Неру. Его обширная многотомная переписка имеет сугубо деловое назначение. Тем не менее личная жизнь у Джинны, конечно, была, и порой она принимала весьма яркий, даже скандальный, характер.

Джинна был старшим из семи детей торговца Джиннабхая Пунджа, т. е. имел еще двух братьев и четырех сестер, с которыми его связывали отношения разной степени близости. Младшая из сестер Фатима, по-домашнему Фати, стала самым близким ему человеком и фактически посвятила ему жизнь. Она не вышла замуж, занималась здоровьем тяжело болевшего брата, вела его дом, сопровождала его в поездках и вообще выполняла функции Первой Леди. Трем замужним сестрам Джинна помогал материально, с одним

* Великий Вождь (Каид-и-Азам) – официально принятое обращение к М. А. Джинне.

из братьев (другой брат умер ребенком) отношений почти не поддерживал.

Джинна был дважды женат (его первая жена умерла вскоре после свадьбы) и имел единственную дочь от второго брака. Вторично он овдовел еще не старым человеком, в 53 года, но больше создать семью не пытался. Очевидно, что при всей «закрытости», «отрешенности» Джинны, при его строгом соблюдении неприкосновенности частных сторон жизни – все, что определяется термином *privacy*, – люди, составлявшие его круг общения, оставили достаточно свидетельств о личной жизни Великого Вождя: от восторженных дифирамбов до злобных сплетен.

Первые десятилетия после образования Пакистана обсуждать детали семейной жизни Джинны даже в профессиональных кругах пакистанских историков было не принято. Объяснялось это довольно просто. Супруга Джинны Раттанбаи, в девичестве Петит (1900–1929), которую сокращенно называли Ратти, происходила из семьи богатых бомбейских парсов, зороастрийцев. И хотя перед свадьбой она перешла в ислам и даже приняла чисто мусульманское имя Мариам, которым, правда, редко пользовалась, Джинне как общепризнанному лидеру индийских мусульман и главе Мусульманской Лиги брак с иноверкой, даже бывшей, не делал чести.

Кроме того, окружение Джинны осуждало Ратти, по чьей инициативе супруги в 1928 г. разъехались. Не нравилось этому окружению и то, что Ратти не была религиозна, не соблюдала никаких обрядов, зато увлекалась спиритизмом и теософией, которую осуждали как ислам, так и подобные Джинне здравомыслящие люди. Словом, Ратти, несмотря на свою красоту, обаяние и богатство, мало соответствовала идеалу жены мусульманского государственного деятеля.

Наиболее ортодоксальные и злоязычные критики Джинны при всяком удобном случае подчеркивали, что он женился на *кафире* (женский род от слова *кафир* – иноверец, неверующий). И даже сочиняли по этому поводу вирши: «Он предал Ислам ради *кафиры*. Так кто же он: Великий Вождь или Великий *кафир*?»².

Что касается дочери Джинны, Дины (1917–2017), она также представляла собой проблему для биографов. Дина вышла замуж против воли отца за парса из семьи текстильных магнатов Вадия, перешедшего в христианство. Джинна не простила отступничество дочери даже после рождения двух внуков и свел семейные связи к чисто формальным отношениям. Дина не считала Пакистан своей родиной и посещала его лишь дважды: первый раз на похоронах отца, второй раз в глубокой старости, за несколько лет до своей смерти. После раздела субконтинента Дина осталась в Индии, откуда впоследствии перебралась в Нью-Йорк, где жила до самой своей кончины.

Происхождение, стиль жизни Ратти, а позднее и ее дочери сначала воспринимались пакистанским социумом как образы, чуждые культурному сознанию пакистанцев. А затем они просто стерлись из национальной исторической памяти. Достаточно сказать, что в 800-страничной монографии о Джинне, написанной известным ученым Шарифом ал-Муджахидом, основателем и директором Академии Каид-и-Азама, нет даже упоминания о его жене и дочери³.

Но время разрушает старые табу и стирает предрассудки. Сначала пакистанская пресса стала щедро публиковать материалы о романтической любви Джинны и Ратти, преодолевших много препятствий на пути к их браку. Классические научные биографии Джинны – книги Гектора Болито «Джинна – создатель Пакистана» (1955), Гулама Алланы «Каид-и-Азам: история нации» (1967), Стенли Уолперта «Джинна из Пакистана» (1984), Азиза Бега «Джинна и его время» (1986), Акбара Ахмеда «Джинна, Пакистан и исламская идентичность» (1997), – конечно, рассказывали о драматических обстоятельствах, сопровождавших роман Джинны и Ратти, однако в столь переполненной историческими событиями биографии Каид-и-Азама «частным» семейным сюжетам и обстоятельствам отводилось явно подчиненное место.

Что касается самой Ратти, основным источником информации о ней было эссе ее друга Канджи Дваркадаса «Ратти Джинна: история великой дружбы» (1963), а также книга мемуаров бывшего помощника Джинны, а впоследствии главного

судьи Верховного суда М. Чаглы «Розы в декабре. Автобиография» (1973). Однако оба эти сочинения нельзя рассматривать как научные биографии из-за их очевидной пристрастности: Дваркадас до самой смерти Ратти был ее беззаветным поклонником, видевшим в ней идеал женщины. Чагла, напротив, неприязненно относился к Джинне, поскольку тот в свое время отказался содействовать его карьерному продвижению, что отразилось и на его оценках Ратти, весьма критических.

В 2017 г. вышла книга индийской журналистки Шилы Редди «Мистер и Миссис Джинна: брак, который потряс Индию», которая существенно откорректировала общепринятые представления о том, каков Джинна был в семейной жизни и как эта жизнь протекала. Редди построила свое повествование на совершенно неизвестных ранее источниках: письмах, которые писала Ратти своим подругам, – знаменитой индийской поэтессе Сароджини Найдугу, носившей прозвище «Соловей Индии», и ее двум дочерям.

Старшая из этих дочерей Падмаджа Найдугу, позднее ставшая членом парламента и губернатором Западной Бенгалии, на склоне лет создала Мемориальный музей Неру, где помимо других экспонатов и документов нашлось место переписке членов ее семьи с женой Джинны. Именно переписка молодых женщин, одна из которых – Ратти Петит – стала женой отца-основателя Пакистана, а другая – Падмаджа Найдугу – многолетней любовницей главы независимой Индии Дж. Неру, легла в основу пионерского исследования Редди⁴.

Если книга Редди откорректировала отношение индо-пакистанского читателя к Ратти, то отношение пакистанцев к Дине Вадия само изменилось со временем. Дина дожила до глубокой старости, почти до ста лет, и ее смерть в 2017 г. широко освещалась в национальной прессе как «горе нации»⁵. Все ведущие политики, включая тогдашних премьер-министра и президента, сделали официальные заявления с выражениями соболезнования, подчеркнув, что Дина «пользовалась уважением и любовью народа Пакистана».

На заседании парламента провинции Синд, Синдхской ассамблеи, память Дины почтили минутой молчания и чте-

нием ал-Фатихи, вводной суры Корана⁶. И хотя на протяжении своей долгой жизни Дина практически не поддерживала связей со страной, созданной ее отцом, обожание, с которым относятся к Каид-и-Азаму простые пакистанцы, осветило своим ореолом его единственную дочь.

Несколько лет назад издательство Оксфордского университета, с которым я сотрудничаю уже много лет, предложило мне написать научную биографию Ратти Джинны. Несколько опрометчиво я согласилась, не подумав о том, насколько такое исследование может быть обеспечено историческими источниками. Как я уже говорила, классические и менее известные биографии Джинны о его супруге упоминали мимоходом или не упоминали вовсе.

Издатель Амина Сайид, в то время руководившая пакистанским отделением издательства Оксфордского университета, предложила мне поехать в Мумбаи, бывлой Бомбей, где протекала короткая жизнь моей героини, где она похоронена, и там найти доступ к фондам парсов, в частности в связанной с семьей Ратти библиотеке J. N. Petit Library.

Но тут, пока я раздумывала, вышла книга Шилы Редди, и вопрос отпал сам собой. Две биографии в общем-то малоизвестного исторического лица не могли появиться на книжном рынке субконтинента одновременно. И поскольку право первенства было у Шилы Редди, я без особого сожаления переключилась на другой проект о южно-азиатских женщинах-премьерах. К тому же биография Ратти, несмотря на всю оригинальность этой женщины, ее непохожесть на своих современниц и всеми подтверждаемую сказочную красоту, все-таки интересна для исследователя в свете, отражаемом сверхмощной, как протуберанец, личностью ее мужа.

Гораздо интереснее оказалось то, что шофер из рассказа Манто считал «тайной навеки». А именно та часть жизни Каид-и-Азама, что протекала за пределами его активной политической деятельности и профессиональной адвокатской практики: его интеллектуальные интересы (среди которых чуть ли не главное место занимал Шекспир), любимые развлечения (бильярд, отчасти шахматы и бридж) и повседневное любимое времяпрепро-

вождение (чтение газет, разговоры о политике), человеческие слабости (200 сшитых на заказ мужских костюмов и примерно столько же пар модной обуви) и склонность к эпатажу (ношение монокля)^{*}.

Джинна много курил, как и большинство мужчин его поколения, живущих на субконтиненте. Он курил трубку, что ему очень шло, и свои любимые британские сигареты Craven A (ныне производящиеся в Канаде), которых он, несмотря на туберкулез, выкуривал до 50 штук в день.

Чтение газет, вероятно, также можно добавить к слабостям, даже «страстям». Некто из старых знакомых Джинны объяснял Гектору Болито, одному из его первых англоязычных биографов: «Это звучит смешно, но его единственная страсть – газеты. Он выписывал их из разных стран, делал из них вырезки, писал к ним аннотации и закладывал в виде закладок в страницы книг. Он мог заниматься этим часами. Всю свою жизнь он обо-жал газеты»⁷.

И наконец, главное – отношения Джинны с членами семьи и немногочисленными друзьями, его осознание своей миссии – создания нового государства индийских мусульман, его под-сознательное стремление к одиночеству, а также другие качества, характеризующие его личность: полная бескомпромиссность, нежелание притворяться и лгать, даже если это ложь во спасе-ние, и абсолютная преданность своей идее фикс, какой для него стало образование Пакистана.

В отношениях и с близкими, и с дальними Джинна неиз-менно соблюдал дистанцию. Кроме того, он принадлежал к ред-чайшей породе людей, которые абсолютно уверены в правиль-ности совершаемых ими поступков. Обдумывая важную про-блему, он практически никогда не колебался, не прислушивался к чужому мнению, не отменял своих решений, даже под влия-нием просьб, уговоров или угроз, и убедившись в правильности принятого им решения, готов был стоять за него до конца, один против целого мира.

^{*} Джинна носил монокль в подражание британскому политику Джозефу Чембер-лену (1836–1914), которого считал образцом мужского вкуса. Как массовый опти-ческий аксессуар монокль был распространен до Первой мировой войны и позд-нее уже ассоциировался с образом надменного аристократа.

Все эти качества сформировали расхожее мнение о Джинне как о человеке надменном, высокомерном, исполненном гордыни и потому трудном для общения. Правда, то, что мужчины называли его надменностью, женщины считали благородной гордостью и чувством собственного достоинства.

Сотрудники Джинны по бомбейской коллегии адвокатов вспоминали о нем со смесью восторга и негодования. «Высокомерие Джинны могло бы разрушить человека с меньшей силой воли или талантом. Некоторых из нас возмущали его высокомерные манеры, его властная заносчивость и то, что другим казалось отсутствием доброты. Но никто не мог отрицать его силу ума и аргументации. Когда он стоял в суде, медленно разглядывая судью, вставляя в глаз свой монокль – все так размеренно, как вы могли бы ожидать от актера, – он становился всемогущим. Да, это самое подходящее слово, – всемогущим»⁸.

Гектор Болито рассказывал о некой пожилой даме, соседке Джинны по Малабарскому Холму в Бомбее, которую Болито интервьюировал. Она говорила о том, каким был Джинна в возрасте около 30 лет: «Да, у него был шарм. И он был так хорош собой. Знаете, я уверена, что он понимал, как он обаятелен, какой силой он обладает. Но когда он входил в комнату, он не считал для себя зазорным сказать женщине комплимент, отметить “Какое у Вас красивое сари!” Женщины прощают и гордость, и даже надменность таким мужчинам, как он»⁹.

В кругу Джинны были люди (пусть они оставались в меньшинстве), которые представляли его идеалом современного человека. Среди них уже упоминавшаяся Сароджини Найдю, которая явно испытывала к Джинне не просто дружеские чувства. В своей статье «Джинна – посол индусско-мусульманского единства» (1918) она писала: «Никогда еще не было человека, чьи внешние качества представляли бы собой столь полную противоположность его внутренним ценностям. Высокий и статный, хотя и худой до истощения, томный, склонный к роскоши, – эта внешняя форма Мохаммеда Али Джинны есть

обманчивая оболочка, скрывающая человеческий дух исключительной жизненной энергии и выносливости. Некоторая отрешенность и властность манеры поведения, привычная холодная сдержанность – это маски.

Для тех, кто знает его, открывается наивная пылкая человечность, интуиция, быстрая и нежная, как у женщины; юмор живой и бесхитростный, как у ребенка; рациональный и практичный, осмотрительный и бесстрастный в своих оценках и восприятии жизни. Очевидное здравомыслие и невозмутимость его жизненной мудрости весьма эффективно прячут застенчивый и прекрасный идеализм, который и составляет самую суть этого человека»¹⁰.

Судя по этой цитате, восторженный взгляд поэтессы узрел «застенчивый и прекрасный идеализм» там, где большинство общавшихся с Джинной видели холодный рационализм, сухую деловитость и полное отсутствие сентиментальности.

Кстати, С. Найду воздавала должное Джинне не только в прозе, но и в стихах, ему посвященных:

«В полуденный час, безопасный, сильный, о Любовь,
Ты мне не нужна.
Но в опустевший полночный час, когда
Экстаз звездной тишины спит
На молчаливых горах и в беззвучных глубинах,
Моя душа жаждет твоего голоса»¹¹.

Конечно, такие стихи должны были приводить в смущение человека с характером Джинны, тем более что ему нечем было ответить на чувства поэтессы. Гектор Болито, собравший все доступные в начале 1950-х годов сплетни о Джинне, ссылался на еще одну пожилую бомбейскую даму, на сей раз представительницу общины парсов.

«Я помню Сароджини Найду, – говорила эта дама. – Она была влюблена в Джинну, но он не отвечал ей взаимностью. Он был холоден и равнодушен, и его волновала только карьера. Она писала ему любовные стихи, но он был не тот человек, которого можно соблазнить романтической поэзией. Он был брезгливый и добродетельный и проводил вечера, читая свои судеб-

ные отчеты. Миссис Найду называли «Соловьем Бомбея»*. Что касается Джинны, она пела ему напрасно»¹².

Отзыв бомбейской дамы о Джинне не слишком доброжелателен. Но ей далеко до его настоящих врагов, которые демонизировали его личность или пытались представить его примитивным карьеристом. Судья Чагла, начинавший свою юридическую карьеру как помощник и ученик Джинны, через много лет писал о нем с нескрываемой недоброжелательностью: «Я никогда не встречал человека, в характере которого было бы так мало гуманности. Он был холоден и неэмоционален и не имел других интересов кроме права и политики. Не думаю, что он прочел хоть одну серьезную книгу за всю свою жизнь»¹³.

По словам того же Чаглы, еще более неприязненно относился к Джинне Неру: «Джавахарлал не любил Джинну, поскольку видел в нем одну лишь надменность и помпезность. Он также презирал Джинну как человека, по своей сути некультурного, почти безграмотного. Он считал, что круг чтения Джинны ограничивался утренней газетой и что у него в голове не было ни единой возвышенной мысли или просвещенной идеи»¹⁴.

Неясно, принадлежали ли эти уничижительные оценки самому Неру или то были слова Чаглы, продиктованные старыми обидами. В любом случае, кто бы ни был автором этих строк, он глубоко ошибался. Круг чтения Джинны известен, сохранилась его библиотека, в том числе и книги, в которых остались его пометки. Джинна был хорошо образован, знаком с европейской философией, начитан в английской поэзии. И, как ни странно, удивительно артистичен.

Со свойственным ему артистизмом он нередко читал стихи вслух, предпочитая всем Шекспира, к которому обращался всегда, когда выдавалось свободное время. «Даже в дни самой напряженной политической деятельности, – вспоминала Фатима Джинна, – когда он, усталый, поздно возвращался домой, он читал Шекспира, и его голос дрожал от чув-

* Это ошибка. Найду называли «Соловьем Индии» (the «Nightingale of India», или «Bharat Kokila» на хинди).

ства. Иногда, когда после обеда мы сидели вдвоем в гостиной, он читал мне вслух свои любимые места из шекспировских пьес. Когда бы он ни декламировал Шекспира, его голос обретал такое богатство и точность тона, и верность интонаций, которые характерны для людей, профессионально изучавших сценическую речь»¹⁵.

Хотя Джинна прославился как блестящий оратор, он редко использовал в своих речах литературные цитаты или аллюзии. Возможно, в этом сказывалось отсутствие у него гуманитарного университетского образования, которому свойственна любовь к цитатам. Но если все же он прибегал к поэтическим аллюзиям, это были строки Шекспира.

Когда-то Махатма Ганди полюбопытствовал, как Джинна хотел бы, чтобы к нему обращались. Многих, включая Ганди, раздражало, что Джинна предпочитал британское обращение «мистер». Впрочем, в атмосфере нарастающих антибританских настроений такое обращение могло выглядеть не патриотично, тем более что на национальных индийских языках хватает синонимов слову «господин».

На вопрос Ганди Джинна ответил: «Я благодарен Вам за заботу по поводу префикса, приставки, которую следует ставить перед моим именем. Но что значит приставка к имени? «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет»»¹⁶. Иначе говоря, Джинна, не желая связываться с Ганди по поводу обращения, просто ответил цитатой из «Ромео и Джульетты».

С Шекспиром связана невероятная история, относящаяся к молодости Великого Вождя, которая представляет его в совершенно новом свете. Учась юриспруденции в Лондоне, Джинна не позволял себе тратить время и деньги на развлечения, но в театре все-таки бывал относительно часто. Впоследствии он признался сестре, что его заветной мечтой стало сыграть роль Ромео в театре «Олд-Вик».

Вероятно, у него были прирожденные актерские способности, которые он значительно развил в публичных выступлениях как на политических митингах, так и на судебных процессах. «Свидетели его драматических допросов, прерыва-

емых театральными отступлениями – обращениями к судьбе или к присяжным, – часто утверждали, что он – прирожденный актер», – писал С. Уолперт¹⁷. Не исключено и то, что наблюдения за выступлениями барристеров, лучшие из которых часто выказывали потрясающее драматическое мастерство, вызвали у него желание выйти на сцену. «Во всяком случае, то было не просто прихотью или скоропреходящим увлечением, но любовью, продолжавшейся всю жизнь», – писала Фатима¹⁸.

Закончив учебу в знаменитой юридической корпорации Линкольнс-Инн, получив звание барристера с правом выступать в суде (первым среди индийских мусульман), вступив в коллегия адвокатов, Джинна, тем не менее, был готов пожертвовать всеми этими достижениями, годами труда и лишений, которые перенес, пока учился, и вступить в театральную компанию, где ему предложили работу. Он прошел прослушивание на сцене, во время которого читал отрывки из пьес Шекспира, и очень понравился управляющему труппой и его жене. Очевидно, что после этой «театральной истории» представление о Джинне как о человеке незэмоциональном, сухом, да еще некультурном (привет от Джавахарлала Неру!) терпит полный крах.

Поскольку материально и морально Джинна зависел от отца, то вынужденно написал ему письмо, умоляя его дать согласие на столь резкую перемену профессии. «Отец ответил длинным письмом, в котором выразил неодобрение моим планам, но в его письме было одно выражение, которое меня очень тронуло и заставило изменить решение, – вспоминал Джинна. – “Не предавай честь семьи”. Я пошел в театр и сообщил, что больше не стремлюсь попасть на сцену»¹⁹.

Теоретически Джинна мог послушаться родителей, но как истинный мусульманин – только не в сфере, которая трактовалась как «честь семьи». Действительно, в представлении Джинны-старшего, и не только его, добропорядочному мусульманскому юноше податься в актеры означало запятнать доброе имя семьи. Каид-и-Азам пожертвовал своей мечтой ради спокойствия отца, отказался от своего реше-

ния и подчинился чужому мнению, но сделал это последний раз в жизни.

Правда, Болито передает рассказ об участии Джинны в постановке Шекспира совершенно иначе, но это мало похоже на правду. Якобы Джинна некоторое время не ходил на занятия в Линкольнс-Инн, поскольку гастролировал по Англии с шекспировской театральной труппой мисс Хорнимен, о чем он сам будто бы рассказал в 1945 г. Насиму Ахмеду, лондонскому корреспонденту газеты *Dawn*. Точнее, он якобы описал опыт своей работы суфлером и выступление в роли Ромео, когда он замещал другого актера²⁰. Версия с письмом и предупреждением отца выглядит гораздо убедительнее.

Судя по отзыву пожилой бомбейской соседки, не говоря уже о панегирике Сароджини Найду, Джинна пользовался большим успехом у женщин. Сохранилось немало восторженных отзывов его современниц об его внешности, манерах и элегантности. Вот, например, характерное описание Джинны, которое приводит Уолперт, сравнивая его с современниками, наиболее известными своей привлекательностью: «С волосами цвета воронова крыла, с усами, пышными, как у лорда Китченера*, стройный, как рапира, он говорил, как Рональд Колман**, одевался, как Энтони Иден***, и с первого взгляда влюблял в себя большинство женщин»²¹.

Леди Уэйвелл, супруга вице-короля Индии, отзывалась о Джинне так: «Мистер Джинна был один из самых привлекательных мужчин, которых я встречала. В нем сочеталась западная четкая правильность, почти древнегреческая, черт лица с восточным изяществом и пластичностью»²².

Сохранившая инкогнито супруга британского генерала, познакомившись с Джинной на обеде у вице-короля, писала в письме к матери: «После обеда мне удалось побеседовать с мистером Джинной. Он – выдающаяся личность. Говорит он

* Герберт Китченер (1850–1916) – выдающийся британский военный деятель.

** Рональд Колман (1891–1958) – английский актер, обладавший, по общему мнению, «чарующим голосом».

*** Энтони Иден (1897–1977) – британский государственный деятель, 64-й премьер-министр Великобритании.

на великолепном английском языке. Он одевается и ведет себя в стиле Дю Морье*, а выступает в духе речей Бёрка**. Он будет вице-королем, если нынешняя система постепенной индиганизации власти сохранится. Я всегда хотела встретиться с ним, и теперь мое желание осуществилось»²³.

Другая собеседница Джинны, Бегум Гетиара Башир Ахмад, писала: «Каид-и-Азам в социальной жизни являлся образцом изысканности и культуры, а его манеры были исключительно элегантны. Его вкус в одежде был безукоризненным, а сама его личность – магнетической»²⁴.

Но мало кто из поклонниц Каида-и-Азама видели за блистательной внешностью и изысканными манерами высокие человеческие качества. Как видели это Сароджини Найду, Бегум Джаханара Шахнаваз и Раана Лиакат Али Хан. Последняя писала: «В первый раз, когда я увидела Джинну, он покорило мое сердце. Но он производил впечатление человека надменного и самовлюбленного. И только узнав его лучше, я поняла, насколько глубока его человечность»²⁵.

Повышенный интерес дам смущал Джинну, который пытался отшутиться и отвязаться от внимания своих поклонниц. Так, некая юная дама призналась своей пожилой приятельнице, что влюблена в Джинну, в частности в его руки, изящные и гибкие, напоминавшие руки пианиста. Пожилая приятельница рассказала обо всем Джинне, видимо, чтобы его позабавить. На следующий день Джинна встретил барышню на скачках, вдобавок она сидела рядом с ним. «Давайте, поглядим на скачки, юная леди, а не на мои руки», – предложил Джинна озорным тоном, и девушка рассмеялась²⁶.

О «магнетизме» личности Джинны, в частности об его умении убеждать и переубеждать собеседника, писала известный политик и дипломат Бегум Шаиста Икрамулла: «Я всегда была уверена, что выслушать Каида и не принять его точку зре-

* Джеральд Дю Морье (1873–1934) – английский актер, отец писательницы Дафны Дю Морье, всемирно прославившейся романом «Ребекка» (1938). В его честь названа известная марка дорогих сигарет *Du Maurier*.

** Эдмунд Бёрк (1729–1797) – англо-ирландский политический деятель, публицист, философ.

ния невозможно. Ты чувствовала, что, если человек, чей интеллект настолько превосходит твой, верит во что-то, это должно быть правдой. Назовите это гипнозом, или как хотите – тот эффект, который он производил на людей, вступавших с ним в контакт. Он всегда мог убедить каждого, кого считал стоящим такой попытки»²⁷.

Доказательством того, что Джинна мог переубедить кого угодно, служит история, рассказанная известной политической и общественной деятельницей Джаханарой Шахнаваз, с которой Джинна был в дружеских отношениях. В 1947 г. Джаханара получила приглашение посетить США с большим циклом лекций о только что образовавшемся Пакистане. За свою работу ей был предложен гонорар в \$25 000, сумма по тем временам весьма значительная. Джинна находился в отъезде, и Джаханара показала приглашение Liaquat Ali Khan, первому премьер-министру Пакистана. Тот посоветовал Джаханаре принять такое почетное и выгодное предложение, что она сразу и сделала.

Тем временем в Лахор, где происходили эти события, приехал Джинна, и Джаханара обратилась за советом и к нему. Мнение Джинны оказалось прямо противоположным мнению его премьера. Он объяснил Джаханаре, что ее дело как члена Учредительной Ассамблеи – разрабатывать новые законы для Пакистана, и это истинно почетная миссия. А разъезжать по белу свету с чтением лекций – это занятие для светских дам. Не колеблясь ни минуты, Джаханара послала пригласившим ее американцам телеграмму с отказом. Джинна действительно смог убедить ее отвергнуть столь привлекательное предложение, возможно, не без помощи «магнетизма»²⁸.

Как и остальные отцы-основатели новых государств Южной Азии – Ганди, Неру, позднее Муджибур Рахман, – Джинна всегда подчеркивал важную роль, которую должна играть женщина наравне с мужчиной в управлении страной и создании гражданского общества. Ему часто задавали вопрос о том, каково будет положение женщины в новом Пакистане, будет ли она обязана соблюдать *парду*, разрешено ли ей будет работать вне дома и каковы вообще будут пределы ее свободы.

Так, на подобный вопрос одной из собеседниц он ответил: «Скажите вашим сестрам, что я – прогрессивный мусульманский лидер. Поэтому, например, я беру с собой свою сестру в самые консервативные районы, вроде Белуджистана или Северо-Западной Пограничной Провинции, где не увидишь женщину в мужском обществе. Моя сестра также присутствует на сессиях Всеиндийской Мусульманской лиги и в других публичных местах. Если будет на то воля Аллаха, Пакистан станет передовой страной, в строительстве которой женщины будут работать плечом к плечу с мужчинами во всех областях»²⁹.

В повседневной жизни Джинна проявлял такой же демократизм по отношению к женщинам, как и в своих речах. Во всяком случае, женщины, которые от него зависели – Ратти, Фатима и Дина, – пользовались большой свободой, в том числе финансовой. Особенно это касалось незамужней Фатимы, которой Джинна после смерти родителей дал все, что можно: среднее и высшее образование, профессию, собственную частную клинику, путешествия за границу, роскошную резиденцию, где она была хозяйкой после того, как Джинна овдовел.

Джинна разрешил всем своим сестрам не соблюдать *парду* (женское затворничество), не носить *бурка*, одежду, целиком скрывающую тело и лицо, и даже *хиджаб*, накидку, прикрывающую волосы и часть лица. Фатима, в частности, накидывала на голову тонкий шарф – *дупатта*, а иногда вообще фотографировалась с непокрытой головой.

Что касается Ратти, то та вела образ жизни, вызывающий в памяти божественное времяпрепровождение героинь Ф. Скотта Фицджеральда или Ивлины Во. Джинна, с детства привыкший экономить, покорно оплачивал ее счета, какими бы большими они ни были. Днем, пока Джинна работал, Ратти проводила время со своими друзьями в роскошном бомбейском отеле «Тадж-Махал»; она употребляла спиртное, что было немыслимо для мусульманки, и неоднократно путешествовала в Европу одна, без сопровождения мужа.

До определенного возраста, видимо, и Дина пользовалась всеми привилегиями, которые мог предоставить единственной дочери столь состоятельный и влиятельный отец. Но Дина

вышла замуж в 18 лет (как когда-то поступила ее мать), и дальнейшие отношения отца и дочери носили напряженный характер.

Джинне, как всякому нормальному мужчине, нравились общество молодых красивых женщин, однако в общении с ними он был хотя и весьма любезен, но сдержан и осторожен. Видимо, большую часть молодости Джинна прожил, соблюдая целибат. Во всяком случае, его первая жена умерла, когда ему еще не было 18 лет, и он более двух десятилетий не торопился с повторным браком, пока уже в весьма зрелом возрасте не встретил Ратти.

Во время учебы в Лондоне, где контакты молодых индийцев с женщинами были несравнимо свободнее, чем в Индии, Джинна, в отличие от своих земляков, не заводил никаких романов с англичанками, о которых стало бы известно его современникам или позднейшим биографам. Он поселился в пансионе некой миссис Пейдж-Дрейк. Сейчас на этом доме, находящемся по адресу Рассел-роуд 35, Кенсингтон, висит овальная бело-голубая мемориальная доска, где написано: «Каиди-Азам, Мохаммед Али Джинна, основатель Пакистана, жил здесь в 1895 году».

Фатима Джинна вспоминала, что у хозяйки пансиона была привлекательная дочь возраста Джинны. Иногда она устраивала в доме матери вечеринки для молодых людей, в которых Джинна под любым предлогом отказывался участвовать. «Был канун Рождества, – рассказывал сестре Джинна, – и семья готовилась праздновать. С верхушки двери свисала ветка омелы, под которой молодым христианам позволено целоваться. Мисс Дрейк схватила меня, когда я стоял под омелой, не подозревая об этом ритуале, обняла меня и сказала, что теперь я обязан ее поцеловать. Я ей возразил, сказав, что у меня на родине это не разрешается. Я доволен, что проявил твердость, поскольку после этого случая она не докучала мне своим кокетством»³⁰.

Не совсем понятно, зачем Фатима подробно рассказывает столь безобидную историю, разве что с целью лишний раз представить своего брата безупречным в моральном отно-

шении. Но и без того ясно, что повышенный интерес женщин к Джинне оставался не разделенным, как в случае с Сароджини Найду.

Джинна был совершенно равнодушен к рекламе и публичности, поэтому его отношения с прессой строились не самым лучшим образом. Журналисты относились к нему с уважением за то, что он никогда не лгал, но их любимцем он не был. «Он никогда не пытался задобрить нас, – говорил один из репортеров. – Из всех политиков с ним иметь дело было труднее всего. Он был привередлив и держался с нами слишком гордо. Он вызывал нас к себе домой, но никогда не предложил нам чашку чая или сигарету. Он был выше такой простой “взятки”, как эта»³¹.

Джинна некогда приехал в Лондон, по описанию сотрудников фирмы «Грэм», «высоким тощим парнем в длинном смешном пальто желтого цвета»³². Это «длинное желтое пальто» вспоминают буквально все авторы, пишущие о Джинне, хотя совершенно неясно, что это было, какой вид индийской мужской одежды за этим стоял. Шервани? Ачкан? Синдхское коти?

Со временем высокие заработки одного из самых модных бомбейских адвокатов предоставили Джинне возможность вести образ жизни настоящего миллионера. Уже говорилось, что он позволял себе экстравагантные слабости, в частности не без хвастовства рассказывал, что никогда не надевал один и тот же шелковый галстук дважды. Все его многочисленные костюмы шились на Сэвил-Роу, улице в центре Лондона, прославленной самыми дорогими мужскими портными. Дина подсмеивалась над увлечением отца красивой одеждой и дразнила его «денди» и «Красавчиком Брамеллом»^{*}.

То, что Джинна до старости был строен, элегантен и легко двигался, ввело в заблуждение последнего вице-короля, лорда Маунтбеттена, который не «рассмотрел» в Джинне человека, буквально умирающего от туберкулеза. Ни британские власти, ни члены Конгресса не осознавали терминальный характер его

^{*} Джордж Брайан Браммел (1778–1840) – английский денди, законодатель моды в эпоху Регентства. Главный персонаж нескольких фильмов под названием «Красавчик Браммелл».

болезни. Много лет спустя Маунтбеттен признался, что знай он об истинном положении вещей, то мог бы и затянуть процесс, связанный с образованием Пакистана, до кончины Джинны³³. Пакистан, в который до конца верил только его создатель, мог бы раствориться в пылающем чаду и кровавом тумане, которые сопровождали Раздел.

В 1931 г., будучи в Лондоне и гуляя по живописному холмистому району Хэмпстеда, Джинна набрел на трехэтажный особняк с высокой башней, стоящий в большом саду. Он представил, какой прекрасный окрестный вид открывается с этой башни, и твердо решил купить виллу немедленно.

По словам Болито, хозяйка виллы, леди Грэм-Вуд, помнила Джинну еще много лет, поскольку с первого взгляда он показался ей «совершенно очаровательным, настоящим джентльменом, прекрасно воспитанным»³⁴.

Переговоры о продаже виллы прошли легко и быстро: Джинна, не торгуясь, согласился на цену хозяйки, но попросил ее освободить дом как можно скорее; она же, в свою очередь, обратилась к нему с просьбой оставить на службе ее бывшего шофера Бредбери, который мог бы водить его «Бентли». Осенью Джинна купил Вест-Хит-хаус, как называлась вилла, набрал прислугу, в частности дворецкого-англичанина, горничную-англичанку, повара-ирландца и второго повара, которого специально выписали из Индии готовить любимое повседневное блюдо хозяина – карри с рисом. Из английской кухни Джинна признавал лишь ростбиф и открытый яблочный тарт.

Вскоре к Джинне присоединилась Фатима, бросившая свою не слишком успешную зубоврачебную практику в Бомбее и переехавшая в Лондон к брату. По субботам они ходили гулять, спускались с холмов Хэмпстед-Хита в долину, к усадьбе Кенвуд, прекрасному английскому парку с белоснежным невысоким дворцом, где теперь находится великолепный художественный музей. По дороге они миновали известную пивную-паб «Замок Джека Стро», где, как уверяют историки, сам Карл Маркс пил имбирное пиво со своими детьми.

История поместья Кенвуд любопытно связана с Россией, Романовыми и А. С. Пушкиным. В 1909 г. усадьбу арендовал

великий князь Михаил Михайлович Романов с супругой Софьей Меренберг – внучкой А.С. Пушкина (от младшей дочери поэта Наталии). В ноябре 1916 г. в Кенвуде отпраздновали свадьбу младшей дочери великого князя Надежды (правнучки Пушкина), которая вышла замуж за правнука королевы Виктории Георга, маркиза Милфорд-Хейвенского. На торжестве присутствовали король Георг V, королева Мария и другие члены королевской семьи.

Несмотря на тягу к роскоши, Джинна был чрезвычайно экономен там, где дело касалось «неразумных», на его взгляд, расходов, скажем, траты на приемы гостей или чаевые. Сравнивая бережливость мусульман и индусов, он любил повторять: «Если мусульманин достанет десять рупий, то сразу купит себе нарядный шарф и наестся *бирьяни* (блюдо типа плова. – А.С.). Индус же деньги отложит на будущее»³⁵.

В Лондоне Джинна сменил не только одежду – загадочное «желтое пальто» уступило место костюмам из тонкой шерсти с шелковыми галстуками. Он также сменил свое имя на легче выговариваемое и более благозвучное для европейцев. Сохранилась его первая чековая книжка, где он написал своей рукой: «MANOMEDALLI JINNAHBHAI ESQ». Уже через несколько недель на месте этой длинной подписи появилась другая, знакомая всему миру: «M.A. JINNAH»³⁶.

¹ Manto S.H. *Selected Stories* / tr. by Aatish Taseer. Vintage/Random House India, 2008. P. 79.

² Khairi Saad R. *Jinnah Reinterpreted: The Journey from Indian Nationalism to Muslim Statehood*. New York: Oxford University Press, 1995. P. 468.

³ Sharif al-Mujahid. *Jinnah – Studies in Interpretation*. Karachi: Quaid-j-Azam Academy, 1981.

⁴ Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017.

⁵ Pakistan mourns the death of Jinnah's only child Dina Wadia // *Hindustan Times*. 5.11.2017.

⁶ President, PM convey nation's grief at Dina Wadia's funeral // *Dawn.com*. 07.11.2017.

⁷ Цит. по: Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955. P. 27.

⁸ Ibid. P. 18.

⁹ Цит. по: Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955. P. 22.

- ¹⁰ Naidu, Sarojini. *Jinnah – Ambassador of Hindu-Muslim Unity / Quaid-e-Azam as seen by his contemporaries*. Lahore: Publishers United LTD., 1966. P. 158–159.
- ¹¹ Цит. по: Bolitho Hector. Op. cit. P. 27.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. Mumbai: Bharatiya Vidya Bhavan, 2012. P. 95.
- ¹⁴ Ibid. P. 79.
- ¹⁵ Jinnah Fatima. *My Brother*. Karachi: Quaid-e-Azam Academi, 1987. P. 18.
- ¹⁶ Цит. по: Bolitho Hector. Op. cit. P. 13.
- ¹⁷ Wolpert Stanley. *Jinnah of Pakistan*. Delhi: OUP, 1989. P. 14.
- ¹⁸ Jinnah Fatima. *My Brother*. Karachi: Quaid-e-Azam Academi, 1987. P. 28.
- ¹⁹ Pirzada Syed Sharifuddin. *Some Aspects of Quaid-i-Azam's Life*. Islamabad: National Commission on Historical and Cultural Research, 1978. P. 11.
- ²⁰ Bolitho Hector. Op. cit. P. 13.
- ²¹ Wolpert Stanley. Op. cit. P.
- ²² Цит. по: Bolitho Hector. Op. cit. P. 213.
- ²³ Цит. по: Ahmed S. Akbar. *Jinnah, Pakistan and Islamic Identity: The Search for Saladin*. London: Routledge, 1997. P. 82.
- ²⁴ Begum Geti Ara Bashir Ahmad. *Quaid-i-Azam and Muslim Women / Quaid-e-Azam as seen by his contemporaries*. Lahore: Publishers United LTD., 1966. P. 103.
- ²⁵ Ibid. P. 104.
- ²⁶ Цит. по: Shahnawaz Jahan Ara. *Quaid-i-Azam and Muslim Women*. Karachi: National Book Foundation, 1976. P. 232.
- ²⁷ Begum Shaista Ikramullah. *The Quaid-i-Azam as I Knew Him / Quaid-e-Azam as seen by his contemporaries*. Lahore: Publishers United LTD., 1966. P. 107.
- ²⁸ Begum Jehan Ara Shah Nawaz. *Reminiscences / Quaid-e-Azam as seen by his contemporaries*. Lahore: Publishers United LTD., 1966. P. 100.
- ²⁹ Цит. по: Begum Geti Ara Bashir Ahmad. *Quaid-i-Azam and Muslim Women*. P. 104.
- ³⁰ Jinnah Fatima. *My Brother*. P. 77.
- ³¹ Pirzada Syed Sharifuddin. *Some Aspects of Quaid-i-Azam's Life*. Islamabad: National Commission on Historical and Cultural Research, 1978. P. 211.
- ³² Bolitho Hector. Op.cit. P. 7.
- ³³ Ahmed S. Akbar. *Jinnah, Pakistan, and Islamic Identity: The Search for Saladin*. London: Routledge, 1997. P. 112.
- ³⁴ Ibid. P. 101.
- ³⁵ Beg Aziz. *Jinnah and his Times*. Lahore: Allied Press, 1986. P. 121.
- ³⁶ Jinnah Fatima. *My Brother*. P. 82.

Глава II

МАТЕРИНСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Как и у многих исторических деятелей, у Джинны нет одной точно установленной даты рождения. В регистрационной книге *Мадрасат ул-Ислам*, где он учился в Карачи, его днем рождения значится 30 октября 1875 г. Но сам Джинна всегда подчеркивал, что он родился в воскресенье 25 декабря, т. е. в христианское Рождество, 1876 г.

Предки Джинны принадлежали к религиозной общине *Ходжа* – так называют в Индии исмаилитов-низаритов, духовной главой которых является Ага Хан*. Сам термин *Ходжа* произошел от почетного персидского звания благочестивого человека *Хаджа*. В Индии *Ходжа* в основном проживали в Гуджарате, Махараштре и Раджастхане, и их языком был гуджарати. После образования Пакистана большинство *Ходжа* переехали в столицу, в Карачи.

Создателем секты *Ходжа* и шрифта *ходжки*, на котором записаны их духовные тексты – гимны и мистическая поэзия – *гинаны*, был крупнейший исмаилитский богослов и миссионер (*да'и*) Пир Садардин (точнее, Садруддин, 1290–1367). Он обратил в ислам большую часть проживавших в Гуджарате раджпутов касты Лохана, которые и составили первые поколения общины *Ходжа*. Поэтому в духовном наследии *Ходжа* сохранилось немало индусских влияний, в частности концепция «Десяти аватар» (*Дашаватара*)**. На раннем этапе

* Ага Хан – наследственный титул главы религиозной общины исмаилитов-низаритов. Действующий Ага-хан IV вступил в должность в 1957 г.

** Дашаватара – десять основных аватар Вишну, которые обстоятельно описываются в Пуранах. В философии вайшнавизма аватара обычно используется для обозначения «воплощения» или «явления», а *даша* на санскрите означает «десять».

индийские исмаилиты-низариты вообще называли свое учение на санскрите *Сатпантх* («Истинный Путь») и лишь позднее стали именоваться Ходжа¹. Имена, которые давали своим детям Ходжа, часто были немусульманскими (как имена матери и тетки Джинны – Митхибай, Манбай).

Со временем семья Джинны отошла от исмаилизма и сначала примкнула к иснаашаритам (шиитам-двунадесятникам). Однако в зрелом возрасте Джинна и его сестра Фатима относили себя к самому распространенному в Пакистане толку ислама – суннизму ханафитского *мазхаба*.

Как рассказывает Фатима Джинна, их семья была родом из небольшой деревни Панели, расположенной в туземном княжестве Гондал на полуострове Катхиавар (Гуджарат). Отсюда отец семейства Джиннабхай Пунджа с молодой женой Митхибай переехали в растущий город-порт Карачи. Здесь в районе порта, на улице Ньюнхем-роуд, они сняли двухкомнатную квартиру на первом этаже трехэтажного особняка, называемого по имени владельца «Вазир-меншен». В наше время в этом здании находится государственный музей «Место рождения Каид-и-Азама»².

Именно в этой съемной квартире родился первенец семьи Мохаммед Али, или, как его звали в детстве, Мамад. О раннем детстве Джинны существует много легенд и рассказней, не соответствующих действительности. Свою лепту в них, как ни странно, внесла Сароджини Найду, описавшая Джинну как «старшего сына богатого торговца, воспитанного в полном достатке»³. Вряд ли богатый торговец стал бы держать семерых детей в двухкомнатной квартире, в перенаселенном портовом районе Кхарадар, где под окнами кричали рикши и ревели груженные тюками хлопка верблюды.

Продолжает легенды о юном Джинне история о каком-то сказочном астрологе, который остановил юного Мамада на улице и предсказал ему, что он станет «повелителем в своей собственной стране», когда вырастет⁴. И это не единственная легенда-предсказание чудесного будущего Джинны. Якобы в бомбейском отеле «Тадж-Махал», где время от времени обитали почти все действующие лица нашего повествования, посе-

лилась ясновидящая-ирландка. Она расспрашивала Сароджини Найду о Джинне, в частности, испытывает ли он боли в руке. По неизвестной причине Джинна это недомогание скрывал, и когда Сароджини из любопытства обратилась к нему, сославшись на информацию ирландки, пришел в негодование и, в свою очередь, засыпал ее вопросами: «Зачем вам это знать?» «Кто вам об этом сказал?» «Да, иногда у меня болит рука, ну и что?».

Сароджини отправилась с отчетом к ирландке, которая торжественно изрекла: «Да, я знала, что он испытывает боль в руке. Но я также знаю, что этот человек однажды создаст свое собственное государство»⁵. Уловить связь между болью в руке и созданием нового государства простому человеку не под силу, однако Сароджини отнеслась к этому сеансу ясновидения серьезно и позднее водила на прием к ирландке своих друзей и родных.

Еще одна легенда, по смыслу прямо противоположная рассказу Сароджини Найду о материальном положении семьи Джинны, говорит о том, что в школьные годы он жил так бедно, что был вынужден учить уроки, сидя под уличным фонарем, поскольку у него дома не было ни свечей, ни спичек⁶. Очевидно, что Мохаммед Али не был ни сыном богача, ни нищим, сидящим под фонарем. Правда, как всегда, находится где-то посередине.

Семья Джинны жила скромно, так как сколько бы ни зарабатывал отец, он принципиально избегал «ненужных трат». Деньги тратились только на то, что было действительно необходимо. Такое отношение к заработанному и потраченному перешло детям, в первую очередь Мохаммеду Али, которому после банкротства отца пришлось некоторое время содержать всю семью, и Фатиме, которая много лет весьма экономно вела хозяйство в доме брата. У отца Джинны определенно были способности к коммерции, и со временем его бизнес по экспорту-импорту оказался настолько прибыльным, что он смог послать старшего сына учиться в Англию, что позволяла себе лишь небольшая прослойка состоятельных индийцев.

Как пишет Фатима Джинна: «Хотя наш отец не получил регулярного школьного образования на английском языке, его

усердие и природные способности позволили ему научиться хорошо говорить по-английски. Тогда это считалось большим достижением, мало кто из торговцев в Карачи мог объясняться на английском языке. Похоже, что именно его умение говорить по-английски способствовало его сближению с главным управляющим фирмы “Грэм Трейдинг Ко.”, и это оказалось настоящим благословением для быстрого расширения его бизнеса»⁷.

К моменту рождения первенца у отца Джинны уже появились приличные заработки: он занимался экспортом тканей, хлопка, шерсти, кож, а также импортом манчестерского текстиля и очищенного сахара. Дела его шли так хорошо, что Митхибай могла себе позволить самую лучшую акушерку в Кхарадаре и частые визиты детского врача.

Дело в том, что первенец родился слабым, худым, с непропорционально длинными руками, большой и вытянутой, как у гидроцефала, головой. Несмотря на уверения доктора, что ребенок органически здоров и поправится, когда наберет вес, Митхибай постоянно плакала от тревоги и страха за жизнь своего драгоценного сына. Мальчик, которого называли Мохаммед Али, навсегда стал ее любимцем, несмотря на то что впоследствии она родила еще шестерых детей: дочерей Рахмат, Мариам, Ширин, Фатиму и сыновей Ахмеда Али и Банде Али.

Именно потому, что Мамад часто болел и нуждался в покровительстве вышних сил, Митхибай потребовала от мужа, чтобы младенца отвезли в *даргах* святого Хасана Пира, находившийся в Ганод, недалеко от их родной деревни, чтобы там провести над ним церемонию *акика*, предписанную Пророком. *Акика* совершается на седьмой день от рождения; в этот день ребенку нужно выбрить голову, взвесить его первые волосы и раздать милостыню *садака* золотыми или серебряными монетами, равными по весу детским волосам. В день *акика* официально объявляют имя ребенка и приносят в благодарственную жертву двух баранов (за мальчика) и одного – за девочку.

Хотя сам Джинна, в отличие от многих пакистанских политиков, в том числе и нынешнего премьер-министра Имрана Хана, был равнодушен к распространенному в Южной Азии культу святых и суфийских духовных наставников, было бы

странно, если бы история его жизни обошлась без участия какого-либо святого. Митхибай до конца своей жизни верила – и как оказалось, была права – в то, что ее мальчика ждет великое будущее, для чего и требовалось благословение местного святого Хасана Пира.

Итак, Джиннабхай Пунджа под настойчивым давлением жены согласился отправиться с ней и с новорожденным младенцем в довольно опасное путешествие на парусной шлюпке из Карачи в Веравал, ближайший порт на Катхиаваре. По дороге наемная шлюпка, в которой были еще несколько пассажиров, попала в шторм, и семья Джинны чудом уцелела. Наземная часть путешествия в Ганод в повозке, запряженной буйволами, прошла благополучно⁸.

Житие святого Хасана Пира, коль скоро он оказался причастен к биографии Джинны, типично для южноазиатской агиографии. Он был исмаилитским миссионером XV в., родом из Ирана, обращавшим язычников в ислам на Катхиаваре. Около деревни Панели он соорудил шатер, где жил и проповедовал. Днем он предавался своему служению, а по ночам молился и медитировал на берегу протекавшей рядом реки Бхадхар. Однажды ночью налетела буря, огромная волна вышла из берегов и утянула святого за собой. Его мертвое тело утром всплыло около деревни Ганод, жители которой похоронили святого и построили ему гробницу – *мазар*, который со временем превратился в популярный и посещаемый *даргах*.

Большинство южноазиатских святых имеют свою четко очерченную сферу действия, так сказать «узкую специализацию»: к ним обращаются с вполне определенными просьбами, и они оказывают своим адептам помощь в конкретной жизненной ситуации. Так, Хасан Пир известен тем, что покровительствует мальчикам, которые прошли в его *даргахе* через ритуал *акика*. Именно этим и объяснялось упорство матери Джинны, которая верила, что святой Хасан Пир обеспечит будущее ее любимца, если над ним совершат *акика* в Ганод.

Когда Мохаммеду Али исполнилось шесть лет, ему наняли домашнего учителя, чтобы обучать его гуджарати – родному языку членов общины Ходжа – и арифметике. Митхибай,

всегда тревожившаяся о своем любимце, считала, что школа находится слишком далеко от дома и ребенок будет уставать по дороге. С самого начала Мамад невзлюбил учение, и если к урокам чтения и письма был просто равнодушен, то арифметику люто возненавидел. Это огорчало его отца, видевшего в первенце продолжателя семейной торговли, где без арифметики не обойтись.

В 1887 г. в гости к семье Джиннабхая приехала его единственная сестра Манбай, жившая в Бомбее. Она была замужем за более состоятельным, чем отец Джинны, торговцем Ходжа по имени Пирбхай. Мохаммеду Али тетка очень понравилась своим веселым и легким нравом. По воспоминаниям Фатимы, тетя Манбай ежевечерне рассказывала детям арабские сказки о волшебной лампе Алладина, страшных джиннах и прекрасных пери.

Манбай, которой, в свою очередь, понравился миловидный и воспитанный племянник, уговорила брата отпустить его в гости, в Бомбей, чтобы он увидел город, в котором ему предстояло жить и работать большую часть жизни. В Бомбее Мамада отдали учиться; по мемуарам Фатимы, это была мусульманская школа Анджуман-и-Ислам, где Мохаммед Али проявил не больше прилежания и интереса, чем в других учебных заведениях. Однако мать Мамада скучала без своего любимца и через полгода затребовала сына обратно в Карачи, где он поступил в синдхское медресе.

Забегая вперед, следует несколько подробнее сказать об отношении Джинны к языку гуджарати, который его семья считала родным, а сам он, владея этим языком, использовал его только по случаю. Джинна учил гуджарати в Мадрасат ул-Ислам, одной из старейших и лучших традиционных школ Синда*, и мог читать, писать и изъясняться на этом языке. Примерно в той же степени он знал хинди и урду. Но истинно родным языком, которым он владел блистательно и с редким

* Мадраса была основана в 1885 г. Хасаном Али Эффенди, прадедом Асифа Али Зардари (мужа премьер-министра Беназир Бхутто и президента Пакистана в 2008–2013 гг.). В этой же мадраса учились сэр Шахнаваз Бхутто (дед Беназир), Абдулла Харун, биограф Джинны, Гулям Али Аллана и другие крупные политики и общественные деятели Синда.

совершенством, что отмечали многие британцы, для него так и остался язык колонизаторов – английский.

Удивительно, но, произнося свои речи по-английски, Джинна эмоционально воздействовал на толпы слушателей, подавляющее большинство которых английский язык знало плохо или не знало совсем. Здесь явно не обошлось без «магнетизма» его личности, о котором писала Бегум Шаиста Икрамулла.

Говорила об этом, и весьма выразительно, Бегум Раана Лиакат Али Хан: «Вы должны помнить, что Джинна, кроме своей неподкупности, которая была просто пугающей, мог быть очень властным, когда он решал доминировать над индивидом или группой лиц. Я видела, как он покачивает пальцем в чью-то сторону и убеждает: “Вы говорите ерунду, сами не понимаете, о чем говорите”. Сразу все вокруг замолкали. Но настоящая его власть простиралась над большой аудиторией. Даже там, с ними, он использовал свой монокль, спокойно вставлял его, убирал, а затем начинал свою речь. *И вся его власть над массами действовала, несмотря на языковой барьер. Он говорил с людьми по-английски – но они слушали, как зачарованные*» (курсив мой. – А.С.)⁹.

Безусловно, в толпе были переводчики, и многие молодые индийцы знали язык на каком-то уровне, но невероятной силы энергетика Джинны, его мощный энергопотенциал делали понятными его слова для любой аудитории вне зависимости от уровня знания языка.

Махатма Ганди, возможно желая указать Джинне на его слабое место, неоднократно публично взывал к нему то с просьбами, то с требованиями получше подучить гуджарати, который, кстати, являлся родным языком и для самого Ганди. В письме к Джинне, в ту пору находившемуся с молодой женой в Лондоне, 28 июня 1919 г. Махатма писал: «И Вы мне обещали, что займетесь гуджарати и хинди как можно скорее. Могу я рассчитывать, что Вы, как Маколей, выучите хотя бы один из этих языков к Вашему возвращению домой?»¹⁰.

Однажды Ганди все-таки заставил Джинну публично выступить на гуджарати на национальном собрании Гуджар Сабха в июле 1917 г. Джинна вышел на трибуну и заявил:

«Господа, сегодня я говорю на гуджарати, как велел Ганди-джи. И сказав первую часть моей речи на гуджарати, я закончу ее на английском». Здесь слушатели разразились смехом и аплодисментами, а Джинна невозмутимо продолжил свою речь по-английски и говорил еще 40 минут¹¹.

С языком гуджарати связан еще один любопытный сюжет из личной жизни Джинны. В 1915 г. выходящий на этом языке журнал *«Висами Сади»* («Двадцатый век») обратился к Джинне с просьбой заполнить опросник, ответы на который будут содержать личную информацию о нем. Со второй половины XIX в. подобные анкеты, показывавшие вкусы, черты характера, стремления и убеждения заполнявших их людей, были модны и распространены в английских салонах. Модная салонная традиция, зародившаяся в образованном обществе викторианской эпохи, была известна под названием «альбом признаний», на каждой странице которого располагался ряд вопросов. Это увлечение охватило всю Европу и долго не выходило из моды.

Жанр этих анкет иногда называют «Опросник Пруста», поскольку именно ответы этого великого писателя, опубликованные в 1892 г. в журнале *«La Revue Illustrée»*, были признаны наиболее интересными¹². К этим же анкетам относится еще более знаменитая «Исповедь» Карла Маркса (1865). Как видим, жившие в Бомбее издатели журнала на мало кому известном в Европе языке не отставали от моды.

В опроснике Джинны, заполненном на гуджарати от руки и скрепленном личной подписью автора, всего восемь довольно банальных вопросов, но они до какой-то степени характеризуют личность Великого Вождя.

1. Какое качество восхищает вас в мужчине? Независимость.
2. Какое качество восхищает вас в женщине? Преданность.
3. В чем, по-вашему, жизненный успех? Обрести любовь народа.
4. Как вы предпочитаете отдыхать? Ездить верхом.
5. Ваш любимый цветок? Лилия.
6. Ваш любимый писатель? Шекспир.
7. Ваша любимая книга? «Граф Монте-Кристо».
8. Каков ваш девиз? Никогда не сдаваться¹³.

Надо сказать, что за исключением ответа на третий вопрос о жизненном успехе в «Опроснике Джинны» нет ничего придуманного или неожиданного. Он и вправду был совершенно независим, причем смолоду. Все близкие ему женщины – мать, сестра, жена, даже такие коллеги-подруги, как Сароджини Найдуги и Джаханара Шахнаваз, – проявляли по отношению к нему исключительную преданность. Шекспира он действительно хорошо знал и любил.

Но вот считать жизненным успехом завоевание любви народных масс мог человек с сильно завышенными амбициями, одолеваемый тщеславием и гордыней. *À propos*, немного курьезным кажется несоответствие между любимым писателем Джинны и его любимой книгой: все-таки Шекспир и Дюма-отец фигуры разного масштаба.

Но вернемся к учебе, к которой Джинна не проявлял никакого интереса. Более того, его обучение не было систематическим. Он учился, переходя с места на место, сначала в мусульманской школе Анджуман-и-Ислам в Бомбее, где некоторое время жил у своей тетки со стороны отца, затем поступил в Мадрасат ул-Ислам в Карачи, но через несколько лет был исключен оттуда «из-за длительного отсутствия».

Потом родители отдали его в привилегированную школу при христианской миссии, но и там он не задержался надолго и вернулся в Мадрасат ул-Ислам. Остается удивляться, как, не получив серьезного среднего образования, Джинна сумел за несколько лет самостоятельных занятий подготовиться к поступлению в британскую юридическую школу.

Избыток свободного от уроков времени Мохаммед Али проводил на улице, играя с приятелями в цветные камешки – *марблы*. *Марблы* предположительно появились впервые во времена индской цивилизации на территории современного Пакистана. Различные *марблы*, сделанные из камня, были найдены на раскопках близ Мохенджо-Даро. Однажды Мохаммед Али, бывший лидером уличных мальчишек, сказал: «Хватит играть в *марблы*. От них только одежда пачкается и руки становятся грязными. Пошли учиться играть в крикет». И его приятели послушно последовали за ним с пыльной улицы Ньюнхем-роуд

на широкое поле, где Джинна, у которого была своя клюшка, показал ребятам, как ей пользоваться, а также, как поставить на поле вертикальные стойки – пни. Когда через год он собрался уезжать в Англию, то оставил свою клюшку приятелю Нанджи Джафару и велел ему научить всю компанию играть в крикет, пока его не будет¹⁴.

Но настоящей страстью юного Джинны были лошади и верховая езда. К 1890 г. дела у Джиннабхай Пунджи шли настолько хорошо, что он смог приобрести собственные «конюшни» и несколько «красивых колясок»¹⁵. В этих конюшнях и проводил дни юный Джинна вместо того, чтобы учить арифметику. Но, несмотря на то что сын не блистал успехами, где бы ни учился, Митхибай продолжала твердить: «Подождите, вы еще увидите, что наш Мамад станет великим человеком. Мы все будем им гордиться, а все чужие будут ему завидовать»¹⁶.

Отец, пытаясь изменить отношение Мамада к учебе, наставлял его: «Сынок, есть только два пути научиться жить. Первый – верить в мудрость старших, следовать их советам и учиться на их ошибках. Второй путь – идти своей собственной дорогой, делая свои ошибки и получая удары и неся потери от жизни»¹⁷. Второй совет полностью соответствовал темпераменту молодого Джинны, и внимательно выслушав отца, он никогда не забывал этот урок.

Когда Мохаммеду Али исполнилось 15 лет, отец всерьез задумался о его будущем. Отношение Джинны к учебе кардинально изменилось. Как пишет Фатима, «он хотел нагнать упущенное, поскольку мальчики его возраста оставили его далеко позади. Он занимался до глубокой ночи, когда остальные дети давно спали. Однажды я сказала ему, что он заболест, если будет столько заниматься. На что он ответил: “Ты знаешь, что я не смогу ничего достичь в жизни, если не буду много работать”»¹⁸.

Тем не менее материальное положение семьи исключало возможность продолжения образования Мохаммеда Али в университете. Да и Джиннабхай предпочитал видеть сына не студентом-интеллектуалом, а деловым человеком, продолжателем семейного дела. И тут в судьбу Джинны ворвалось первое чудо, если не считать благословения святого из Ганоа.

Главный управляющий фирмы «Дуглас Грэм Трейдинг и Ко» сэр Фредерик Ле Крофт, которому нравился Мамад – возможно, редкой для юноши его круга аристократической привязанностью к верховой езде и необычной внешностью, предложил отправить его на три года учеником в головной офис фирмы в Лондон.

По существу, этот сэр Фредерик, бездетный холостяк, о котором мало что известно, разве только то, что он был «в своем роде денди, каждый день со свежей гвоздикой в петлице»¹⁹, интуитивно угадал в худом высоком индийском подростке его невероятное будущее и решил его судьбу.

Джиннабхай Пунджа долго высчитывал, во что ему обойдется обучение сына за границей, но, взвесив все «за» и «против», решил, что наличие в фирме наследника, обучавшегося бизнесу в Англии, полностью оправдывает его расходы. Однако согласие отца еще не решало дела. Узнав о планах мужа отослать Мамада из дома на целых три года, Митхибай чуть не обезумела от горя. Разлука с любимым сыном казалась ей концом жизни. Она целыми днями плакала, уговаривала мужа и сына отменить поездку, но решение было принято окончательно.

Тогда Митхибай выдвинула свое условие, сказав: «Англия – очень опасная страна для такого красивого неженатого юноши, как Мамад. Английская девушка вскружит ему голову и заставит взять ее в жены. Это будет трагедия для всей семьи»²⁰. Иными словами, она была готова отпустить сына за границу только женатым.

Тут же нашлась и подходящая невеста – девушка из родной деревни Панели, тоже из общины Ходжа, тоже дочь торговца, на несколько лет моложе Мамада – Эмибай. Вероятно, это был единственный случай, когда Джинна позволил другим людям принимать решение по столь важному для себя вопросу. Но он любил мать и не хотел огорчать ее отказом. Тем более что мать уверила себя и окружающих, что не дождется возвращения любимого сына и больше его не увидит.

Собираясь на собственную свадьбу в Панели, Джинна навсегда распрощался с Мадрасат ул-Ислам, о чем в школьных анналах осталась соответствующая запись: «Мохаммед Али

Джиннабай покинул *мадраса* и отправился в княжество Кач в связи со своей свадьбой». Эту школу он ностальгически вспоминает в своей первой речи в качестве генерал-губернатора 9 августа 1947 г.: «Да, я родился в Карачи и в детстве играл в камешки в здешних песках, и школа моя находится тут, в Карачи»²¹.

В своем завещании Джинна пожертвует большую сумму трем учебным заведениям, куда наряду с его *alma mater* Мадрасат ул-Ислам войдут Алигархский университет (Индия) и Исламия Колледж в Пешаваре. В настоящее время Мадрасат ул-Ислам превратилась в большой университет²².

Поскольку жители деревни Панели считали, что к ним из Карачи приехал миллионер женить сына, отец Джинны решил их не разочаровывать. Он привез подарки всем родным, знакомым и малознакомым односельчанам. Из Карачи прибыли ящики с фейерверками, и обычно тихий и сонный Панели задрожал от взрывов и окрасился во все цвета радуги. Из Гондала пригласили профессиональных барабанщиков, которые шли впереди свадебной процессии, медленно двигавшейся к дому невесты с подарками и украшениями. Женщины распевали свадебные песни и разбрасывали вокруг себя рис, как заведено обычаем. Свадебные приемы и торжества длились целую неделю, и в них принимали участие все жители деревни²³.

Джинна, как положено жениху, с головы до ног закутанный в струящиеся цветочные гирлянды, сшитые между собой невидимыми нитями, ехал верхом к дому своего тестя, где ждала 14-летняя Эмибай в дорогом свадебном наряде, с разрисованными хной руками и лицом, припудренным золотой пылью. Поскольку Джинна никогда не рассказывал о своем первом браке, неизвестно, испытал ли он какие-либо чувства по отношению к невесте. Понравилась ли она ему? Вскоре после свадьбы он уехал в Лондон и никогда больше не видел свою новобрачную. Задолго до его возвращения из Англии Эмибай умерла.

Между биографами Джинны существуют противоречия по поводу времени и обстоятельств ее смерти. Если Фатима Джинна и Г. Аллана пишут, что Эмибай умерла в Карачи, пока

Джинна учился в Лондоне, то другой исследователь, Ризван Ахмад, утверждал, что Эмибай скончалась от холеры в Бомбее, где жила с отцом и сестрой мужа в районе Ходжа Мохалла.

Сам Джинна якобы уже вернулся из Англии в Бомбей, но жил не с семьей, а в гостинице «Apollo Hotel»²⁴. Отец потребовал, чтобы по возвращении в Индию Мохаммед Али взял новую жену, но тот категорически отказался, добавив, что дал зарок больше не жениться²⁵. И соблюдал этот зарок почти двадцать два года.

Бесспорно одно: в январе 1893 г. Мохаммед Али отплыл в Англию на пароходе компании «Пасифик энд Ориент». Через три недели он сошел на берег в Саутгемптоне и поездом добрался до Лондона. В конторе «Грэма», которая располагалась в лондонском Сити, его посадили за стол с бухгалтерскими книгами, с которых он должен был снимать копии. Более скучной работы Джинна не мог себе представить. Новое окружение, холодный и сырой климат, удушливые лондонские туманы, безвкусная пресная еда, – все нагоняло на него тоску.

Первоначально жизнь в Лондоне казалась ему непонятной и странной, но в будущем эти странности превратились в анекдоты, которыми Джинна развлекал гостей со свойственным ему суховатым юмором. Одна из этих историй из-за сходства с рассказами Джерома К. Джерома стала, можно сказать, всемирно известна.

Джинну не предупредили, что зимой англичане, чтобы согреть постель, кладут в нее бутыл с горячей водой. В первую же ночь в гостинице Джинна в полной темноте наткнулся на такую бутыл, крышка ее приоткрылась, и из нее струйкой потекла горячая вода. Для юноши, выросшего в тропиках, ситуация выглядела однозначно: в темноте он нечаянно задавил какое-то животное, которое лежало в его постели, и теперь оно истекает кровью. «Я убил его! Убил!» – продолжал кричать Джинна, пока хозяин гостиницы не явился в его номер с зажженной лампой и не продемонстрировал нанесенный постели ущерб²⁶.

«Я был молод и одинок. Находился далеко от дома. Кроме нескольких коллег из “Грэма” я не знал ни одной живой души,

и громада Лондона тяжким грузом давила на мое одиночество. Но вскоре я привык к жизни в Лондоне, и она стала мне нравиться»²⁷. В будущем он полюбил этот город, многократно бывал в нем по делам и для души, жил в нем по несколько лет и даже рассматривал возможность поселиться в нем навсегда.

В общем понятно, почему жизнь в Лондоне быстро стала нравиться Джинне. Дело в том, что его натуре были близки некоторые «базовые» свойства «островного» британского менталитета: соблюдение личных границ, физической и психологической дистанции; самообладание, граничащее с невозмутимостью; экономность, пунктуальность, специфическое чувство юмора. Некоторые из этих свойств словно соответствовали его природным качествам, совпадали с чертами его характера.

«Парадоксально, – писал Акбар Ахмад, – но поведение Джинны отражало как англо-индийскую социологию, так и исламскую теологию. Его бережливость до скупости, его пунктуальность, его неподкупность, его прямота, его отказ поддерживать *сифариси* (непотизм) были чужды южноазиатскому обществу. Это были ценности, которые он впитал в Великобритании. Позднее он попытался сплавить их со своим пониманием ислама. Две его первые речи в Конституционной ассамблее Пакистана в 1947 г. отражают некоторые идеи западного либерального общества и попытки Джинны найти отголосок этих идей в истории ислама, начиная с времен Пророка. Джинна пытался создать синтез»²⁸.

Лондон изменил не только имя и гардероб Джинны, но и его занятия, привычки и интересы. Первая британская привычка, которую Мохаммед Али усвоил навсегда, – чтение утренних газет за завтраком. Вместе с чтением газет пришел страстный интерес к политике. Джинна стал посещать политические дебаты на галерее посетителей в Вестминстере. Однако эти новые интересы полностью исключали нудную работу ученика в торговом агентстве «Дуглас Грэм Трейдинг и Ко», и всего через несколько месяцев лондонского житья Мохаммед Али подал прошение о поступлении в корпорацию Линкольнс-Инн.

Еще одной британской привычкой стала манера говорить, покачивая пальцем в сторону слушателя. «Мой дорогой друг, –

говорил он при этом, – Вы ничего не поняли»²⁹. Этот жест и форму обращения Джинна сохранил до конца жизни.

Тем временем отец, узнавший из письма сына о его решении поставить крест на карьере бизнесмена, пришел в ярость и потребовал его немедленного возвращения домой. Однако Джинна уверил отца, что будет работать и не станет обращаться к нему за денежной помощью и что профессия юриста даст ему возможность зарабатывать в Карачи намного больше, чем занятие торговлей.

Джинна сдавал вступительные экзамены по несколько упрощенной системе – это были предварительные экзамены, так называемые Little-Go, к тому же его освободили от экзамена по латыни, хотя трудно представить себе юриста, не знающего латыни. Прежде чем стать полноправным адвокатом (барристером), Джинне предстояло вступить в одну из четырёх юридических палат или корпораций, судебных *иннов* – Линкольнс-Инн, Грейс-Инн, Миддл-Тэмпл либо Иннер-Тэмпл. Их здания и теперь занимают обширную территорию на стыке границ Сити, Холборна и Вестминстера.

Список тех, кто закончил Линкольнс-Инн, выглядит весьма впечатляюще: Томас Мор, Уильям Питт, двое из величайших премьер-министров Великобритании, Дизраэли и Гладстон, учились там, но не закончили полный курс. Юридическое образование Джинны представляло собой с небольшими видоизменениями средневековую систему цехового ученичества, принятую при основании Линкольнс-Инна во второй половине XIV в.

Некогда студенты проживали в угрюмых стенах заведения. Но после того, как число студентов превысило вместимость Линкольнс-Инна, традиции общежития сохранялись символически: все студенты должны были обедать вместе в Большом Зале не менее трех раз. Непринужденная обстановка таких обедов, где молодые барристеры могли набираться опыта у старейшин, считалась важной составной частью юридического образования.

Класс Джинны принадлежал к старой школе тех молодых джентльменов, что считались пригодными к юридической карьере, если осваивали жаргон, надлежащим образом одевались и умели пользоваться столовыми приборами³⁰.

Впоследствии Джинна неоднократно объяснял, что выбрал именно Линкольнс-Инн, потому что над его главным входом в перечне имен великих законодателей сего мира стояло имя Пророка Мохаммеда. С. Уолперт и А. Ахмед категорически утверждают, что такого перечня над входом в палату никогда не было и нет.

«Но то, что Джинна мог видеть, – это фреска Дж. Ф. Уотта в Новом Холле “Линкольнс инн” под названием “Законодатели”, где Пророк был изображен вместе с Моисеем, Иисусом и другими великими духовными вождями цивилизации»³¹. А. Ахмед добавляет, что Пророк на фреске был изображен в зеленой чалме и зеленом одеянии³².

Однако для мусульман любое изображение Пророка – богохульство, которое карается суровым наказанием вплоть до смертной казни. Поэтому Джинна не мог признаться своим слушателям-мусульманам, что в юности выбрал место обучения под влиянием *изображения* Пророка. Его память услужливо стерла это *запретное изображение* и заменила просто *именем* Пророка, якобы начертанном над входом.

О студенческих годах Джинны мало что известно, кроме его увлечения театром. Правда, одна из рассказанных им историй показывает, что он был не чужд самых простых и грубоватых юношеских развлечений. Однажды его спросили, как он сумел избежать тюремного заключения в годы борьбы за независимость. Ведь практически все руководители Конгресса раньше или позже попадали за решетку.

«У меня тоже были трения с полицией, – ответил Джинна. – Это было в ночь соревнования по гребле между Оксфордом и Кембриджем. Я был студентом в Лондоне и приехал с двумя приятелями. Здесь нас подхватила толпа старшекурсников. В переулке мы нашли тележку и стали катать друг друга вверх-вниз по дороге, пока нас не арестовали и препроводили в участок. Боюсь, что до тюрьмы дело не дошло. Нам сделали внушение и отпустили»³³.

Изучая право, Джинна стремился расширить диапазон своих знаний и интересов. Он проводил немало времени в библиотеке Британского музея. По воскресным утрам он

ходил на знаменитый Гайд-парк-Корнер, где выступали уличные ораторы, поражавшие слушателей безумными прожектами. Он был постоянным посетителем Палаты общин, где с восторгом внимал выступлениям таких выдающихся государственных деятелей, как Гладстон, лорд Морли, Джозеф Чемберлен, Бальфур. Здесь он впервые оценил силу парламентского красноречия, которое в будущем станет его важнейшим оружием.

Но, вероятно, самым важным результатом постоянного чтения газет, частых визитов в Палату общин и даже слушания уличных ораторов из Гайд-парка стало формирование у Джинны современных (для того времени) политических взглядов. Точнее сказать, он познакомился с политическими взглядами, которые соответствовали его представлениям о справедливом мироустройстве.

Джинна вспоминал: «Фортуна улыбалась мне, мне удалось встретиться с несколькими крупными британскими либералами, с чьей помощью я понял доктрину либерализма. Либерализм Лорда Морли^{*} был тогда на самом подъеме. Я ухватился за этот либерализм, который стал частью моей жизни и весьма волновал, и вдохновлял меня»³⁴.

Тем не менее тот факт, что Джинна не получил классического университетского образования, безусловно, отразился на его личности. Из-за этого он устоял перед сладостными искушениями литературы, искусства и даже истории. Его разум редко сосредотачивался на прошлом, а привычки, приобретенные им в Лондоне, ограничивались посещением лекций, дебатов в Палате общин, библиотеки Британского музея и Гайд-парка. Зайти по дороге в Национальную галерею ему не приходило в голову. «Кажется обидным, что такой блестящий интеллект должен был лишиться себя университетского образования», – писала Сароджини³⁵.

Тогда же, будучи еще студентом, Джинна испытал первое и, возможно, самое большое горе в своей жизни – во время очередных родов умерла его мать Митхибай. Джинна плакал

^{*} Морли Джон (1838–1923) – британский историк, политик-либерал, номинант на Нобелевскую премию по литературе. В 1905–1910 – министр по делам Индии.

часами навзрыд, как ребенок, не выходил целыми днями из комнаты, ничего не ел. Он был совсем один, без родных или друзей, с которыми мог бы поделиться своим горем. Особенно его мучало то, что предчувствие матери сбылось: она так и не дождалась его приезда домой.

Невольно он задумывался о другом ее предсказании: о якобы ждущем его великом будущем. Кто знает, возможно, внезапная смерть матери, которую он любил больше всех на свете, напророченное ею окончательное расставание заставили его иначе отнестись к ее словам, которые он постоянно слышал с детства: «Мой сын станет великим человеком». Поверив в свое особое предназначение, он подсознательно жил так, вел себя таким образом, чтобы предсказание матери сбылось.

Смерть Митхибай сломала налаженный уклад жизни семьи, оставив Джиннабхая стареющим вдовцом с шестью сиротами, среди которых были дети разного возраста, даже новорожденный Банде Али. Одновременно и бизнес отца терпел тяжелые убытки. Конюшни, лошадей, коляски и другие атрибуты «достатка» пришлось срочно продавать, чтобы покрыть убытки.

Отец требовал, чтобы Джинна бросил все и немедленно вернулся домой помогать спасать фирму от разорения, но Мохаммед Али в данном случае проявил твердость, отказавшись уезжать из Лондона досрочно, и успокоил отца, пообещав ему решить финансовые проблемы семьи, когда он закончит учебу и вернется домой адвокатом.

В общей сложности Джинна провел в Лондоне около четырех лет. В мае 1895 г. он получил свидетельство, подтверждающее присуждение ему звания барристера с правом выступать в суде. С таким свидетельством на руках он мог стать членом коллегии адвокатов любого суда в любом городе Британской Индии.

Джинна сделал выбор не в пользу родного Карачи, который теперь ассоциировался у него с потерей матери, жены, банкротством отца и прочими тяжелыми испытаниями. Он выбрал Бомбей, еще не зная, что там его ожидает успешная адвокатская практика, головокружительная политическая карьера и любовь всей его жизни.

Однако первые три года в Бомбее оказались трудными: нужно было приобрести имя в профессиональной среде, заработать хорошую репутацию в адвокатской коллегии, найти клиентов, словом, завоевать себе место под солнцем. Числясь барристером Высокого суда Бомбея, он «целыми днями ходил по судам в поисках дела и вечером возвращался в свою тесную комнату в отеле “Аполло”, не заработав ни единой рупии за месяц. Но когда эти утомительные месяцы растянулись в три убийственных года, он почувствовал себя по-настоящему несчастным... Разочарованный и удрученный, он демонстрировал окружающим, что у него все в порядке, но в глубине души его грызли неудовлетворенные ожидания», – писала Фатима Джинна³⁶.

Как это не раз бывало в жизни Джинны, «Фортуна улыбалась ему», по его собственному выражению, кардинально меняя его судьбу. Тогдашний генеральный адвокат Бомбея Джон Молсуорт Макферсон проникся симпатией к молодому барристеру и предложил ему работу у себя в конторе. В сущности, это было повторение истории с Фредериком Крофтом, благодаря которому Джинна вырвался из Карачи в Англию.

В обоих случаях Мохаммед Али вызвал симпатию у малоизвестных ему, но влиятельных людей, и они подняли его на более высокий уровень профессиональных и социальных возможностей. Через несколько месяцев работы у Макферсона Джинна получил место муниципального судьи Бомбея, и в дальнейшем его карьера двигалась только по восходящей.

Когда член президентского суда Бомбея Чарльз Олливент предложил ему постоянную работу с зарплатой 1500 рупий в месяц, Джинна отказался, сказав, что скоро будет зарабатывать столько же ежедневно. И он был совершенно прав. Действительно, в какой-то период гонорары Джинны превышали заработки всех других адвокатов Бомбея. В начале 1930-х годов он зарабатывал порядка 40 тысяч рупий в месяц, что по тем временам было целым состоянием³⁷.

Даже оппоненты Джинны, например Ганди, считали его лучшим адвокатом на субконтиненте, который вправе брать высокие гонорары за свои услуги. Кроме того, Джинна умело

вкладывал деньги в недвижимость, и его дома в Лондоне, Бомбее и Нью-Дели были удачными инвестициями. Короче говоря, Джинна успешно решил дилемму, с которой сталкивались все, кто хотел противостоять британскому колониализму, но был вынужден идти с ним на компромисс.

Джинна сумел создать себе такую «финансовую подушку», что богатство сделало его независимым, в том числе в отношениях с британцами. Джинна позволял себе говорить самую резкую и неприятную правду британским чиновникам любого уровня, правда всегда оставаясь в рамках закона.

Исключительно важным представляется тот факт, что богатство Джинны было результатом его собственного труда. Он не эксплуатировал крестьян, как землевладельцы-*заминдари*; не получал «откатов» в результате закулисных сделок, как коррумпированные политики; не пользовался финансовой поддержкой британского правительства, считая ее подкупом, за который приходится расплачиваться своей совестью; наконец, он не был наследником «старых денег» и не мог беспечно жить, как потомки индийских раджей и навабов. Все, чем он владел, было легально заработано его мастерством адвоката.

Как Джинна и пообещал когда-то отцу, он взял на себя финансовые заботы о сестрах и брате*. Семья переехала из Карачи в Бомбей, где поселилась в небольшом домике в районе Ходжа Мохалла, где проживали члены общины Ходжа. Джинна время от времени навещал их, но постоянно поддерживал отношения лишь с младшей из сестер, Фатимой. К 1900 г. Джиннабхай Пунджа перебрался на бомбейское побережье Ратнагири, где в уединении провел последние несколько лет жизни. Скорее всего, в старости он нечасто общался со старшим сыном, но убедился в справедливости предсказания покойной жены о том, что их сын стал «большим человеком».

В 1902 г. отец умер, и главной проблемой, ставшей перед Джинной, стало замужество сестер. Старшей из них, Рахмат, было уже 19, возраст, в котором большинство женщин ее круга имели по несколько детей. Используя свои деловые

* Из братьев Джинны в живых остался лишь Ахмед Али. Банде Али, рожая которого скончалась мать Джинны, умер в раннем детстве.

связи, Джинна сумел выдать ее замуж за состоятельного вдовца из Калькутты. Проблема, как всегда, возникла на религиозной почве: жених принадлежал к Ходжа-суннитам, а не Ходжа-шиитам, как семья Джинны. Это была уже другая община, и из-за замужества Рахмат у ее сестер в будущем могли возникнуть трудности с супружеством³⁸.

Но Джинна точно рассчитал, что его успех как адвоката и хорошее материальное положение заставят недовольных членов его общины замолчать. С замужеством сестры Мариам уже не было никаких трудностей, хотя семья преуспевающих торговцев Пирбхой, куда сосватали Мариам, тоже принадлежала к Ходжа-суннитам.

Оставалось пристроить младших. Брата Ахмада Али отдали в школу-пансион Анджуман Исламия. В будущем отношения между братьями фактически отсутствовали: Джинна не отказывал брату в денежной помощи, но принимал его только в офисе, не приглашая войти в дом. 14-летнюю Ширин можно было по возрасту выдать замуж, но пока шли переговоры о свадьбе, Джинна был вынужден держать ее у себя дома, что ему явно мешало. Правда, это неудобство длилось недолго, и Ширин также выдали за состоятельного бомбейского торговца Карримбхоя.

Оставалась младшая, Фатима, которая не только не мешала ему, но с которой он проводил все воскресенья (когда она училась в школе). Что же касается самой Фатимы, существовал семейный миф, будто она еще в детстве поклялась на Коране не выходить замуж и посвятить свою жизнь брату.

1 Virani Shafique N. *The Ismailis in the Middle Ages: A History of Survival, A Search for Salvation*. New York: Oxford University Press, 2007. P. 102.

2 Wazir Mansion: then and now // *Dawn* (newspaper), Published 17.06.2013, Retrieved 20.08.2020.

3 Mohamed Ali Jinnah, *An Ambassador of Unity, His Speeches and Writings, 1912–1917*, with a biographical appreciation by Sarojini Naidu. Madras: Ganesh & Co., 1917. P. 12.

4 Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955. P. 6.

5 Ibid. P. 74.

6 Ibid. P. 7.

7 Jinnah Fatima. *My Brother*. Karachi: Quaid-e-Azam Academi, 1987. P. 48.

8 Ibid. P. 57.

- ⁹ Цит. по: Bolitho Hector. Op. cit. P. 154.
- ¹⁰ Цит. по: Haider Khwaja Razi. *Ruttie Jinnah*. Karachi: OUP, 2010. P. 85.
- ¹¹ Dwarkadas Kanji. *India Fights for Freedom: 1913–1937*. Bombay: Popular Prakashan, 1966. P. 66–67.
- ¹² Беньчик Марек. Анкета Пруста. Полцарства за красное слово // Иностранная литература. 2015. № 2. С. 148–155.
- ¹³ Yahya Hashim Bawany. *Rare Speeches and Documents of Quaid-i-Azam*. Karachi: Arif Mukati, 1987. P. 39–40.
- ¹⁴ Bolitho Hector. Op. cit. P. 5.
- ¹⁵ Wolpert Stanley. *Jinnah of Pakistan*. New Delhi, OUP, 2005. P. 15.
- ¹⁶ Jinnah Fatima. *My Brother*. P. 59.
- ¹⁷ Ibid. P. 39.
- ¹⁸ Ibid. P. 42.
- ¹⁹ Bolitho Hector. Op. cit. P. 7.
- ²⁰ Jinnah Fatima. *My Brother*. P. 64.
- ²¹ Цит. по: Allana G. *Quaid-i-Azam Jinnah: The Story of a Nation*. Karachi: Ferozsons Ltd., 1967. P. 19.
- ²² Riazul Haq. A rare insight into the Quaid's early education // The Express Tribune. 25.12.2016. Retrieved 23.01.2020.
- ²³ Jinnah Fatima. *My Brother*. P. 67.
- ²⁴ Rizwan Ahmed. *Quaid-i-Azam Kay Tees Saal (Тридцать лет Каид-и-Азама)*. Karachi: Markaz-i-Tehreek-i-Pakistan, 1977. P. 72.
- ²⁵ Allana G. Op. cit. P. 48.
- ²⁶ Beg Aziz. *Jinnah and His Times. A Biography*. Islamabad: Babur & Amer Publications, 1986. P. 97–99.
- ²⁷ Цит.по: Wolpert Stanley. Op. cit. P. 17.
- ²⁸ Ahmed S. Akbar. *Jinnah, Pakistan and Islamic Identity: The Search for Saladin*. London: Routledge, 1997. P. 9.
- ²⁹ Цит.по: Bolitho Hector. Op. cit. P. 14.
- ³⁰ Wolpert Stanley. Op. cit. P. 22.
- ³¹ Wolpert Stanley. Op. cit. P. 19.
- ³² Ahmed S. Akbar. Op. cit. P. 8.
- ³³ Bolitho Hector. Op. cit. P. 13.
- ³⁴ Ibid. P. 9.
- ³⁵ Ibid. P. 8.
- ³⁶ Jinnah Fatima. *My Brother*. P. 82.
- ³⁷ Ahmed S. Akbar. Op. cit. P. 64.
- ³⁸ Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017. P. 216.

Глава III

СЕСТРА

Из всех братьев и сестер Джинна выделял Фатиму (1893–1967) и после смерти отца семейства в 1902 г. стал ее официальным опекуном. Он более всего заботился об образовании сестры, хотя в то время в его среде женское образование было еще мало распространено. Трудно сказать, почему из четырех сестер Джинна так привязался именно к самой младшей.

Бесспорно одно: внешне Фатима была настоящей копией брата: она «была почти такой же рослой и худощавой, имела такой же высокий благородный лоб, такие же выступающие скулы, волосы поначалу цвета воронова крыла, а потом ставшие ослепительно белыми, и блестящие широко распахнутые глаза с пристальным испытующим взглядом»¹.

Первое, что сделал Джинна, когда стал муниципальным судьей и поправил свое материальное положение, – сменил квартиру, купил экипаж и отдал Фатиму учиться в христианскую школу-интернат при монастыре Бандра, который находился в пригороде Бомбея.

«В то время миссионерские школы в Индии обеспечивали своим питомцам наиболее качественное начальное и среднее образование, и получившая такую подготовку Фатима смогла поступить на стоматологический факультет Калькуттского университета, несмотря на большой конкурс. По воскресеньям Джинна навещал обожавшую его сестру, катал ее по Бомбею, который она полюбила так же, как и он»².

Хотя в католические школы при миссиях отдавали своих детей как состоятельные мусульмане, так и люди других конфессий, представители общины Ходжа к ним, видимо, не относи-

лись, и поступление Фатимы в интернат при монастыре вызвало у них настоящий скандал.

Через много лет эта история была описана в журнале *Illustrated Weekly of Pakistan* чрезвычайно высокопарным языком: «В те времена члены ее общины не могли примириться с тем, что она будет жить в монастыре как пансионерка. Много попыток было предпринято, чтобы отговорить ее от этого шага. В доме постоянно стоял плач и крик. Голубятни ортодоксии с шумом поднялись в воздух. Юная невинная Фатима стала мишенью для пустопорожних разговоров. Но брат мисс Джинны был на ее стороне и поддерживал в ней силу и храбрость, необходимые, чтобы противостоять нападкам факелоносцев ортодоксии»³.

После того как Фатима получила диплом дантиста, Джинна, желая предоставить сестре возможность реализовать себя в профессии, дал ей денег на открытие стоматологической клиники в Бомбее в 1923 г. При этом Джинна и Фатима опять столкнулись с неприятием и сопротивлением остальных членов семьи и общины, считавших, что порядочной мусульманской девушке неприлично работать вне дома. Карьера Фатимы как дантиста складывалась не слишком удачно, клиентуры у нее не было, и, чтобы не сидеть одной без дела, она по вечерам работала бесплатно в муниципальной клинике.

Но и здесь, как уже не раз бывало, на помощь пришли Сароджини и ее муж, доктор Найду, которые понимали, что в патриархальном Хайдарабаде, где многие женщины еще соблюдают *парду*, спрос на женщину-дантиста может быть гораздо выше, чем в космополитическом Бомбее. По приглашению Сароджини Фатима летом 1928 г. приехала в Хайдарабад, где семья Найду предоставила ей все удобства. Она жила в общем доме, доктор Найду разрешил ей пользоваться своим кабинетом и прислал ей своих пациенток, которые были счастливы появлению женщины-стоматолога. Сама Сароджини, как обычно, отсутствовала, и все заботы о Фатиме взяла на себя Лейламани, младшая дочь. Фатима провела в Хайдарабаде целое лето и осталась весьма довольна и приемом, и развлечениями, и возможностью заработать денег⁴.

Как и многие другие важные действующие лица в истории Пакистана, Фатима Джинна очень популярна как сестра основателя государства, но фактически малоизвестна как личность. В сознании народа она олицетворяет стереотип сестринской преданности. Эта точка зрения серьезно ограничивает представления о подлинном характере Фатимы, которую рассматривают не как независимую индивидуальность, а только в связи с ее великим братом.

Тем не менее Фатима не менее значима для пакистанской истории как одна из первых «новых женщин», профессионально образованных и активно участвовавших в строительстве Пакистана: «Фатима Джинна и другие женщины, такие как Джаханара Шахнаваз, Шаиста Икрамулла и др., были активными участниками движения за Пакистан и националистического движения. Без преувеличения можно сделать вывод, что без таких женщин, как Фатима, Пакистан никогда бы не выжил после своего рождения. На фоне политических событий мусульманская “новая женщина” сыграла важную роль в создании “воображаемого сообщества” индийских мусульман, в чьем самосознании возникла и обрела реальные очертания идея отдельного национального государства»⁵.

Фатиму называют почетным титулом *Мадар-и-Миллат* («Мать нации»). Для Пакистана это не слишком характерно, поскольку пакистанцы не идентифицируют свою нацию с Женщиной-Матерью, в отличие, скажем, от той же Индии или России. Пакистанский национализм – это национализм мужского сообщества, ассоциирующий себя с маскулинностью, героизмом и воинственностью. Он не предполагает образования женских национальных персонификаций Матери-Родины и феминных тенденций. Однако одним из признанных лидеров этого националистического мужского сообщества была женщина, обладавшая огромным политическим влиянием, – «Мать нации» Фатима Джинна.

Фатима после образования Пакистана и смерти брата долгое время оставалась наиболее влиятельной фигурой в политической жизни страны. Она баллотировалась на пост президента Пакистана как кандидат от объединенной оппозиции, бросив

вызов диктатору Айюб Хану. Получив широкую поддержку электората, особенно в Восточном Пакистане, она, тем не менее, проиграла на выборах.

В 1967 г. Фатима Джинна скончалась, по официальной версии, от сердечной недостаточности. Однако многие пакистанцы считают, что она была убита противниками демократизации страны.

Фатима никогда не была замужем и не имела собственных детей, так что ее почетное прозвище обладало чисто символическим значением. В Южной Азии понятия «женщина» и «нация» были неразрывно связаны, и женщина-политик должна была исполнять базовые женские роли родства по отношению к нации. Все женщины, занимавшие посты премьер-министров стран региона, репрезентировались как матери, дочери, вдовы, т. е. ближайшая родня своего народа⁶. В частности, «Матерью нации» когда-то называли Индиру Ганди и Сиримаво Бандаранаике, сейчас так называют Шейх Хасину Вазед, премьер-министра Бангладеш. Хотя формально Фатима Джинна не была главой правительства или государства, масштаб ее политического и общественного влияния нашел выражение именно в этом почетном титуле.

Пока Фатима училась в Калькутте на стоматолога, Джинна в 1918 г. женился на Раттанбаи (Ратти) Петит, наследнице одного из столпов бомбейской общины парсов. В этом браке родилась единственная дочь Джинны, Дина. Заключение по страстной любви брак распался. Ратти, хрупкая от природы, постоянно болела и страдала от депрессии. В 1929 г., не дожив до 30 лет, она скончалась.

Сразу после ее смерти Фатима бросила работу в бомбейской клинике и переехала к брату в его дом на Малабарском Холме. А когда в 1931 г. Джинна приобрел недвижимость в Лондоне, в районе Хэмпстед, Фатима отправилась в Великобританию, чтобы вести хозяйство и присматривать за племянницей. С той поры брат и сестра не расставались до самой смерти Джинны в 1948 г.

Три старшие сестры Фатимы благополучно вышли замуж и обзавелись потомством. Фатима же сознательно отказалась

от личной жизни, решив целиком посвятить себя брату. Во всяком случае, в истории семьи Джинны не сохранилось никаких преданий о том, что к Фатиме кто-то сватался или велись переговоры об ее свадьбе.

Фатима сопровождала брата во всех поездках по Индии и за рубежом, активно участвовала в деятельности его партии Мусульманская Лига, возглавляя ее женское крыло, обустроивала его быт в Бомбее, Нью-Дели, Лондоне и Карачи, а после образования Пакистана заняла место «Первой Леди», поскольку Джинна так и не женился после смерти Ратти. Отсюда ее другое прозвище – «Леди Пакистана» (*Хатун-и-Пакистан*).

У всегда сдержанного в проявлении чувств Джинны не было человека ближе, чем младшая сестра, которую он называл детским именем Фати и которой доверял безгранично. Скупой на признания личного характера, он однажды сказал: «Моя сестра была словно яркий луч света и надежды, когда бы я ни пришел домой и увидел ее. Мои тревоги были бы сильнее, а здоровье намного хуже, если бы не установленный ею режим»⁷. Действительно, больной туберкулезом Джинна вряд ли бы прожил до 72 лет, при этом напряженно и активно работая, если бы не неустанная забота сестры и жесткий режим, который она установила в их доме.

Об особой роли сестры в его жизни Джинна говорил за несколько дней до образования Пакистана, 9 августа 1947 г.: «Мисс Фатима Джинна – постоянный источник помощи и поддержки для меня. В дни, когда я ожидал, что вот-вот буду арестован британским правительством, моя сестра ободряла меня и поддерживала во мне надежду. Мое здоровье – это ее постоянная забота»⁸.

И хотя Фатима была намного младше брата, ее отношение к нему с возрастом стало скорее материнским, нежели сестринским. Во всяком случае, она сама признавалась, что готова была отдать за него свою жизнь, как мать – за ребенка: «О, Джин (так Фатима называла брата, когда он вырос. – А.С.), если бы можно было выкачать из меня всю кровь и влить в тебя, чтобы ты мог жить дальше! Если бы Всевышний пожелал забрать оставшиеся мне годы и передать их тебе, чтобы

ты продолжил возглавлять нашу нацию, как благодарна была бы я Ему!»⁹.

Впрочем, привязанность брата и сестры была взаимной, и если для Фатимы брат составлял смысл всей ее жизни, то и для Мохаммеда Али интересы сестры имели первостепенное значение. Так, уже накануне смерти, узнав от врача, что его болезнь неизлечима и жить ему осталось недолго, Джинна более всего был озабочен тем, сказали ли об этом Фатиме и как она перенесла эту новость.

«После того, как доктор сказал Каиду “печальную новость”, он записал в дневнике ... “Он остался вполне спокойным, потом спросил: “Вы поставили в известность мисс Джинна?” Когда я ответил “да,” он недовольно сказал: “Нет, вы не должны были этого делать. В конце концов, она – женщина»¹⁰.

Как всегда, у современников было полярное мнение о месте и роли Фатимы в жизни брата. Некоторые считали, что она играла при нем роль цербера, т. е. слишком охраняла его от «незваных гостей», особенно от женщин. «Она ненавидела любую понравившуюся ему женщину, – вспоминала жена премьер-министра Раана Лиакат Али Хан. – До чего же она ненавидела Ратти! Мне кажется, она ревновала его ко всем нам. Мы прозвали ее Злой Ведьмой!»¹¹.

Раана Лиакат Али Хан была очень красивой женщиной. Вместе с другой знатной красавицей Бегум Джаханарой Шахнаваз они обычно составляли компанию Джинне на официальных приемах и банкетах, образуя вокруг него некий дамский «цветник». Возможно, что Фатиме, также сопровождавшей брата во время выходов «в свет», эта конкуренция была не по вкусу.

На самом деле слухи о нелюбви Фатимы к ее невестке были несколько преувеличены. Фатима поддерживала знакомство с Ратти еще до ее замужества, о чем рассказывала сама: «Мисс Петит была моей приятельницей, я давно знала ее, и она заходила ко мне в гости». Хотя далее Фатима вспоминает о Ратти, которая еще была подростком, как о «годящейся для компании, правда слегка эксцентричной», но «они обе были склонны читать одни и те же книги, и у них были темы для разговоров»¹².

В частной беседе Фатима рассказала, что присутствовала среди немногих гостей на свадьбе Джинны и Ратти в недавно приобретенном доме на Малабарском Холме. В 1956 г. в разговоре с доверенным лицом она высказала уверенность в том, что Джинна и Ратти действительно любили друг друга, но отозвалась о своей невестке как о «самовлюбленной» женщине, «которая хотела жить в придуманном романтическом мире» и требовала, «чтобы Джинна ежедневно развлекал ее и ходил с ней по обедам и приемам»¹³. Конечно, трудно представить себе две более противоположные фигуры, чем веселая, легкая и щебечущая, как птичка, Ратти и молчаливая, высокая, монументальная, как памятник, Фатима.

Что касается обвинений Рааны Лиакат Али-хан в том, что Фатима якобы ненавидела всех женщин в окружении брата, это, безусловно, преувеличение. Некоторые из этих женщин – Шаиста Икрамулла, Бегум Башир Ахмад и др. – были ее близкими приятельницами. Действительно, Фатима часто бывала суровой и неприветливой с посторонними, но это объяснялось не ревностью или завистью, а желанием уберечь брата от ненужных контактов и знанием об истинном состоянии его здоровья, которое они тщательно скрывали от окружающих.

Как вспоминала Фатима: «На протяжении нескольких лет перед его смертью между Каид-и-Азамом и его врачами шло бесконечное перетягивание каната. Они хотели, чтобы он отдыхал подолгу, а работал совсем немного, но он делал как раз все наоборот, хорошо осознавая риск, которому он себя подвергает. Часто доктора жаловались мне, что он игнорирует их назначения»¹⁴.

Ничто не могло быть губительнее для политической карьеры Джинны, чем обнародование слухов об истинном характере его болезни. Нормальное состояние здоровья – необходимое условие политической власти в странах, подобных Индии и Пакистану. Одно лишь подозрение, что Джинна неизлечимо болен, могло навсегда разрушить его образ харизматического лидера. Поэтому Джинна упорно приписывал свой нескончаемый кашель, частую усталость и физическую слабость приступам хронического плеврита.

Эту же «официальную» версию поддерживала и Фатима: «Приступы плеврита, по моему мнению, были началом болезни, которая свела его в могилу. Он мог бы вылечиться, если бы получал правильное лечение, если бы соблюдал режим, если бы перестал мерзнуть на ветру и мокнуть под дождем, поскольку он почти непрерывно ездил по субконтиненту. Впоследствии он совершенно не переносил охлаждения, и самая легкая простуда быстро развивалась у него в тяжелейшее состояние с лихорадкой и глубоким кашлем»¹⁵.

Вместе с тем болезнь, был ли это плеврит, туберкулез или уже начинающийся рак легких, протекала подчас крайне тяжело, и то, что Джинна ухитрялся работать в любом состоянии, порой выглядело как покушение на самоубийство.

Фатима рассказывает: «Мы выехали из Бомбея в начале ноября 1940 г. для участия в сессии Ассамблеи в Дели, несмотря на то что у него несколько последних дней держалась температура. Он пообедал; поезд мчался вперед под ясным небом, усеянным бесчисленными мерцающими звездами. Лежа в постели, он вдруг громко закричал, как будто его проткнули раскаленной иглой. Я бросилась к нему, чтобы понять, почему он кричит. От острой боли он не мог говорить и только показывал пальцем на точку справа от позвоночника. Очевидно, что боль была невыносима, и в движущемся поезде никакая медицинская помощь невозможна. Пытаясь утихомирить боль, я стала слегка массировать его позвоночник. Но поняв, что ему становится хуже, отказалась от всяких попыток, надеясь, что скоро поезд остановится на станции и я достану горячую воду, чтобы сделать припарку.

Несколько минут прошло в мучительном ожидании, и поезд наконец остановился. Я позвала слугу и велела ему немедленно принести в наше купе бутылку с горячей водой. Завернув бутылку в салфетку, я осторожно приложила ее к больному месту и с облегчением увидела, что боль стихает на глазах. Поезд подошел на делийский вокзал рано утром, и скоро мы уже были на Аурангзеб-роуд, 10, в нашей делийской резиденции. Я помогла брату выйти из машины, уложила его в кровать и немедленно вызвала по телефону врача.

Тщательно осмотрев его, врач сказал, что это приступ плеврита и брат должен оставаться в постели не менее двух недель. “Какая неудача, – сказал он. – Это такая важная сессия, и мое присутствие просто необходимо. А я здесь вынужден наслаждаться заточением в постели!”. Он оставался в кровати один день, а на завтра уже опять был на работе. Его не знающий покоя дух словно воплощал самый беспокойный период истории его нации»¹⁶.

Постепенно, под давлением Фатимы, Джинна все-таки научился чередовать периоды активной деятельности и появления на публике с периодами отдыха и уединения, когда рядом с ним оставалась только она, его сестра милосердия, нянька и защитница от внешнего мира.

Чтобы обеспечить себе еще больше уединения, Джинна перестроил свой дом на Маунт-Плезант-роуд, располагавшийся на участке площадью более 15 000 квадратных ярдов. Этот особняк был куда современнее и роскошней, чем бунгало, где некогда жили Джинна с Ратти. Еще Джинна занимался отделкой приобретенного им роскошного особняка в дипломатическом пригороде Нью-Дели, на Аурангзеб-роуд. Это просторное здание, где теперь расположено посольство Нидерландов, по стилю и декору весьма напоминало обстановку в хэмпстедской вилле. К новому дому в Нью-Дели требовался соответствующий автомобиль, и Джинна выбрал «Паккард» цвета слоновой кости с зеленой кожаной обивкой.

«В то время, – пишет Уолперт, – финансовые дела Джинны обстояли великолепно. Семь квартир в Мэйфере, которые он сдавал в наем, ежемесячно приносили кругленькую сумму в 2000 с лишним рупий. Его обычный гонорар за юридические услуги был в то время самым высоким в Индии и составлял 1500 рупий в день. Джинна принадлежал к элитной группе индийских налогоплательщиков, чьи доходы требовали “суперналога”, а также дополнительных налоговых выплат»¹⁷.

Тем не менее рост финансового благосостояния ничуть не улучшал состояние здоровья Джинны, кашель его усиливался, и каждый раз ему требовалось все больше времени, чтобы прийти в себя и отдохнуть после очередного выступления. Фатима

буквально сражалась с ним за каждый лишний час, который он мог бы провести в покое.

Долгая жизнь рядом с тяжелобольным братом сделала Фатиму мрачной, тревожной и мнительной. Она легко впадала в панику и часто подозревала худшее. Однако причиной тому был не плохой характер, а неизбывная любовь к брату, на которого она всячески пыталась повлиять, уговаривая его сократить свои поездки, встречи и публичные выступления, вызывавшие у него долгие приступы кашля.

На это он отвечал: «Ты когда-либо слышала, чтобы генерал брал отпуск, пока его армия сражается на поле боя? Что значит здоровье одного человека, когда дело идет о существовании миллионов мусульман Индии? Ты понимаешь, что поставлено на карту?»¹⁸.

Окружение Джинны часто обвиняло Фатиму в скупости: «Она не допускала никаких излишеств за счет правительства. Как раз наоборот, когда после создания Пакистана Фатима Джинна стала хозяйкой в доме генерал-губернатора, поставщики продуктов пришли в полное замешательство. “Она заказала полдюжины бананов и полдюжины апельсинов, потому что к обеду будет шесть человек”, – стонали они»¹⁹.

Зачастую, пообедав у Джинны, гости заходили подкрепиться к его соседу Абдулле Харуну, крупному синдхскому политику, сподвижнику Каид-и-Азама. Гости жаловались, что остались голодными, но Фатима равнодушно относилась к этим жалобам, считая недопустимым тратить на приемы личных гостей за государственный счет. Вообще она была крайне щепетильна в материальном отношении и никогда не принимала никаких подарков от посторонних. Впрочем, мало кто решился бы сделать подарок этой гордой и строгой даме.

Поскольку в доме Джинны всегда было много прислуги, Фатиме не приходилось самой готовить еду или вести хозяйство. Но, в отличие от большинства своих соотечественниц, даже состоятельных, она не любила присматривать за поварами на кухне, контролировать процесс приготовления еды и всегда советовалась с братом по поводу меню.

Она честно говорила: «Я не умею готовить. Однажды, когда мы жили в Англии, Мохаммед Али, скукая по индийским специям, попросил меня приготовить простой рис и карри. Я знаю, что карри у меня не получилось, но он все равно очень хвалил его»²⁰. Как всегда, Джинна был великодушен к своей маленькой Фати.

Обычно, если в доме не было гостей, Джинна молчал за едой, но так же, как чтение газет по утрам стало его «второй натурой», точно так же он привык за завтраком обсуждать с Фатимой политические новости. Однако отвечать на ее вопросы, которые возникали во время разговора, и вдаваться в детали он не любил, объясняя, что у него нет на это времени.

Однажды она пыталась выяснить у него, что произошло на последнем заседании рабочего комитета Мусульманской Лиги. Он отмахнулся от нее, улыбнувшись: «Спроси своего представителя. Я же не твой агент». И когда Фатима пожаловалась, что ее представительница, Бегум Мохаммед Али, не сказала ей ни слова о случившемся, Джинна ответил: «Прекрасно! Такая редкость, когда женщина хранит молчание». Несмотря на весь свой прославленный либерализм, Каид-и-Азам, просто шутя, считал, что женщине лучше помалкивать²¹.

Ссорились брат и сестра редко, в основном из-за мелочей, таких как открытые окна. Джинна не выносил уличный шум, и окна, выходящие не в сад или на веранду, а на улицу, надо было держать закрытыми. Шум раздражал его настолько, что несколько раз он терял контроль над собой и выбрасывал из окна ведро с водой, видимо чтобы охладить прохожих. Как-то Фатима случайно оставила уличное окно открытым и получила от брата серьезный выговор с предложением перейти в другую комнату и дышать воздухом оттуда. Это обидело Фатиму. Она заперлась в своей комнате и отказалась выйти к обеду. Такая нервная вспышка со стороны спокойной Фатимы разволновала Джинну. Он подходил несколько раз к ее запертой двери с просьбой: «Фати, успокойся и открой дверь». После обеда, прошедшего в молчании, Джинна поехал в ювелирную лавку и купил сестре подарок, таким образом восстановив мир²².

Джинна и Фатима проводили вместе и то особое время, которое Каид-и-Азам посвящал своему любимому развлечению – игре в бильярд. С.Х. Манто в своем рассказе «Мой Господин» рассказывал, как это происходило. «Бильярд был единственной домашней игрой, которую любил Каид-и-Азам. Когда ему хотелось поиграть, он приказывал открыть и подготовить бильярдную. Поскольку я немного умел играть, мне разрешали зайти внутрь и посмотреть. Господину приносили двенадцать шаров, он делал выбор, и игра начиналась. Мисс Фатима Джинна обычно стояла рядом. Господин закурил сигару, сжимал ее между губами, и обдумывал положение шара, по которому он собирался бить. Он тратил на это несколько минут. То смотрел с этого угла. То смотрел с другого угла. Но если ему в голову приходила совсем другая комбинация, он останавливался, убеждался, что прав, ударял кием по шару, и, если удар был удачный, взглядывал на свою сестру с победной улыбкой»²³.

Здесь Манто очень тонко воспроизводит «детскую» ноту в характере Джинны, который, попав шаром в лузу, ищет одобрения своего умения играть и находит его у сестры. Вероятно, в отношениях Джинны и Фатимы таких ситуаций, когда сестра была главным источником похвалы, поддержки и одобрения поступков брата, было немало.

В системе представлений патриархата публичная сфера с присущими ей гражданскими правами, экономической независимостью и рационализмом всецело принадлежит мужчине, в то время как частная сфера, где властвуют эмоции и телесно-чувственные проявления, является территорией женщины. Современная образованная, обладавшая востребованной профессией (дантист), активно участвовавшая в политической жизни, Фатима стала одной из первых пакистанок, которой удалось вырваться из частной сферы в сферу публичную. И в этом смысле она является ролевой моделью для женщин Пакистана и провозвестницей борьбы за гендерное равенство в этой стране.

Мусульманки, выходцы из всех классов общества, поддерживали движение за Пакистан с середины 1940-х годов. Воз-

главляли их жены и дочери ведущих политиков. Иногда женщины организовывали массовые публичные демонстрации. До 1947 г. мусульманки Панджаба в своем большинстве голосовали за Мусульманскую лигу, в то время как мужчины поддерживали Юнионистскую партию²⁴. Пакистанки получили избирательные права в 1947 г., и эти права были вновь подтверждены на национальных выборах 1956 г. в рамках временной конституции.

Резервирование мест для женщин в парламенте существовало в конституциональной истории Пакистана с 1956 по 1973 г. После обретения Пакистаном независимости стали формироваться женские общества и феминистские организации, конечной целью которых было ликвидировать социэкономическое неравенство по отношению к женщинам. Фатима Джинна была одной из лидеров этих женских организаций.

Об ее роли вспоминала уже упоминавшаяся Шаиста Икрамулла: «За границей не знают о той важной роли, которую сыграла Мисс Джинна в продвижении и обеспечении прав мусульманских женщин в Пакистане. Многие женщины, которые сейчас активно работают на Пакистан, получили свою первую должность из рук Мисс Джинны. Она – замечательный знаток человеческих способностей и может точно оценить человека с первого же взгляда. Она чрезвычайно сдержанна и с трудом заводит друзей. Мне повезло, что она считает меня своим другом на протяжении 20 лет. Ее доброта и мудрые советы, данные в трудные времена, были бесценны. Когда она твой друг, она друг настоящий, который ставит твои интересы выше своих собственных»²⁵.

Хотя в отличие от брата Фатима не училась в Европе и впервые попала туда уже в зрелом возрасте, все же для индийской мусульманки своего времени она обладала весьма современными взглядами (что не мешало ее глубокой мусульманской религиозности). Личность Фатимы развивалась под влиянием космополитической атмосферы главных городов колониальной Индии – Калькутты, Бомбея и Карачи, – где ей пришлось жить. Обучение в миссионерской школе Бандра дало ей хорошее знание английского языка, а время, проведенное в кругу

знакомых брата, значительно расширило ее кругозор. В отличие от своих сестер, живших в традиционной патриархальной системе как домохозяйки, Фатима совершила смелый для женщины того времени шаг, выбрав самостоятельную профессиональную деятельность.

С согласия брата Фатима никогда не соблюдала обычай *парды* – женского затворничества и не носила тех видов мусульманской одежды, которые скрывают лицо и тело. Индийское сари или мусульманский традиционный костюм *шальвар-камиз* выглядели на ней элегантно, а голову слегка прикрывал прозрачный шарф – *дупатта*. Манере Фатимы свободно и изящно одеваться подражали многие пакистанки среднего класса, которые, следуя ее примеру, перестали носить *бурка*²⁶.

Со времен жизни в Лондоне в 1930-х годах отношения Фатимы с братом несколько изменились. Джинна перестал быть ее опекуном и стал общаться с ней как с равной, со своей помощницей. Он ввел ее в круг людей, которые посещали его дом, – более всего она гордилась знакомством и последующим общением с поэтом Мухаммадом Икбалом, она вела переписку брата и делала для него прочую секретарскую работу.

Попытки недоброжелателей Фатимы представить ее только как экономку и сиделку абсолютно несправедливы. Возвратившись из Лондона в Бомбей, Фатима начала посещать все собрания Мусульманской Лиги, активно участвовать в политической жизни и вскоре стала единомышленницей и соратницей брата, с мнением которой он считался.

Неоднократно вышеупоминавшийся М. Чагла писал в характерной для него манере памфлета: «После смерти Ратти единственным компаньоном Джинны у него дома осталась его сестра Фатима, которая была еще более коммуналистски настроена и частично ответственна за ту трансформацию, которая произошла в его взглядах. У меня есть основания предполагать, что Джинна репетировал перед ней свои речи. Ей нравились его диатрибы против индусов, и, если надо было, она добавляла в них свою дозу яда»²⁷.

Хотя Чагла говорит о Фатиме с явной антипатией из-за ее якобы «коммуналистских», т. е. промусульманских и анти-

индусских взглядов, его слова косвенно свидетельствуют о том, что сестра имела определенное влияние на политическую деятельность Джинны.

Безусловно, политические убеждения Фатимы целиком сложились под влиянием брата. Вслед за ним она примкнула к Пакистанскому движению, присутствовала на всех сессиях Мусульманской Лиги, а в 1938 г., на сессии в Патне, возглавила подкомитет мусульманских женщин, куда вошли 30 наиболее известных мусульманок из всех индийских провинций.

«Многие консервативные делегаты в Патне громогласно протестовали против резолюции об организации мусульманских женщин, опасаясь, что это положит конец *парде*, которая, как они говорили, священна для ислама. Однако Джинна вмешался и выступил в поддержку нового подкомитета, приведя дипломатичный довод, который можно было ожидать от столь искусного юриста: резолюция всего лишь утверждает, что женщинам следует дать возможность самоорганизоваться под эгидой Лиги, чтобы ее поддерживать»²⁸.

В 1940 г., на исторической лахорской сессии Мусульманской Лиги, принявшей резолюцию о создании Пакистана, под навесом на помосте, где стояло кресло для Джинны, напоминавшее трон, рядом было поставлено кресло пониже, предназначенное для Фатимы. Так Фатима создала прецедент публичного присутствия на политической авансцене женщины как участницы важнейшего исторического события.

В дальнейшем Фатима всегда занимала почетное место рядом с братом на всех мероприятиях, даже на ежегодном *Дарбаре* (собрании) белуджских и пуштунских племенных вождей в Сиби, где никогда не бывало женщин.

«Яхья Бахтияр, сенатор из Белуджистана, который очень строго относился к вопросам женской чести в сообществе белуджей, говорил, что в то время даже британские мужчины-политики не разрешали своим женщинам так часто появляться на публике, как это делал Джинна. После создания Пакистана Джинна посадил Фатиму рядом с собой на сцене во время Сиби *Дарбара*, большого ежегодного сборища белуджских и пуштунских племенных вождей. Он этим высказал свою точку зрения:

мусульманки должны занять свое место в истории. Сиби Дарбар нарушил все прецеденты»²⁹.

Известно, насколько бескомпромиссным, несговорчивым и жестким бывал Джинна, когда речь шла о главном деле его жизни – создании Пакистана. Фатима полностью переняла его неуступчивость и одержимость этой идеей. «Эдвина Маунтбеттен (супруга последнего вице-короля Индии. – А.С.) пыталась подружиться с Фатимой, несколько раз приглашала ее на чай и старалась направлять разговор на темы, далекие от политики, но Фатима неизменно возвращалась к своему любимому коньку и, по словам леди Маунтбеттен, “ожесточенно критиковала и Конгресс, и индускую общину в целом. Она казалась чуть ли не фанатичкой, все время твердила, что мусульмане будут сражаться за отделение и за свои права, если их не получают. У нее, как и у мистера Джинны, несомненно, мания преследования, она явно убеждена в том, что индусы намерены полностью подчинить себе мусульман и господствовать над ними”»³⁰.

К слову, ни Фатима, ни ее брат не боялись слова «фанатик», поскольку связывали его с тем бескомпромиссным и несколько воинственным патриотизмом, который существует в разных слоях пакистанского общества и сегодня. «Не осуждайте фанатиков, – говорил Джинна. – Если я не был бы фанатиком, Пакистана бы не существовало»³¹.

Вместе с тем Фатима усвоила и транслировала либеральные взгляды брата относительно религии, демократии и прав человека в Пакистане. Широкие взгляды Джинны на ислам отразились в словах его сестры через годы после его смерти. Внучатый племянник (внук их сестры Мариам) Джинны и Фатимы, Лиакат Мерчант, писал: «Я сказал: “Мисс Джинна, даже Вы родились шииткой...” На это она парировала, “Я не шиитка и не суннитка. Я – мусульманка.” И добавила, что наш Пророк даровал нам религию Ислама, а не сектантство»³².

Вообще Фатима искренне верила, что будущее Пакистана как демократического государства возможно только на путях, изначально проложенных Джинной. В своем послании к нации, приуроченном ко дню рождения Джинны (1963), она говорила: «Движение за Пакистан, которое создал Каид-и-Азам, было

этическим по своему духу и идеологическим по содержанию. История этого движения – это история идеалов равенства, братства, социальной и экономической справедливости, противостоящих силам доминирования, эксплуатации, нетерпимости и тирании»³³.

И далее: «В истинно демократическом обществе народ должен играть активную и важную роль. Люди не должны оставаться молчаливыми зрителями того, что делается от их имени с целью управления делами государства. Народ – это подлинная правящая сила. И он должен следить за тем, чтобы государственные органы функционировали в соответствии с его волей и желаниями»³⁴.

Своим патриотизмом, преданностью идеям демократии, беззаветным служением брату, скромностью в быту и даже манерой одеваться Фатима, безусловно, являла собой ролевую модель для пакистанских женщин. Именно в их среде впервые возникло прозвище Фатимы – «Мать нации».

В 1948 г. Джинна скончался, и Фатима осталась одна в опустевшей резиденции генерал-губернатора. Позднее власти Пакистана переселили ее в роскошный дворец Мохатта в прибрежном районе Карачи, Клифтон. Ее брат и сестры остались в Индии. Племянница Дина, которую она когда-то растила, тоже жила за рубежом сначала в Индии, затем в США. После смерти Джинны, Фатима унаследовала большую часть его состояния и стала баснословно богата.

В соответствии с завещанием Джинны от 30 мая 1939 г., «все пакеты акций, ценные бумаги и текущие счета, находящиеся в данное время на имени моей сестры Фатимы, являются ее полной собственностью. Я передал ей все это при жизни в виде даров и теперь это подтверждаю, и она может распоряжаться ими любым удобным ей способом как своей безраздельной собственностью».

Он также завещал ей свои дома со всей обстановкой, автомобили и пожизненный ежемесячный доход в 2000 рупий... Трем остальным сестрам... он оставлял ежемесячное содержание в 100 рупий, как и брату Ахмеду. Дочери (не названной в завещании по имени) Джинна оставил капитал в 200 000 рупий, которые

следовало вложить таким образом, чтобы он обеспечивал ей ежемесячное содержание, которое ... составит 1000 рупий»³⁵.

Завещание Джинны красноречиво говорит о разной степени его привязанности к своим сиблингам. Что касается дочери, Джинна не лишил ее наследства за «неравный брак», как некогда сделал его тесть по отношению к Ратти, но выделенное Дине ежемесячное содержание было вдвое меньше того, что получала Фатима.

Конечно, у простых людей Фатима пользовалась глубоким уважением, доходившим до поклонения. Единственная близкая родственница Великого лидера, она символизировала в глазах пакистанцев все достоинства и заслуги «Отца нации» по неписаному закону «наследования харизмы». Вместе с тем Фатима понимала, что Пакистан движется совсем по иному пути, нежели предначертал ее брат. Военный переворот 1958 г., свержение первого президента Искандера Мирзы, введение военного положения и приход к власти генерала Айюб Хана, который стал единовластным правителем страны, по мнению Фатимы, оскорбляли память ее брата и вызывали ее острую критику и неприятие.

Со своей стороны, власти подвергали цензуре все публичные выступления Фатимы на радио, всячески пытались ее изолировать, а ее книга «Мой брат», написанная в 1955 г. и содержащая резкие оценки деятельности политического окружения Джинны, в частности премьера Лиаката Али Хана, увидела свет только через 30 лет, в 1987 г. Вместе с тем книга содержит много ценной информации, как говорится, «из первых рук», чем и вызвано мое частое обращение к ней как к источнику.

«Фатима выступала за демократический и экуменический Пакистан. Неспособность руководства новой страны консолидировать демократические силы вызывала у нее глубокое разочарование. Эта сильная женщина, которая до поры до времени держалась в стороне от политических постов, приняла предложение Объединенных оппозиционных партий (ООП) выступить против генерала Айюб Хана на выборах 1964 г. Как ни странно, одной из партий альянса ООП была *Джамаат-и-Ислами*, чья идеология ни в чем не соответство-

вала образу прогрессивной мусульманки, который представляла Фатима Джинна»³⁶.

Итак, будучи в весьма преклонном возрасте, Фатима бросила вызов Айюб Хану, которого в лицо называла диктатором, и приняла участие в президентских выборах как кандидат от ООП. Неожиданно для себя Фатима нашла поддержку у ультраконсервативной партии *Джамаат-и-ислами* и ее основателя Маулану Абу аль-Аля Маудуди, одного из идеологов мусульманского фундаментализма. Ранее Маудуди заявлял, что женщины не могут стоять у власти, поскольку это побуждает их открыто общаться с посторонними мужчинами и тем нарушать законы мусульманской этики и предписанной Кораном скромности.

Однако в новой политической ситуации Маудуди активно поддержал кандидатуру Фатимы, заявив, что, в целом отрицая права женщин на политическое лидерство, он делает исключение для «Матери нации», поскольку только ее харизматическая популярность и кровное родство с Великим Вождем способны противостоять военному диктатору. То, что Фатима всю жизнь оставалась незамужней и бездетной, чем нарушала традиционную гендерную роль мусульманки, не помешало Маудуди сделать выбор в ее пользу.

Айюб Хан ввел новую конституцию в 1962 г. Президентские выборы состоялись 2 января 1965 г. Это были первые непрямые выборы, в которых голосовали 80 000 «базовых демократов». «Выборы были особенно важны, поскольку впервые на высший политический пост в стране претендовала женщина. Ортодоксальные религиозные партии, включая *Джамаат-и-Ислами* во главе с Мауланой Маудуди, сменили свой настрой и поддержали кандидатуру Мисс Фатимы Джинны. Выборы показали, что у людей нет предвзятого отношения к женщинам, занимающим высокое положение в политике»³⁷.

«ООП с Фатимой Джинной в качестве кандидата получили большинство голосов в трех из 16 административных округов страны – в Читтагонге, Дакке и Карачи, т. е. в основном в Восточном Пакистане. Несмотря на согласованную политическую кампанию со стороны правительства, Фатима получила

36% голосов в национальном масштабе и 47% голосов в Восточном Пакистане»³⁸.

Историки считают, что она проиграла выборы «из-за тактики “упрощенной демократии” («basic democracy»), к которой прибегнул Айюб Хан, сделав выборы недемократичными»³⁹. Поражение на выборах буквально подкосило и без того хрупкую Фатиму. Последние несколько лет жизни она провела в своем роскошном дворце почти в полном одиночестве, погруженная в воспоминания о брате, которому посвятила свою жизнь.

9 июля 1967 г. Фатима скончалась якобы от сердечной недостаточности. Однако сразу после ее смерти начали циркулировать слухи о том, что она была убита и полицейские обнаружили ее обезглавленное тело в гостинной. Первоначально власти не собирались хоронить Фатиму так, как она завещала: рядом с братом в его мавзолее в Карачи. Однако, опасаясь народных волнений, правительство решило похоронить Фатиму в мавзолее Великого Вождя.

Хотя ее похороны не были объявлены государственными, на них пришли более 600 тысяч человек. Люди пытались подойти к катафалку поближе, и полиция начала разгонять их дубинками. В ответ в полицейских полетели камни, и тогда в ход был пущен слезоточивый газ. Тысячи людей, пострадавших во время похорон «Матери нации», были убеждены, что от них скрывают истинную причину ее смерти.

Через несколько лет после смерти Фатимы в Пакистан из Индии приехал ее племянник, юрист Акбар Пирбхай, сын старшей сестры Рехмат. Он добился аудиенции у президента Айюб Хана и, заявив, что его тетка была убита собственными слугами, потребовал эксгумации тела и проведения расследования. Однако Айюб Хан отказал ему в этой просьбе, объяснив свой отказ тем, что у простого народа, который питает к «Матери нации» огромное уважение, эксгумация вызовет ярость с неизвестными последствиями⁴⁰.

Другую просьбу племянника Джинны президент удовлетворил: он дал пакистанское гражданство еще одной сестре, Ширин, чтобы та могла вступить в права наследства и распорядиться собственностью покойной в соответствии с ее завещанием.

В 1971 г. Ширин Джинна обратилась в Высокий суд Синда за подтверждением своих прав на движимое и недвижимое имущество, оставленное ей по завещанию Фатимы. После смерти Ширин в 1980 г. попечителем и хранителем указанного имущества выступил Фонд Ширин Джинны. Однако претензии этого фонда были оспорены уже упоминавшимся внучатым племянником Джинны, адвокатом Лиакатом Мерченотом, который считает себя единственным наследником Фатимы. Спорная наследственная масса включает в себя дворец Мохатта, где жила Фатима, банковские счета, акции, автомобили, – все, что оставил Фатиме брат еще в 1948 г.

«18 декабря 1996 г. высокий суд принял решение вскрыть ячейку, находящуюся в банковском хранилище Habib Safe Deposit Vault (Private) Limited и принадлежащую уважаемой Фатиме Джинне с целью документировать предметы, которые она держала там до своей смерти. В ячейке хранились пять маленьких коробок, содержащих женские и мужские предметы, которыми, по-видимому, пользовались Мохаммед Али Джинна и его сестра Фатима Джинна»⁴¹. Все эти предметы достали из банковской ячейки и передали в дом-музей Джинны в Карачи – Флагстафф-хаус.

Однако в этой банковской ячейке не оказалось ни драгоценностей, ни денег, а только трогательные мелочи, *temento*, которые хранят как воспоминания о любимых людях: карманные часы без цепочек, цепочки к карманным часам, но без часов, складной перочинный ножик, портсигары, запонки и серебряные пуговицы разных форм и размеров. Реликвии, напоминающие о любимом брате.

И сегодня Фатиму Джинна продолжают почитать как самую уважаемую женщину в истории страны, как образец патриотизма и идеал женской преданности и самопожертвования. Ее именем названы десятки улиц и площадей, женские университеты в Равалпинди и Сиялоте, медицинские колледжи в Лахоре и Карачи, парк в Исламабаде и жилой район в Карачи. В памяти пакистанцев она так и осталась «Матерью нации», хотя точнее было бы называть ее «Сестрой нации» за ее удивительный сестринский подвиг.

- ¹ Wolpert S. *Jinnah of Pakistan*. Karachi: OUP, 2009. P. 29.
- ² Ibid.
- ³ Цит. по: Bolitho H. *Jinnah, creator of Pakistan*. Karachi: OUP, 2006. P. 15–16.
- ⁴ Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017. P. 344.
- ⁵ Khawaja Nusrat. The Woman of Steel // *Newsline*. 2017. August.
- ⁶ Подробнее об этом: Суворова А. *Дочери и вдовы: гендер, происхождение и власть в Южной Азии*. М.: Наука: Восточная литература, 2017. С. 66–88.
- ⁷ Bolitho H. Op. cit. P. 14.
- ⁸ Цит. по: Malik R., Awan S. *Women's Emancipation in South Asia: A Case Study of Fatima Jinnah*. Lahore: University of Punjab, 2003. P. 12.
- ⁹ Jinnah F. *My brother*. Karachi, 1987. P. 37.
- ¹⁰ Цит. по: Bolitho H. Op. cit. P. 220.
- ¹¹ Цит. по: Wolpert S. Op. cit. P. 130.
- ¹² Цит. по: Pirbhai Reza M. *Fatima Jinnah: Mother of the Nation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 43.
- ¹³ Pirbhai R. Op. cit. P. 44.
- ¹⁴ Цит. по: Bolitho H. Op. cit. P. 219.
- ¹⁵ Jinnah F. *My brother*. P. 19.
- ¹⁶ Ibid. P. 4–5.
- ¹⁷ Wolpert S. Op. cit. P. 190.
- ¹⁸ Jinnah F. Op. cit. P. 2.
- ¹⁹ Ahmed A. *Jinnah, Pakistan and Islamic Identity*. London: Routledge, 1997. P. 184.
- ²⁰ Цит. по: Pirbhai Reza. Op. cit. P. 65.
- ²¹ Malik R., Awan S. *Women's Emancipation in South Asia: A Case Study of Fatima Jinnah*. Lahore: University of Punjab, 2003. P. 123.
- ²² Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017. P. 245.
- ²³ Manto. S.H. *Selected Stories* / tr. by Aatish Taseer. Vintage/Random House India, 2008.
- ²⁴ Asghar Ali Azra. «Indian Muslim Women's Suffrage Campaign: Personal Dilemma and Communal Identity» // *Journal of Pakistan Historical Society*. 1999. № 47(2). P. 33–46.
- ²⁵ Begum Shaista Ikramullah. «The Quaid-i-Azam as I Knew Him» / *Quaid-e-Azam as seen by his contemporaries*. Lahore: Publishers United LTD., 1966. P. 111.
- ²⁶ Окружение Джинны знало, что он не является сторонником ношения женщинами бурки. В своих воспоминаниях Бегум Наваб Сиддики Али Хан из Хагпура писала: «Я познакомилась с Каид-и-Азамом в 1938 г. в Патне. В те времена я еще носила бурку. По совету моего мужа я сняла бурку первый раз в моей жизни перед встречей с Каид-и-Азамом» (Цит. по: Wolpert S. Op. cit. P. 167).
- ²⁷ Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 2012. P. 119.
- ²⁸ Wolpert S. Op. cit. P. 167–168.

- ²⁹ Ahmed A. Op. cit. P. 214.
- ³⁰ Wolpert S. Op. cit. P. 322.
- ³¹ Цит.по: Bolitho H. Op. cit. P. 167.
- ³² Merchant L. *Jinnah, A Judicial Verdict*. Karachi, 1990. P. 165.
- ³³ Khan S. (ed.) *Speeches, Messages and Statements of Madar-e-Millat Mohtarma Fatima Jinnah*. Lahore, 1976. P. 147.
- ³⁴ Ibid. P. 116.
- ³⁵ Wolpert S. Op. cit. P. 170–71.
- ³⁶ Khawaja Nusrat. *The Woman of Steel*.
- ³⁷ Pirbhai Reza. Op. cit. P. 152.
- ³⁸ Sisson R. and Rose L. *War and Secession: Pakistan, India and the Creation of Bangladesh*. University of California Press, 1990. P. 19.
- ³⁹ Wolpert. Op. cit. P. 370.
- ⁴⁰ Kazi G. Miss Fatima Jinnah: circumstances of her death. URL: <https://www.flickr.com/photos/pimu/2477119935>.
- ⁴¹ Naeem S. 'Jinnah's possessions shifted to Flagstaff House' // *The Express Tribune*. 25.02.2016.

Глава IV

НЕВЕСТА

В старости Джинна полюбил проводить время в обществе молодых людей, будущих юристов, причем по отношению к ним он проявлял редкое терпение и добродушие, которыми не баловал своих сверстников. Он часто принимал у себя дома студентов, развлекал их историями из своей богатой адвокатской практики, шутил и смеялся вместе с ними.

Услышав, как кто-то из студентов строит планы по переустройству мира, он, как обычно, покачивая пальцем в сторону говорящего, добавлял: «Не вздумайте заниматься политикой, пока не наживете капитал»¹. Сам он так и сделал: он стал профессиональным политиком в тридцать лет, будучи материально обеспеченным независимым человеком.

Первые трудные годы в Бомбее ушли в прошлое. Джинна постоянно получал приглашения от крупных компаний и отдельных бизнесменов стать их адвокатом, так что скоро получил прозвище «бомбейского Лорда Саймона»^{*}. Постепенно росла его известность и в политических кругах, и в 1905 г. он вступил в партию Индийский национальный Конгресс, с чего и началась его активная политическая деятельность. В 1913 г. он стал членом Всеиндийской Мусульманской Лиги, сразу оказавшись на переднем крае политической борьбы индийских мусульман.

Будучи членом обеих ведущих партий, Джинна сыграл важную роль в создании так называемого «Лакхнаууского пакта». В декабре 1915 г. в Лакхнау состоялись съезды Конгресса

^{*} Сэр Джон Саймон (1873–1954) – британский политик и выдающийся адвокат, имевший большую клиентуру.

и Мусульманской Лиги, между которыми было достигнуто историческое соглашение. Целью Мусульманской Лиги объявлялось достижение самоуправления в рамках Британской империи, что создавало предпосылки для соглашения Мусульманской Лиги с Конгрессом о единстве целей. «Лакхнауский пакт» предусматривал также право Мусульманской Лиги на монопольное представительство мусульман, которые должны были избираться только по своей курии в выборных законодательных органах. В этих важнейших событиях Джинна сыграл роль медиатора и подтвердил свое звание «Посла индусско-мусульманского единства», которым его увенчала Сароджини Найдугу².

Еще несколько лет назад никому неизвестный, Джинна стал чрезвычайно популярен в Бомбее. «В те дни Джинна считался идиолом у молодежи. Он был некоронованным королем Бомбея. Его выбрали президентом Союза студентов-мусульман, и время от времени он приходил поговорить с молодыми людьми. Кроме того, он был президентом Лиги гомруля* и часто выступал на публичных собраниях», – вспоминал Чагла³.

Среди клиентов и знакомых Джинны было много бомбейских парсов**, чья община отличалась наиболее высоким уровнем жизни. Парсы преуспевали в политической и экономической жизни Индии, они основывали заводы, крупные промышленные предприятия, фондовые биржи, развивали кораблестроение, автопром, производство текстиля, прессу и кинематограф. Естественно, что при такой бурной и разнообразной деловой деятельности они нуждались в хороших юристах, и Джинна стал лучшим из них. Обычно закрытая для иноверцев, община парсов приняла его: промышленные магнаты приглашали его к себе домой, а Парси-клуб, куда был запрещен вход непарсам, сделал его своим почетным гостем⁴.

Часто посещая Парси-клуб, Джинна близко сошелся с семьей сэра Диншоу Манокджи Петита (1873–1933), который

* Гомруль – Home rule movement. Индийское движение за самоуправление.

** Парсы – этноконфессиональная группа последователей зороастризма в Южной Азии (Индии и Пакистане), имеющая иранское происхождение. Традиционная область расселения – индийский Гуджарат, сегодня большая часть парсов проживает в Мумбаи.

стал не только его клиентом, но и близким другом. Династия Петитов была старой промышленной элитой. Прадед друга Джинны приехал в Бомбей из Сурата в 1785 г. Он начал свою карьеру как экспедитор и переводчик с английского и французского в британской Ост-Индской компании. Французские торговцы, имевшие дело с этим шустреньким малорослым парсом, прозвали его «Маленький парс» («Le Petit Parsi»), и это прозвище превратилось в фамилию – Петит.

Успех пришел к правнуку «Маленького парса», которого звали Диншоу Маножджи Петит (1823–1903). В 1855 г. он учредил в Бомбее первую хлопкопрядильную фабрику под названием Восточная прядильная и ткацкая фабрика, на которой одновременно осуществлялись оба процесса: прядение пряжи и ткачество. Со временем он открыл еще с десяток таких фабрик и стал монополистом в своей области.

За заслуги перед Коронаой (Петит давал роскошные приемы и устраивал маскарады, которые приводили в восторг даже принца Уэльского во время его визита в Индию) губернатор Бомбея назначил его шерифом, а за исключительно щедрую благотворительность королева Виктория пожаловала ему титул баронета, который наследовали его потомки по мужской линии – Баронеты Петит-холла. По условию баронетства потомки по мужской линии не меняли личного имени. Именно поэтому друга Джинны, который уже был Вторым баронетом, звали, как и Первого, Диншоу Маножджи Петит⁵.

Фамильная резиденция Петит-холл находилась все на том же, многократно упоминавшемся Малабарском Холме. Это был мраморный дворец с греческими пилястрами и фонтанами, с садами, где цвели импортированные из Франции орхидеи, и залами, в окнах которых отражались морские пейзажи. Внутри дом был набит хрустальными шандельерами, мебелью в стиле Луи Кенз, китайскими вазами эпохи Мин и персидскими коврами. «Все вещи такого хорошего вкуса, что помнишь только их красоту и забываешь про цену»⁶, – писала домой Сароджини Найду, частая гостья в Петит-холле. Подражая Первому баронету, сэр Диншоу устраивал в резиденции пышные праздники, в частности давал ежегодный Поло Бал, где

собиралась вся бомбейская знать, однако особых льгот и бенефиций от англичан он не получал, несмотря на свою амбициозность и жажду публичного успеха⁷.

Сэр Диншоу получил домашнее воспитание, однако его учителем был настоящий англичанин из Кембриджа, который научил его неплохому английскому языку и преподавал «общее образование». Его супруга, леди Динбаи Петит, была правнучкой сэра Джамсетджи Джиджибоя (1783–1859), легендарного индийского филантропа, в свое время лидера всей общины парсов (*панчаята*) и первого из индийцев, получившего титул баронета⁸. Семья Джиджибоев занимала первое место в табели о рангах бомбейских парсов, и их дамы, когда посещали Лондон, бывали на приемах в Букингемском дворце и представлялись королеве.

Леди Динбаи, помимо сказочно дорогих драгоценностей, обогатила свою семью космополитическими вкусами и привычками, более французскими, чем английскими. Изящная роскошь Петит-холла была, конечно, ее заслугой. Сароджини, потрясенная красотой убранства Петит-холла, часто сопровождала леди Петит в ее поездках за покупками, в частности за дорогими персидскими коврами, которых покупали по два десятка разом.

Семья Петитов была популярна не только в общине парсов, но и в более широком кругу, куда входили преуспевающие мужчины разного вероисповедания и их жены, если они не соблюдали *парду*. Фотографии семейства Петитов регулярно появлялись в английских журналах, в частности в журнале, который специализировался на «туземных» знаменитостях и назывался «Мужчины и женщины Индии». Иногда на фотографиях взрослых сопровождали дети: Шила Редди в своей книге воспроизводит очаровательную студийную фотографию трех старших детей Петитов – девочки и двух мальчиков.

По этой фотографии видно, как далеко ушли Петиты от ортодоксальных парсов, хотя бы в смысле одежды. На мальчиках нет традиционных маленьких персидских шапочек и рубах с закрытым воротом; на девочке отсутствует малопривлекательное цветастое платье с длинными рукавами, которое носили девицы-парсы вплоть до перехода на «взрослое»

сари. Трое детей на фотографии могли быть отпрысками вице-короля – настолько безупречно по-английски выглядят их прически, манеры и одежда.

В семье Петитов росло четверо детей – старшая дочь Раттанбаи, она же Ратти, и трое сыновей, старший из которых, Фрамджи, должен был со временем унаследовать баронетство. На всякий случай, чтобы род не прервался, в доме было еще двое сыновей: малыш Манек и еще совсем крошечный Джамшед. И дочери, и сыновьям были предоставлены одинаковые возможности воспитания и обучения: няньки-англичанки, горничные-француженки, английские гувернантки и гувернеры, лучшие частные школы и каникулы в Европе.

Собственно, детей растил и воспитывал весь этот иностранный персонал; родители же следили за здоровьем и успехами детей в учебе, но следили на расстоянии. Точно так же, на руках многочисленной прислуги и на дальнем расстоянии от родителей, будет расти единственная дочь Ратти и Джинны – Дина, названная в честь бабушки Динбаи.

Дружба между сэром Диншоу и Джинной была неравной с самого начала. Баронет, несмотря на свои фабрики и основанные на его деньги госпитали и школы, был человеком неуверенным в себе, обидчивым и всячески стремившимся доказать свое превосходство. Большинство местных адвокатов относились к нему как «ходячему золотому руднику», поскольку любой правовой спор, как ни ничтожен был его предмет, сэр Диншоу стремился разрешить в суде, не жалея средств на судебные издержки и гонорары адвокатам.

Ясно, что такой человек, как Джинна, с его уверенностью в себе и правильности своих действий, с исключительно здравым взглядом на вещи, вызывал у сэра Диншоу восхищение, поскольку тот не раз решал его проблемы как в суде, так и на досудебном этапе.

Джинна часто бывал в резиденции Петитов и знал Ратти с детства. По всей видимости, это была незаурядная девочка, как описывает ее Уолперт: она «была очаровательной малышкой, не по годам развитой, одаренной всевозможными талантами, красивой во всех отношениях. По мере взросления все ее

таланты и красота приумножались столь восхитительно и естественно, что она казалась “сказочной принцессой”, едва ли не слишком прекрасной и хрупкой, чтобы быть настоящей. Ум у нее был настолько острым, живым и пытливым, что политической она интересовалась не меньше, чем поэзией романтиков, и настояла на том, чтобы ходить на все общественные собрания, проводившиеся в Бомбее в 1915 году»⁹.

Конечно, сам Уолперт никогда не видел Ратти – он родился в 1927 г., за два года до ее смерти, но сохранилось немало описаний, сделанных ее современниками. Так, Амир Ахмад Хан, сын друга Джинны, Махараджи Махмудабада, впервые увидел Ратти в 1923 г. Сам он тогда был пятилетним ребенком, но не мог забыть ее образ до старости, поскольку его далее цитируемые воспоминания относятся к 1984 г.: «Прекрасная, как пери с горы Каф^{*}, она была задрапирована в белое сари с черной полосой, расшитой золотом. Я смотрел на нее во все глаза, и когда ее взгляд упал на меня, то она подошла поближе, приподняла меня и усадила рядом с собой на софу. Я чувствовал чарующий, головокружительный аромат, исходящий от нее, – аромат, все еще хранящийся в моей душе. Я подумал, что это настоящая пери, спустившаяся в наш дом с неба. Я сидел на ее коленях довольно долго, пока мои родители не велели мне уходить, поскольку начался ужин. С тех пор, когда бы я ни встретил ее, она казалась мне волшебной девой. Я никогда в жизни не видел женщины, столь красивой, элегантной и изящной»¹⁰.

Г. Болито, как всегда, не упоминая имен, говорит о многочисленных бомбейских поклонниках Ратти: «Сегодня – спустя четверть века после ее смерти – в Бомбее еще остались галантные старые джентльмены, которые вспоминают ее: “Ах, Ратти Петит! Она была “Цветком Бомбея”! Такая живая, остроумная, веселая!»¹¹.

Свои отзывы о Ратти, естественно, более критичные, чем мужчины, оставили и женщины, в частности не раз упоминавшаяся Джаханара Шахнаваз: «Она всегда жизнерадостная и оживленная. Иногда на нее находит настроение, когда ей нравится

^{*} Пери с горы Каф (Кох-и-Каф ки пари) – прекрасная волшебная дева, персонаж сказок и романтического фольклора.

шокировать людей, что некоторым неприятно, но те, кто ее хорошо знает, просто смеются над этим. Она – очаровательная молодая женщина, с красивыми руками и изящными жестами, всегда одета в элегантные сари по последней моде»¹².

Другая мусульманская аристократка, Бегум Хатим Бхай Таййабджи, давая интервью на радио о Джинне, упоминала и Ратти, видимо, уже после ее смерти: «Джинна очень любил свою жену. И она этого заслуживала. Она была красивой, образованной, воспитанной, благородной и прекрасно говорила. И абсолютно верно, что для Джинны не было другой такой пары»¹³.

Не остались безразличны к внешности Ратти и британцы. Леди Элис, супруга вице-короля Лорда Рединга, упоминала о ней в письме: «На ней была накидка из шарфа Либерти*, головная повязка, отделанная драгоценностями, и изумрудное кольцо. Она удивительно хороша собой, очаровательна, хотя ужасно накрашена. Все мужчины восторгаются ею, а женщины фыркают»¹⁴.

Для своего времени воспитание Ратти было более чем либеральным. Ей разрешалось одной ездить в дорогие лавки на Хорнби-роуд, где она покупала все, что ей нравилось, записывая это на счет отца. Она могла принимать дома своих приятелей вне зависимости от их вероисповедания. Ее отпускали на танцы в клубы, она посещала садовые приемы, рауты в домах знакомых и скачки.

Ратти много читала, конечно, на английском и французском языках. Современного языка общины парсов – все того же гуджарати и канонических языков зороастрийцев – авестийского и пехлеви она не знала. Ее причастность к зороастризму ограничивалась церемонией навджота**, которую проходит каждый ребенок.

Список книг Ратти с ее пометками сохранился в бумагах Джинны – в нем преобладает английская классика от Мильтона

* Либерти – английский вариант стиля Art Nouveau; шарф Либерти – шифоновый пестрый шарф, надевавшийся спереди, как накидка.

** Навджот – ритуал в зороастризме, после проведения которого человек считается введенным в зороастрийскую религию и начинает носить рубашку седре и пояс кошти. Термин «навджот» обычно используется в среде индийских зороастрийцев (парсов).

и Теккерея, добротная женская проза сестер Бронте и Джордж Эллиот и поэты-романтики: Теннисон, Шелли, Китс, Байрон, Браунинг и Вордсворт.

Странно, что в этой библиотеке нет ни одной пьесы любимого Джинной Шекспира. Дэвид Лоуренс, Генрик Ибсен, Бернард Шоу и Оскар Уайльд демонстрируют знакомство с современными литературными тенденциями. Отдельно упомянем книги Эмелин Панхерст, лидера британского движения суфражисток, и сочинения особенно ценимых матерью и дочерью Петит теософов – Анни Безант и Елены Блаватской¹⁵. Словом, это был круг чтения интеллигентных девушек, о котором Фатима Джинна говорила, что «они обе были склонны читать одни и те же книги и у них были темы для разговоров».

Сказать по правде, в бумагах Джинны хранится еще один список с подробными комментариями, список драгоценностей, принадлежавших Ратти: отдельных ювелирных изделий, драгоценных камней без оправы, коробок с наборами-сетями, футляров с ювелирными комплектами¹⁶, – и их число превышает количество книг в библиотеке.

Наряду с чтением английских романтиков любимым занятием Ратти были разговоры о политике. В резиденции Петитов почти ежевечерне собирались гости, среди которых было много либерально настроенных людей: литераторов, как С. Найду, бизнесменов, как сэр Ферозшах Мехта, или юристов, как Джинна. Все они обсуждали возможности достижения самоуправления и независимости Индии. Ратти присутствовала на этих дискуссиях и не могла остаться равнодушной к тому, что и как говорил Джинна.

Он разговаривал с ней, как с равной, поскольку сам любил общество интересующихся политикой молодых слушателей. Под его влиянием она стала регулярно сопровождать на политические мероприятия свою тетку Хамабаи Петит, незамужнюю миллионершу, прославившуюся как филантропка. Вместе они посещали все крупные митинги и публичные лекции на политические темы, отчего девочке возраста Ратти должно было быть нестерпимо скучно. Но это и делало ее такой необычной, непо-

хожей на своих ровесниц из богатых домов, которые в ее годы думали о женихах и туалетах.

«Она была настоящей индийской националисткой, глубоко интересующейся политическим развитием страны, – позднее писал обожавший ее Канджи Дваркадас. – Ратти была интеллектуальна, хорошо образована, политически развита и всегда информирована о текущих событиях; при этом она обладала любопытством, свойственным студентке»¹⁷.

«Сначала ее интерес к Джинне был интересом восхищенной девочки к выдающейся публичной личности, чьи идеи женской эмансипации и политических прав более всего привлекали ее свободолюбивую натуру. Но вскоре оба обнаружили, что у них есть общий интерес в жизни, которому они особенно преданы», – писал Г. Аллана¹⁸.

Г. Аллана этот общий интерес не детализирует, и поэтому трудно представить, что общего связало сорокалетнего убежденного холостяка и шестнадцатилетнюю девушку, вдобавок столь разного происхождения, воспитания и, что немало важно, вероисповедания. Остается только чувство, которому, как «сердцу деви, нет закона».

В 1915 г. в Европе еще не кончилась война, поэтому семейство Петитов было вынуждено отказаться от летнего отдыха на своей французской вилле и довольствоваться поездкой в горы в Дарджилинг, где у них было бунгало с видом на Эверест. Во время британского правления Дарджилинг, находящийся на высоте более 2000 м, стал горной станцией, т. е. курортом для британцев, стремящихся избежать летней жары на равнинах. Город быстро развивался, так же как санаторий, с равниной его связала железная дорога. Начиная с 1864 г. город стал формальной летней столицей Бенгальского президентства.

Итак, Петиты отправились в Дарджилинг, прихватив с собой Джинну в качестве почетного гостя. Как Джинна и Ратти проводили два месяца на фоне прекрасных горных пейзажей неизвестно: можно предположить, что они много беседовали и часто ездили верхом. Впоследствии Ратти писала Падмадже Найду, что в Дарджилинге она обнаружила в Джинне «человека с тонким восприятием и крайне чувствительной душой»¹⁹.

Так же, много лет назад, Сароджини нашла в нем «застенчивый и прекрасный идеализм» — у влюбленных женщин сходный лексикон вне зависимости от их возраста.

Почти до сорока лет Джинна не испытывал сильной привязанности, любовной или дружеской, ни к кому, за исключением нескольких членов семьи — покойной матери и сестры Фатимы. Если он не занимался адвокатскими делами, то любил проводить свободное время в богатых гостиницах бомбейских парсов, где разговаривал о политике и делал светские комплименты дамам. Он любил рассказывать о тонкостях юриспруденции молодым людям, которые приходили к нему за советом. Первый «чужой», к которому он привязался, как к другу, был общественный деятель Гопал Кришна Гокхале (1866–1915), с которым Джинна даже вместе путешествовал в 1913 г. на каникулах по Европе.

Что же касается женщин, то он всячески уклонялся от близких контактов с ними, оставаясь интровертом, celibатом, проявляя робость и застенчивость в отношениях с противоположным полом. Он принадлежал к поколению индийских мужчин, которые считали любовь к женщине слабостью, оппозицией мужественности. Какой-то сексуальный опыт Джинна почерпнул из своего короткого первого брака, но этого опыта вряд ли было достаточно, чтобы перестать испытывать неловкость в женском обществе.

Так, некогда Мотилал Неру наставлял своего сына Джавахарлала: «Если ты подозреваешь, что какая-то девушка питает к тебе определенные чувства, в тот же момент разорви их и не дай им вырасти»²⁰. И никто лучше Джинны не умел в зародыше ликвидировать ненужные ему привязанности.

Именно поэтому во всей истории романтической поездки в Дарджилинг и в скоропалительном решении пары пожениться удивительно не то, что девушка-подросток влюбилась во взрослого, знаменитого и интересного мужчину, что бывает сплошь и рядом, а то, как быстро и легко Джинна отказался от своей опасливой сдержанности и холостяцкой осторожности в отношении женщины, тем более юной девушки. Правда, есть версия, что предложение руки и сердца сделала ему Ратти.

«Джинна возбуждал ее юное воображение, как никто, и она буквально поклонялась ему, как герою, – писал Болито. – Таким образом, неудивительно, что это именно она попросила его жениться на ней. Говорят, что Джинна ответил: “Это кажется интересным предложением”»²¹. Типичный ответ юриста, а не влюбленного.

Как ни странно, качества, которые привлекали поклонников Ратти, конечно помимо ее красоты – ее игривость, непосредственность, жизнерадостность, страсть к розыгрышам и шуткам, – вряд ли были во вкусе Джинны. По чисто косвенным признакам, поскольку прямых свидетельств он нам не оставил, ему нравились женщины более старшего возраста и более сдержанного «традиционного» темперамента, такие как Раана Лиакат Али Хан или Джаханара Шахнаваз, возможно, потому, что они казались ему менее опасными, но и более женственными.

Однако никто другой, кроме Ратти, не мог заставить Джинну громко смеяться, в том числе и над собой, вызвать его на разговор на литературные, а не на политические темы, убедить его отправиться на утреннюю прогулку вместо священного чтения газеты и делать много иных, не привычных для него вещей, которых она добивалась от него «смесью задабривания и поддразнивания»²².

По возвращении с курорта Джинна отправился с визитом к сэру Диншоу и в ходе общего разговора спросил, каково его мнение о межобщинных браках. Петит, не подозревая подвоха, «выразил категорическое мнение, что это содействовало бы национальной интеграции и могло бы в конечном счете привести к полному устранению межобщинного противостояния». В свое время сэр Диншоу поддержал первого парса, Ратана Тата, женившегося на француженке, и, видимо, поэтому считался человеком широких взглядов.

На это Джинна спокойно сообщил ему, что хочет жениться на его дочери Ратти. Сэр Диншоу оторопел. До этого он не понимал, насколько серьезные личные последствия могли иметь его замечания. Он вознегодовал и отказался даже подумывать над подобным предложением, показавшимся ему абсурдным и нелепым²³.

Наверное, это был единственный случай в карьере Джинны, когда его красноречие оказалось бессильным. Сэр Диншоу запретил Ратти видеться с Джинной, пока она оставалась несовершеннолетней (хотя, строго говоря, она была уже не только в возрасте согласия, но уже могла вступать в брак) и жила в его доме, и разорвал с ним всякие отношения.

Более того, он добился судебного запрета, основанного на признаваемом британским правительством законе парсов о браке, по которому все личные контакты между влюбленными грозили им наказанием вплоть до тюремного заключения. Основные обвинения сэра Диншоу сводились к тому, что Джинна собирается похитить его дочь, покушаясь на ее богатое приданое.

Конечно, в ответ Ратти устроила в доме настоящий ад: она заперлась в своей комнате, целыми днями лежала, повернувшись лицом к стене, отказывалась разговаривать с кем-либо из членов семьи и слуг, выкидывала еду, которую ей приносили, и кроме чистой воды не брала ничего в рот в течение недели. Сэр Диншоу и обычно спокойная леди Петит впали в панику, считая, что Ратти решила уморить себя голодом. Как всегда, на помощь была призвана Сароджини, с которой Ратти была готова разговаривать о своем любимом Джинне сколько угодно, и постепенно кризис рассосался.

Как всегда, у разных биографов Джинны существует расхождение насчет датировки тех или иных событий. Если роман в Дарджилинге и скандал с сэром Диншоу относятся к лету-осени 1915 г., непонятно, как в декабре того же года во время совместной сессии Конгресса и Мусульманской Лиги Джинна ездил по Лакхнау в машине Петитов вместе с Хамабаи и Ратти. Стало быть, судебный запрет, запрещающий их контакты, или не вступил в силу, или вообще отсутствовал²⁴.

Шила Редди со своими уникальными эпистолярными источниками идет еще дальше и утверждает, что «роман века» возник вовсе не в 1915 г. в Дарджилинге, а в 1914 г. в Пуне, где Джинна со своим другом главным редактором газеты *Bombay Chronicle* Бенджаменом Хорнименом проводили рождественские каникулы у своего старшего приятеля-парса сэра Фероз-

шаха Мехты, а семья Петитов жила неподалеку в очередном собственном доме²⁵.

Ратти в ту пору было около 14 лет, как некогда покойной жене Джинны Эмибаи, но со времен первой свадьбы его представления об отношениях полов значительно эволюционировали в прозападную сторону, и дочь друзей оставалась для него еще ребенком. Его хозяин сэр Ферозшах сам женился на шестом десятке на молоденькой и не видел во взаимном интересе Джинны и Ратти ничего предосудительного.

Другое дело Ратти, которая в столь нежном возрасте обладала страстной романтической натурой и, пренебрегая развлечениями со сверстниками, рвалась проводить время только в обществе Джинны, не отрывая от него больших восхищенных глаз, что, вероятно, смущало его, но не оставляло равнодушным. Тем не менее никто из биографов Джинны не переносит дату начала его романа с Ратти так далеко, как это делает Редди.

Вспоминая, как в молодости Джинна мечтал сыграть в театре «Олд-Вик» роль Ромео, невольно думаешь о том, что судьба предоставила ему редкую возможность исполнить эту роль в реальной жизни, правда возрасту и образу героев трагедии соответствовала только невеста.

Джинна, как и положено юристу, был исключительно законопослушен, но все же находил возможность тайно видаться со своей возлюбленной на протяжении запретных полутора лет, отделявших их от ее совершеннолетия. Вообще Джинна терпеть не мог шумные сборища и гулянья, в частности балы с танцами и музыкой, но теперь он ездил туда, где бывала Ратти, о чем она ему, видимо, заранее сообщала: на скачках, на садовых приемах и даже в супермодном Уиллингдон-клубе, где находился настоящий американский дансинг. Ратти обычно сопровождал кто-то из старшей прислуги, но она ухитрялась подходить к Джинне и смотреть на него с таким неприкрытым обожанием, что даже его железная воля давала трещину²⁶.

В результате насильственная разлука по решению суда лишь усиливала их взаимные чувства и желание скорее преодолеть препятствия. Роман Джинны и Ратти стал притчей во языцех в целом Бомбее. Особенно негодовала община парсов,

но и, с точки зрения глав других конфессий, союз уважаемого лидера мусульман с девушкой-зороастрийкой, между которыми было 24 года разницы, являлся настоящим скандалом. Ничего подобного в размеренной благопристойной личной жизни Джинны никогда не бывало.

Наконец, полтора года ожидания истекли, и 20 февраля 1918 г. Ратти, отметив свое восемнадцатилетие, в апреле покинула родной дом, не простившись с отцом, который не пожелал ее видеть. Для Джинны, с его упоминавшейся законопослушностью, поведение Ратти выглядело слишком своевольным, даже дерзким. Однако, прежде чем официально жениться, он должен был разрешить важную юридическую проблему: по какому закону вступать в брак.

Впервые введенный британцами в Индии в 1872 г. Гражданский брачный акт (Civil Marriage Act) разрешал мужчине и женщине разного вероисповедания или кастовой принадлежности вступать в межобщинный или межкастовый брак, что строго запрещалось брачным законодательством всех основных религий. Однако обязательным условием законности такого «гражданского» брака был юридически оформленный отказ одного или обоих брачующихся от исповедания своей исходной веры.

Жених или невеста должны были поклясться, что более не исповедуют индуизм или ислам, или христианство, или иудаизм и др. У Акта было много противников из числа местных правителей и администраторов, которые считали, что он будет поощрять браки, основанные на физическом влечении и аморальности, а не на религиозных законах²⁷.

Джинна помимо того, что внешне соблюдал основные законы ислама, являлся членом Имперского законодательного совета, где представлял всех избирателей-мусульман. Если бы он женился по Гражданскому брачному акту, то был бы обязан оставить свое место в совете, так как не мог более оставаться представителем конфессии. Так что Ратти пришлось пожертвовать своим зороастрийским происхождением и перейти в ислам «по старинке», вне всякого Гражданского брачного акта. Учитывая равнодушие Ратти к вопросам религии,

очевидно, что от ее обращения пострадала в основном не она, а репутация ее семьи.

Обращение Ратти в ислам совершилось в Соборной мечети Бомбея (Джамия Масджид) в присутствии имама, крупного религиозного авторитета Мауланы Назира Ахмада Худжанди и в памятный для индийских мусульман день, когда отмечается годовщина смерти (урс) великого святого Муинуддина Чишти, чей *даргах* в городе Аджмер и сегодня является крупнейшей мусульманской святыней всего Индийского субконтинента. Став мусульманкой, Ратти приняла традиционное кораническое имя Мариам²⁸.

19 апреля бракосочетание наконец состоялось, и мисс Раттанбаи Петит стала миссис Мариам Джинна. Брак был заключен по шиитским законам. Сохранилось брачное свидетельство *никахнама*, написанное на персидском языке²⁹. По нему выкуп за невесту состоял из 1001 рупии, но в качестве подарка жених передавал ей еще 125 тыс. рупий. Юристы и свидетели, присутствовавшие на церемонии, состояли из близких друзей Джинны – Шарифа Девджи Канджи, Умара Собхани и Махараджи Махмудабада.

На следующий день газета *The Statesman* сообщала: «Мисс Раттенбаи, единственная дочь сэра Диншоу Маноқджи Петита, вчера совершила переход в ислам и сегодня выходит замуж за distinguished М. А. Джинну»³⁰. Вслед за *The Statesman* информацию об обращении Ратти в ислам и ее свадьбе с Джинной напечатали все газеты, выходящие на английском, урду и гуджарати.

После церемонии *никаха* Джинна на уже законном основании привез Ратти в свое бунгало, известное как Саут-Корт, которое, как и все престижные дома Бомбея, находилось на Малабарском Холме, на бывшей Маунт-плезант-роуд. Здесь же состоялся скромный свадебный прием, на котором не было ни одного гостя со стороны невесты. Родня жениха была представлена его двумя сестрами – Ширин Пирбхой и Фатимой. Они же были двумя единственными женщинами на торжестве.

Ратти, выросшая совершенно в иной среде, никогда не видела столько мрачных бородатых мужчин в традици-

онной одежде *курта-паджама*. Все они неодобрительно смотрели на невесту, одетую по современной моде, в полупрозрачный жоржет. Губы невесты были накрашены помадой, при этом она курила сигареты, как мужчина, что произвело ужасное впечатление на гостей. Однако Джинна приглашал гостей, руководствуясь не их светскостью или толерантностью, а тем, насколько достоверными свидетелями они будут считаться во время заключения *никаха*.

В предсвадебной суете жених забыл об обручальных кольцах, и проблему решил незаменимый верный друг Махараджа Махмудабада. «Кольцо, которое в день свадьбы Джинна поднес новобрачной, было даром моего отца. Молодая чета провела медовый месяц в Найнитале, в нашем доме»³¹, – вспоминал наследник Махараджи, Амир Ахмад Хан.

Найнитал, известный горный курорт, также находится в предгорье Гималаев, но не похож на Дарджилинг. Он расположен в долине, на берегу горного озера Найни, где еще со времен британцев существовал знаменитый лодочный клуб. Общий вид Найнитала со старинными шале гостиниц напоминает альпийский пейзаж, скажем, в Швейцарии. Романтически настроенному Уолперту представлялось, как новобрачные «совершали долгие прогулки верхом по очаровательным тропинкам под сенью густых сосновых рощ, наслаждаясь абсолютной свободой, радуясь тому, что они вместе»³².

Проведя неделю в Найнитале, молодожены спустились на автомобиле с гор в Дели, где остановились в роскошном отеле «Мейденс», расположенном напротив Красного Форта и представлявшем собой смесь могольской утонченности и европейского комфорта. Это был любимый отель Джинны, где он проводил несколько дней во время коротких визитов в Дели.

Теперь, когда Джинна был законно женат, он мог с гордостью продемонстрировать окружающим, какое сокровище по прозвищу «Цветок Бомбея» ему досталось. Ратти, следуя модному стилю Ар-нуво, вплетала живые цветы в свои длинные темные волосы, задрапировывала свою стройную фигуру в полупрозрачный шифон алого цвета с золотом, носила сильно

декольтированные короткие блузки (*чоли*) без рукавов, перевязывала голову расшитыми бриллиантами или сапфирами повязками и курила сигареты, вставляя их в длинные мундштуки, что делало каждый поворот ее обнаженной руки еще более эффектным³³. Одевалась Ратти в лучшей европейской мастерской Эмили Уиндгров на Хорнби-роуд, где шили только для бомбейской знати³⁴.

Что касается Джинны, он, с элегантной небрежностью наследственного аристократа, сверкающими черными глазами и с начинающими серебриться висками, выглядел как персонаж Голсуорси. Перед свадьбой Ратти заставила его слегка осовременить свою внешность: сбрить усы, отрастить волосы, зачесывая их назад, как было принято у модных молодых парсов. Усы (как и борода, тюрбан и др.) были знаком мусульманской идентичности, но Джинна расстался с ними легко, поскольку это было условие, пусть и шутовское, невесты³⁵.

После медового месяца Ратти въехала в довольно мрачные комнаты Саут-Корта со своими книгами, картинами, драгоценностями, гардеробом из шифоновых шарфов и шелковых сари. Она оживила затхлый кабинет мужа яркой краской на стенах, элегантной мебелью и букетами живых цветов. Первое время Джинна торопился из суда домой, перестал ездить в клуб играть в бильярд и проводил все вечера, рассказывая Ратти истории своего детства в Карачи и юности в Лондоне, которым она внимала с упоением. Но вскоре в дом потянулись старые приятели и соседи; они вмешивались в супружеские беседы и переводили разговоры все на ту же политику. Ратти вынужденно часами слушала их, поддерживая свою репутацию индийской жены-националистки, но на самом деле она предпочла бы поехать с мужем в клуб, потанцевать и послушать музыку.

Виджая Лакшми Пандит, дочь Мотилала Неру и сестра Джавахарлала, также упоминает в своих мемуарах «скандальный» брак Джинны: «Женитьба Джинны на Ратти Петит, дочери богатого парса Диншоу Петита, вызвала девятидневное волнение во всей Индии. Ратти была моей приятельницей. Мы были одного возраста, но воспитаны по-разному. Она была избалована, очень красива и все делала по-своему. Она

была намного моложе Джинны, и это, конечно, *не был брак по любви* (курсив мой. – А.С.). Но Джинна был мусульманином, а парсы – очень влиятельной консервативной общиной. Этого было достаточно, чтобы Ратти потрясла все их устои... Несмотря на сопротивление родителей и всей общины, она вышла за него»³⁶. В обширной биографической литературе о Джинне сестра Неру – единственная мемуаристка, назвавшая брак Каид-и-Азама «браком не по любви».

Свадьба Джинны имела такой широкий резонанс, что общественное мнение по ее поводу не могло успокоиться еще несколько десятилетий. В 1944 г. вышла в свет первая англоязычная биография Джинны, где утверждалось, что приданое Ратти составляло 30 лакхов рупий (1 лакх = 100 тыс.)³⁷. Джинну возмутило неправдоподобие этой гигантской суммы и последовавшие за публикацией едкие комментарии газеты *The Hindu*. Он написал раздраженное письмо автору биографии и получил ответ, полный слезных извинений за использование ошибочной информации.

Тогда же Джинна, как бы предвидя все искажения и ошибки, которые допустят его будущие биографы, обратился к ним с просьбой: «Прошу вас не предавать публичности случайные факты, относящиеся к чьей-то жизни, без их тщательной предварительной проверки. Вы обязаны установить точность этих фактов и вычеркнуть из вашей книги все, что основано на слухах и сплетнях»³⁸.

Увы, непроверенные слухи и сплетни сопровождали Джинну всю жизнь, несмотря на его чрезвычайную закрытость и осторожность по отношению к прессе. Мусульманская пресса, в свою очередь, отвечала довольно грубо: «Мистер Джинна не столь блистательный и выдающийся деятель в мире ислама, чтобы один его поступок мог запятнать ислам и нагнать темные облака на его благословенный горизонт»³⁹.

Поскольку Ратти перешла в ислам по всем принятым религиозным законам, в 1918 г., в год свадьбы, это событие не вызвало никакого неприятия в мусульманских кругах. Но спустя десятилетия, когда Мохаммед Али стал для всех из «просто мистера Джинны» – Каид-и-Азамом, политическим вождем

мусульман субконтинента, руководители консервативных мусульманских организаций *Маджлис-и-Ахрар* и *Джамият-и-Улема-и-Хинд* вдруг заявили, что брак Джинны был «неисламским», а значит, недействительным.

Во главе этой кампании по диффамации Джинны стояли Мазхар Али Мазхар, один из лидеров движения *Хаксаров**, и Хусейн Ахмад Мадани, один из глав деобандского** движения. Последний совершенно безосновательно заявил в интервью, что Джинна женился по Гражданскому брачному акту, т. е. отказавшись от своей веры.

Безусловно, так запоздало развернувшаяся кампания по диффамации брака Джинны имела политический, а не религиозный характер, ибо за ней стоял конфликт Конгресса с Мусульманской Лигой, а также неприязненные отношения между руководством двух партий. Вышеуказанные религиозные организации, в частности *Джамият-и-Улема-и-Хинд*, *Хаксары* и *деобандисты*, являлись противниками раздела Индии и образования Пакистана, следовательно были и личными противниками Джинны.

Скажем, исламские авторитеты не объявляли «немусульманским» брак одного из известных лидеров Конгресса, мусульманина Асафа Али и его жены, бенгальской брахманки Аруны Асаф Али. Также со стороны мусульманских партий не было претензий к браку борца за независимость Индии, Абдула Джаббар Хана (известного как Д-р Хан Сахиб), который женился на англичанке Мэри Хан, так и оставшейся христианкой.

Точку в вопросе о том, был ли брак Джинны «неисламским», поставил живой свидетель – присутствовавший на церемонии обращения Ратти имам Соборной мечети в Бомбее,

* Движение *Хаксаров* – социальное движение, основанное Алламой Машрики в 1931 г. в Лахоре. Имело целью освобождение Индии от британского колониализма и создание индусско-мусульманского правительств. *Хаксары* были противниками раздела Индии и создания Пакистана.

** Деобандское движение – религиозно-политическое движение суннитов ханифитского толка в Британской Индии. Названо по городу Деобанд, где в 1867 г. был создан крупный теологический центр («дар ул-улум»), в котором давалось традиционное мусульманское образование. Участники Деобандского движения ставили целью превращение колониальной Индии в «страну мира» («дар ул-аман»), в которой мусульмане будут строго следовать законам шариата.

Маулана Назир Ахмад Худжанди. В 1945 г. он сделал публичное заявление о том, что переход Ратти в ислам и ее последующий брак с Джинной полностью соответствовали мусульманским законам⁴⁰. Так, начавшаяся в 1918 г. история брака Джинны благополучно разрешилась через 28 лет победой здравого смысла.

Еще в большей мере, нежели мусульманские ортодоксы, возмущались браком Джинны бомбейские парсы, которые восприняли поступок Ратти как предательство их веры и оскорбление, нанесенное всей общине, возможно, потому, что случаи перехода зороастрийцев в ислам были весьма редки. Сароджини Найдю в одном из писем упоминает гневную реакцию парсов: «Итак, Джинна наконец сорвал Голубой Цветок своего желания. Все произошло очень быстро и вызвало чудовищное возбуждение и слепую ярость среди парсов. Но я думаю, что девочке предстоит намного больше жертв, чем она теперь осознает. Джинна всего этого стоит – он любит ее: единственное подлинно человеческое и настоящее чувство в его сдержанной и эгоцентричной натуре, и он сделает ее счастливой»⁴¹.

Действительно, реакция общины парсов на замужество Ратти была беспрецедентной. Жрецы пяти храмов огня (*аташ-кадэ*) собрались в главном бомбейском храме *Дади Сетх* под руководством главного жреца Бомбея, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Темой обсуждения были участвовавшие браки женщин из общины парсов с мужчинами других вероисповеданий. Священники не ограничились осуждением пары, нарушившей законы религиозного брака, а потребовали изменить саму систему воспитания девушек-парсов, в частности запретить им общаться с молодыми людьми другой веры.

Завидную свободу девушек-парсов, не соблюдавших *парду* уже более века, попытались ограничить другими способами. Среди ограничений был запрет на английских тьюторов, учителей танцев, езду верхом, посещение садовых приемов и клубов. Наказанием за запретный брак стало отлучение от общины не только самой виновной, но и ее родителей, причем даже если они будут продолжать общение с отлученной дочерью после ее

брака. Однако апогеем этой истории стало чуть ли не первое в современной истории Бомбея собрание всей общины, зороастрийского *Анджумана*. На собрание явилось 8500 парсов, превратив его в пандемониум: не хватало стульев, люди стояли и сидели на полу, и все говорили разом. Бедная Ратти и ее будущие, пока не рожденные, дети были объявлены отлученными от зороастризма и лишенными всех прав, которые имеют носители этой веры, в частности, посещать навджоты, свадьбы, ноурузы и другие собрания общины.

Никогда прежде в мирной истории бомбейских парсов не было такой охоты на ведьм. Вероятно, и священникам, и «среднему классу» парсов надоели выходки элиты, которая, с одной стороны, содержала маленькую общину своими миллионками, а с другой – своим распущенным поведением была ей живым укором⁴². И поводом для столь грандиозного скандала в общине парсов стала свадьба Мохаммеда Али Джинны!

Как ни возмущалась община парсов, реакция сэра Диншоу Петита была личной и потому особенно болезненной: он страдал нервным расстройством, долго не выходил из дома, затем лечился за границей и не разрешал упоминать при нем имя дочери. Человек, для которого важнее всего был успех его начинаний, не мог простить дочери крушения своих планов относительно ее предполагаемого брака с каким-нибудь промышленным магнатом-парсом. «Сэр Диншоу так никогда и не простил дочь, ни разу больше с ней не виделся и, когда она умерла, отказался прийти на похороны или даже взглянуть на ее мертвое тело», – вспоминал Чагла⁴³.

Как всегда, в историях Джинны существует и другая, прямо противоположная, версия, опубликованная в газете *Dawn* 13 января 1990 г. Из нее следует, что «во время болезни Ратти жила в отеле Тадж-Махал, и сэр Диншоу навещал ее и ухаживал за ней. Он пригласил для лечения дочери известного врача-парса Ферозшаха Муди, а в качестве консультанта – немецкого доктора Ленсинора. Леди Диншоу и ее старший сын продолжали регулярно общаться с Ратти, а ее дочь Дина проводила большую часть времени в доме бабушки»⁴⁴, что, безусловно, определило ее последующую отчужденность от ислама и Пакистана.

- ¹ Цит. по: Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*, New York: The Macmillan Co., 1955. P. 22.
- ² Naidu Sarojini. *Mohammed Ali Jinnah – Ambassador of Hindu-Muslim Unity / Quaid-e-Azam as seen by his contemporaries*. Lahore: Publishers United LTD., 1966.
- ³ Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. Mumbai: Bharatiya Vidya Bhavan, 2012. P. 25.
- ⁴ Allana G. *Quaid-i-Azam Jinnah: The Story of a Nation*. Karachi: Ferozsons Ltd., 1967. P. 166.
- ⁵ The Parsee Sheriff of Bombay. *Illustrated London News*. 16.04.1887). P. 443–44. *Hathi Trust Digital Library* web version of a copy in The University of Chicago Library. Web. 9.01.2016.
- ⁶ Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017. P. 3.
- ⁷ Malgonkar Manohar. *Dropping Names*. New Delhi: Roli Books, 1996. P. 48.
- ⁸ Mody Jehangir. *Jamsetjee Jeejeebhoy: The First Indian Knight and Baronet*. Bombay, 1959.
- ⁹ Wolpert Stanley. *Jinnah of Pakistan*. New Delhi, OUP, 2005. P. 43–44.
- ¹⁰ Цит. по: Haider Khwaja Razi. *Ruttie Jinnah*. Karachi: OUP, 2010. P. 57.
- ¹¹ Bolitho Hector. *Op. cit.* P. 74.
- ¹² Shahnawaz Jahan Ara. *Quaid-i-Azam and Muslim Women*. Karachi: National Book Foundation, 1976. P. 12.
- ¹³ Zakariya Sajid. *Quaid-i-Azam meri nazar mein (Каид-и-Азам в моем представлении)*. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1985. P. 63.
- ¹⁴ Pirzada, Syed Sharifuddin. *Some Aspects of Quaid-i-Azam's Life*. Islamabad: National Commission on Historical and Cultural Research, 1978. P. 50.
- ¹⁵ Haider Khwaja Razi. *Op. cit. Appendix I*.
- ¹⁶ Ibid. Appendix III.
- ¹⁷ Dwarkadas Kanji. *Ruttie Jinnah; the story of a great friendship*. Bombay, 1963. P. 42.
- ¹⁸ Allana G. *Op. cit.* P. 167.
- ¹⁹ Reddy Sheela. *Op. cit.* P. 64.
- ²⁰ Nanda B.R. *The Nehrus: Motilal and Jawaharlal*. London: Allan & Unwin, 1954. P. 97.
- ²¹ Sharif al Mujahid (ed). *In Quest of Jinnah: Diary, Notes and Correspondence of Hector Bolitho*. OUP, 2009. P. 54.
- ²² Reddy Sheela. *Op. cit.* P. 19.
- ²³ Chagla M.C. *Op. cit.* P. 119.
- ²⁴ Haider Khwaja Razi. *Op. cit.* P. 24.
- ²⁵ Reddy Sheela. *Op. cit.* P. 20–21.
- ²⁶ Shahnawaz Jahan Ara. *Op. cit.* P. 32.
- ²⁷ Perveez Mody, *Love and the Law: Love-Marriage in Delhi // Modern Asian Studies*. 2002. № 36. P. 223–256.
- ²⁸ Pirzada Syed Sharifuddin. *Op. cit.* P. 46.
- ²⁹ Haider Khwaja Razi. *Op. cit. Appendix II*.

- ³⁰ Allana G. Op. cit. P. 168.
- ³¹ Raja of Mahmudabad. Some Memories // *The Partition of India* / ed. C.H. Philips. London: George Allen & Unwin Ltd., 1970. P. 385.
- ³² Wolpert Stanley. Op. cit. P. 69.
- ³³ Dwarkadas Kanji. *Ruttie Jinnah; the story of a great friendship*. Bombay, 1963. P. 43–45.
- ³⁴ Allana G. Op. cit. P. 172.
- ³⁵ Ispahani M.A.H. *Quaid-i-Azam Jinnah as I Knew Him*. Karachi: Forward Publications Trust, 1967. P. 87.
- ³⁶ Vijaya Lakshmi Pandit. *The Scope of Happiness: A Personal Memoir*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979. P. 201.
- ³⁷ Ravooof A. *Meet Mr Jinnah*. Lahore: Sh. Muhammad Ashraf, 1961. P. 34.
- ³⁸ Syed Shamsul Hassan. *Plain Mr Jinnah*. Karachi: Royal Book Co., 1976. P. 79.
- ³⁹ Reddy Sheela. Op. cit. P. 133.
- ⁴⁰ Haider Khwaja Razi. Op. cit. P. 43.
- ⁴¹ Beg Aziz. *Jinnah and His Times. A Biography*. Islamabad: Babur & Amer Publications, 1986. P. 272.
- ⁴² *Enduring Legacy – Parsis of the Twentieth Century* / ed. Nawaz Modi. Mumbai, 2005.
- ⁴³ Chagla M.C. Op. cit. P. 120.
- ⁴⁴ Haider Khwaja Razi. Op. cit. P. 50–51.

Глава V

ЖЕНА: МЕЧТА

Все воспоминания о миссис Ратти Джинна начинаются с описаний ее неземной красоты, примеры которых мы встречали в предыдущей главе. Однако Джинна был слишком умен и рационален, чтобы связать свою жизнь с женщиной, у которой не было иных достоинств, кроме внешних. Все, кто хорошо знал Ратти и не испытывал к ней неприязни по тому или иному поводу, отмечали ее живой ум, веселый нрав, добросердечность и, что было главным для того времени, ее стремление участвовать в борьбе за независимость Индии.

«Чрезвычайно эффектная женщина, женщина легендарной красоты и привлекательности из города, прославленного на весь мир своими красавицами... Она была одновременно жизнерадостной светской львицей и пылкой красноречивой индийской националисткой»¹.

Первый месяц супружеской жизни прошел не совсем так, как представлялось Ратти в мечтах, пока она полтора года ждала разрешения на брак. В то время, пока она считалась невестой, главной целью ее жизни было овладение той великой страстью, на пути к которой стояло столько препятствий. Но теперь, обретя эту страсть, она чувствовала разочарование, которое скрывала от себя самой. Она надеялась обнаружить за общеизвестной сдержанностью Джинны мужчину «для себя», с таким же страстным и всепоглощающим желанием любви, какое было у нее. Но он постоянно эмоционально ускользал от нее, прячась за своим холодным и рациональным умом, и ни разу не позволил себе бурного и открытого проявления глубоких эмоций. Хуже того, несмотря на свою девичью

неопытность, она ощущала, что в их интимной жизни муж также проявляет некую сдержанность, столь не похожую на приливы пресловутой великой страсти².

Ратти выросла в семье, полностью лояльной британской власти и получившей от этой власти много материальных и моральных выгод, начиная с титула баронета. Но дочь сэра и леди Диншоу Петитов принадлежала уже к другому поколению, и ее английское воспитание и образование достались ей от рождения, а не в результате трудоемкого подъема на «социальном лифте», как произошло с Джинной.

Именно поэтому она не слишком дорожила полученными «с молоком матери» привилегиями. Как бы Ратти ни любила поэзию английских романтиков, их стихи ни в какой мере не примиряли ее с британским правлением в Индии. Унаследованная ею культура колонизаторов ничуть не обеляла в ее глазах самих колонизаторов и не могла заменить собой гражданских прав, в том числе право на независимость.

Вскоре после свадьбы новобрачным пришлось встретиться с родителями Ратти в суде, куда сэр Диншоу подал новый иск против Джинны за попытку похищения его дочери с корыстной целью. Ничто не могло оскорбить Джинну столь глубоко. Его, заработавшего миллионное состояние своим собственным трудом, пытались представить чуть ли не альфонсом. На суде Ратти в свойственной ей эмоциональной манере выступила в защиту своего мужа. Обращаясь к судье, она сказала: «Мистер Джинна не похищал меня, сэр. На самом деле это я похитила его»³.

Сэр Диншоу был потрясен ее словами и тем, что она на его глазах уничтожила легальную возможность спасти ее и ее будущее наследство от «развратного авантюриста», каким ему теперь казался его недавний друг. На этом, собственно, суд был закончен: Ратти подписала юридические документы, по которым она лишалась своей доли наследства отца и других членов семьи. Пока что брак с Джинной отнял у нее веру отцов и материальное благосостояние в будущем, но, уже понимая характер мужа, его стремление доказать во всем свое превосходство, Ратти была спокойна: он сделает все, чтобы ей жилось не хуже, чем в Петит-холле.

Став миссис Джинна и приобретя достаточно высокое общественное положение, Ратти порой эпатировала важных британских чиновников, с которыми ей приходилось общаться на приемах. Делала ли она это, совершая некую «акцию протеста», или просто из легкомысленной дерзости, свойственной юности и ее игривому нраву, сказать трудно. Характерна беседа, которая в 1921 г. состоялась между ней и тогдашним вице-королем Индии Лордом Редингом.

Вице-король в светском разговоре с красивой женщиной сказал: «Ах, как бы я хотел оказаться сейчас в Германии! Но я не могу этого сделать». «Но почему Вы не можете туда просто поехать, Ваше Превосходительство?» – спросила Ратти. «Немцы не любят нас, британцев, поэтому я и не могу туда отправиться», – ответил вице-король. «Так как же Вы тогда попали в Индию!?» – воскликнула Ратти, и Рединг немедленно сменил тему разговора⁴.

Лорду Редингу вообще не следовало связываться с Ратти. Когда в 1925 г. этот вице-король, относившийся к Джинне с большим уважением, рассматривал вопрос о присвоении ему рыцарства, он зачем-то поделился этим с Ратти и спросил ее, будет ли ей приятно в дальнейшем именоваться Леди Джинна. Та же ответила в свойственной ей дерзкой манере, что, если ее супруг примет все эти регалии, она с ним разойдется⁵.

Как пишет Уолперт, «последний вариант она, вероятно, в то время уже обдумывала. Через несколько лет она так и сделала, хотя Джинна не был произведен в рыцари ...Он никогда не переставал ее любить – он даже надеялся вернуть очарование первых лет совместной жизни и на весну и лето 1926 г. взял ее в зарубежную поездку, маршрут которой включал Лондон, Париж, Канаду и Соединенные Штаты»⁶. Но вместо того, чтобы превратиться во второй медовый месяц, это путешествие стало их последней совместной поездкой.

Как известно, Джинна отказался от предложенного ему вице-королем рыцарства, заявив: «Я предпочитаю остаться просто мистером Джинной. Я жил просто как мистер Джинна и надеюсь умереть просто мистером Джинной»⁷. В своем поступке он был далеко не одинок: в XX в. более 200 выдаю-

щихся британцев отказались от рыцарства и титулов. Среди них писатели Олдос Хаксли, Ивлин Во, Грэм Грин, режиссер Альфред Хичкок, скульптор Генри Мур, художник Люсьен Фрейд и многие другие.

Здесь следует добавить, что неприятие Джинной титулов и званий распространялось не только на колониальные британские награды. Когда высоко уважаемый им Алигархский университет решил присвоить ему почетную степень Доктора права, он отказался также и от нее, написав в письме вице-канцлеру университета Зияуддину Ахмаду:

«Я благодарен совету Алигархского Мусульманского университета за их решение присвоить мне почетную степень Доктора права. Хотя я высоко ценю дух, которым руководствовался совет, принимая это решение, я вынужден сказать, что я прожил жизнь просто как мистер Джинна и надеюсь умереть просто как мистер Джинна. Я противник всяких почетных титулов и чувствую себя гораздо лучше, если перед моим именем не стоит никаких званий»⁸.

Суть ответа британскому вице-королю и вице-канцлеру индийского университета одна и та же: «просто мистер Джинна» («*plain Mister Jinnah*») не нуждался в придуманных людьми почетных званиях и титулах, поскольку ощущал себя выше их, и это, конечно, было проявлением не скромности, а гордыни.

Но вернемся к общению Ратти с вице-королями Индии. В 1918 г. в Симле супруги Джинна были приглашены в летнюю резиденцию тогдашнего вице-короля лорда Челмсфорда. И здесь Ратти отличилась: вместо положенного по этикету реверанса она приветствовала вице-короля по-индийски, жестом «намасте», сложив ладони перед своим лицом. После обеда Челмсфорд позвал ее к себе и посоветовал не создавать проблем для карьеры ее мужа, а, «находясь в Риме, вести себя, как римляне», как гласит пословица *. Ратти бесстрашно воскликнула: «Но именно так я себя и веду, Ваше Превосходительство! В Индии я приветствую Вас, как индийцы»⁹.

* «When in Rome, do as the Romans do». Русские переводы и переложения этой пословицы искажают ее смысл: «В чужой монас тырь со своим уставом не ходят»; «С волками жить – по волчьи выть».

Возможно, этот колкий саркастический стиль общения с британцами Ратти заимствовала у мужа. Джинна был одним из редких индийских чиновников, администраторов и общественных деятелей, в которых не было ни капли сервильности по отношению как к британским хозяевам, так и к «местным» начальникам, которые были выше его по положению.

Его внутренняя свобода и отсутствие всякого подобострастия имели культурно-историческое объяснение. Джинна не принадлежал к той культурной традиции Северной Индии, которая сложилась вокруг императорского могольского двора в Дели и со временем частично перекочевала в Британскую Индию и туземные княжества.

Свойственные этой традиции преувеличенная вежливость, гиперболизированный язык, подчеркнуто этикетное поведение в повседневной жизни (например, долгие поклоны; приветствия-саламы с постоянным прикосновением руки ко лбу; церемониальные подарки от низших высшим) подчеркивали почтение подданных к власти – уже не к имперской, а к британскому Раджу. Даже Сэр Сайид Ахмад-хан (1817–1838), основатель движения мусульманского просветительства в Индии, происходивший из семьи, близкой Великим Моголам, затем с готовностью перешел на службу к британцам.

Джинна же родился далеко от могольского двора, в глубокой провинции, если считать столицей Дели, и не имел в своем роду никакого опыта придворно-этикетных форм общения и поведения. Более того, он легко пренебрегал этикетом, если ситуация угрожала его чувству собственного достоинства. Знаменитая история, с которой началась вражда Джинны с губернатором Бомбея, Лордом Уиллингтоном, возникла именно на этой почве.

На обед в резиденцию губернатора Ратти явилась в туалете с глубоким декольте, что не понравилось хозяйке дома. Госпожа губернаторша велела дворецкому принести шаль для госпожи Джинна, поскольку той может стать холодно. Джинна резко поднялся со своего места и заявил, что, если госпожа Джинна замерзнет, она скажет об этом и сама попросит принести ей шаль. После чего он взял жену под руку, и оба молча

покинули столовую¹⁰. В дальнейшем он отклонял все приглашения губернатора, и отношения между ними были испорчены окончательно.

Надо сказать, что манера Ратти одеваться вызывала раздражение не только у британцев, но и в самых разных слоях общества. Как-то она пришла излишне декольтированной на собрание Мусульманской Лиги, где председательствовал Джинна, а секретарем был Чагла.

«Зал был полон бородатых *моулави* и *маулан*, которые окликали меня и с возмущением спрашивали о Ратти, кто эта женщина. Они требовали, чтобы она немедленно покинула зал, поскольку ее одежды оскорбляют глаза мусульманина. Я посоветовал им просто закрыть глаза, так как эта дама – жена председателя, и я не могу потребовать, чтобы она ушла», – вспоминал Чагла¹¹.

Однако возвращаясь к конфликту с губернатором Бомбея, надо сказать, что, когда дело того стоило, Джинна позволял себе вступать в конфронтацию с теми, кто заведомо был сильнее его, с британцами. Тем не менее он знал, как обезопасить себя, оставаясь в границах дозволенного, не давая своим оппонентам привлечь его к ответственности на основании закона. Короче, он научился умело использовать британское законодательство против самих британцев.

Начавшийся за обеденным столом конфликт между Джинной и семьей губернатора окончился массовыми беспорядками. В ноябре 1918 г. подходил к концу срок пребывания Уиллингдонов в Бомбее. Небольшая группа горожан, близкая к губернатору, в основном бизнесмены-парсы, готовилась провести в городской ратуше торжественные проводы в связи с отбытием губернатора в метрополию. Когда Джинна узнал о готовящейся акции, он вместе с молодыми членами Мусульманской Лиги организовал массовое выступление против запланированной церемонии.

Накануне вечером на ступенях ратуши стали собираться сторонники Джинны, около 300 человек. Поскольку акция протеста была объявлена заранее, ратушу окружила полиция. До десяти часов утра, пока ратуша не открылась, полицейские

не пускали толпу внутрь. Джинна прибыл незадолго до открытия и занял свое место во главе толпы на парадной лестнице. Около полудня появилась Ратти с корзиной сэндвичей. Председательствовал на собрании знаменитый филантроп Джамсетджи Джиджибой, но как только он начал произносить свою речь, Джинна и его сторонники вскочили на ноги с криками: «Позор! Позор!»¹².

Пронзительные крики протеста не смолкали с полчаса и полностью заглушили приветственный адрес сэра Джиджибоя. Чествование губернатора провалилось. Комиссар полиции приказал публичке очистить зал, и Джинну вместе со всеми его сподвижниками довольно грубо вытолкали на улицу. «Это был первый и последний случай, когда Джинна получил взбучку и синяки от человека в мундире»¹³, – писал Уолперт.

Первая настоящая акция протеста против британцев так раззадорила Ратти, что она взобралась на балкон, нависавший над библиотекой ратуши, и оттуда кричала во все горло: «Мы не рабы!». Полиция решила утихомирить ее энтузиазм и сделала это с помощью водяного шланга. Но и это не помогло: мокрая насквозь, закутанная в тряпки, в которые превратилась ее дорогая одежда, она отказывалась покидать свое укрытие на балконе и продолжала громкими криками воодушевлять толпу, пока участники митинга в ратуше не разошлись¹⁴.

Однако сюжет с проводами губернатора на этом не закончился. Для человека, всегда настаивавшего на соблюдении закона и порядка, в этой истории Джинна повел себя неприлично, как считают многие, под влиянием энтузиазма жены. «Холодный логик больше не был холодным, когда рядом с ним оказалась молодая жена. Он повел шумную толпу на Аполло-стрит, где один раз в жизни превратился в разглагольствующего уличного оратора», – иронизировал Азиз Бег¹⁵.

Джинна вещал: «Господа, вы являетесь гражданами Бомбея. Ваш сегодняшний триумф дал ясно понять, что даже объединенные силы бюрократии и полиции не могут вас запугать. 11 декабря – незабываемый день в истории Бомбея. Расходитесь и отпразднуйте день, ставший для вас триумфом демократии»¹⁶.

Думается, что Джинна прекрасно понимал сам, что скандал в ратуше и отмена прощения с губернатором вряд ли тянут на триумф демократии, однако толпе это определение понравилось. В тот же вечер в городе прошла манифестация, в процессе которой состоялся сбор пожертвований, и было собрано не меньше 65 тыс. рупий на строительство «Народного мемориального дома Джинны»¹⁷. Здание было построено быстро и простояло долго, вплоть до образования Пакистана, хотя мало кто из индийцев знал, в честь чего возведен этот «Народный дом»¹⁸.

Бурная активность Ратти во время инцидента в ратуше понравились далеко не всем сторонникам Джинны, которому даже пришлось давать объяснения, почему он не оставил жену дома, как положено у порядочных мусульман. Однако других участников конфликта смелая молодая женщина привела в восторг, и некоторые биографы Джинны, конечно, совершенно безосновательно увидели в ней его «товарища по оружию».

«Пока Раттенбаи была жива, – писал один из первых биографов Джинны, – она была опорой силы для Джинны, его соратницей. Она вела много политических битв рядом со своим мужем, в том числе в знаменитом инциденте в ратуше. Миссис Джинна доказала, что она была храброй женой отважного мужа»¹⁹.

Еще один громкий политический скандал, в котором Ратти приняла активное участие, касался высылки из Индии известного журналиста Б.Г. Хорнимена, редактора популярной газеты *Bombay Chronicle*. Хорнимен был автором статей, критикующих политику губернатора и рассказывающих об амритсарской бойне в Джаллианвала Багх^{**}. Власти сочли, что статьи нелояльны по отношению к империи и решили депортировать Хорнимена, заодно обвинив его в гомосексуализме, что вызвало широкий

* Изначально на здании была надпись: «Из чистой благодарности господину М.А. Джинне за его удивительную смелость и бесстрашное руководство народ Бомбея собрал 65 тысяч рупий и построил в его честь Народный дом Джинны». (Sharif al Mujahid. *Quaid-i-Azam Jinnah: Studies in Interpretation*. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1981. P. 48.)

** Амритсарская бойня – расстрел демонстрации мирных жителей в Джаллианвала Багх в Амритсаре (штат Пенджаб, Северная Индия) колониальными войсками Британской империи 13 апреля 1919 г.

протест, в основном в Бомбее. Среди выступавших с критикой решения правительства была и Ратти, которая, «выдвигая резолюцию против депортации Хорнимена, говорила уверенно и убедительно минут пять из боковой ложи»²⁰.

Конечно, в силу своего возраста Ратти не только не чувствовала опасности, но и рвалась в «горячие точки». Так, на сессии Конгресса в 1920 г. в Калькутте, где обсуждалась резолюция по движению несотрудничества, атмосфера накалилась до предела. Разногласия между участниками вылились в физическое насилие.

Дваркадас Канджи вспоминал: «Я сказал мисс Безант, что нам придется какое-то время переждать здесь, так как на улице идет схватка между участниками. Я почувствовал, что Ратти тянет меня за собой, говоря: “Давай, выведи меня скорее наружу!”. Я ответил: “Мы не можем сейчас выйти, там настоящая драка”. Она сказала: “Вот как раз это я и хочу увидеть, идем быстрее!”»²¹. К разочарованию Ратти, когда они с Анни Безант и Канджи выбрались из своего укрытия, драка закончилась.

Конечно, в никаких «политических битвах» Ратти не участвовала, но задиристость, насмешливость и дерзость во многом определяли ее характер, к чему надо добавить избалованность и неумение держать себя в руках. Непосредственность, с которой она себя вела на людях, во взрослой замужней женщине могла выглядеть как недостаток воспитания.

Так, например, в 1927 г. она сопровождала Джинну на заседание Законодательной ассамблеи в Симлу. Ежевечерне она вместе со своей собакой приезжала на центральную торговую улицу Мэлл-роуд. Там в английском магазине она покупала плитку дорогого шоколада и скармливала ее собаке. Оттуда она отправлялась на Нижний базар, где у уличного торговца брала порцию острого *чата*, завернутого в банановый лист, и с удовольствием его съедала. Знакомые, видевшие ее на базаре, спрашивали, зачем она это делает. «Я делаю это, чтобы подразнить людей, подобных вам»²².

Не говоря уже о дерзости ответа, светская дама могла заниматься подобными развлечениями только от чудовищного безделья. Вспомним замечание Бегум Джаханары Шахнаваз о том,

что под настроение Ратти любила шокировать людей, и многим это не нравилось.

Видимо, демонстрируя остроумие, Ратти разыгрывала и знакомых, и посторонних, часто не думая о последствиях этих розыгрышей. Так, в 1925 г., собираясь посетить Кашмир и отвечая на вопрос туристической анкеты о цели поездки, она ответила: «Распространение крамолы». Неизвестно, как эту анкету пропустили чиновники, но спустя годы Махараджа Кашмира, Хари Сингх, напомнил Джинне об этой истории и полюбопытствовал, какой-то-кой крамольной деятельностью собиралась заниматься его жена, на что Джинна сначала удивленно нахмурился, а затем рассмеялся²³.

Безусловно, многие огрехи, которые Ратти допускала в начале их брака, объяснимы ее возрастом и «золотой клеткой», в которой она выросла, не представляя, что происходит за пределами Малабарского Холма. Так, судья Чагла рассказывает историю, больше похожую на анекдот, как Ратти на роскошном лимузине прибыла к все той же бомбейской ратуше, где в то время шли выборы, в которых участвовал Джинна.

«Джей (так она называла мужа по первой букве фамилии), угадай, что я тебе привезла на ланч. – “Откуда мне знать”, – отвечал Джинна. – Я привезла прекрасные сэндвичи с ветчиной! – Вздрогнув, Джинна воскликнул: “Боже, что ты наделала! Ты хочешь, чтобы я проиграл выборы? Ты понимаешь, что я представляю отдельный мусульманский электорат, и, если мои избиратели узнают, что я собираюсь завтракать ветчиной, у меня не останется ни одного шанса быть выбранным!”»²⁴.

Миссис Джинна со слезами на глазах подхватила свою корзину, сбегала вниз по лестнице, села в машину и умчалась. «Ну, а теперь пойдем и поедим где-нибудь, – сказал мне Джинна. Мы решили пойти в “Корнаглию”, хороший бомбейский ресторан недалеко от ратуши. Мы сели за столик, и он спросил, что я буду есть. Я ответил, что у них подают отличные свиные сосиски. Тогда Джинна заказал два кофе, тарелку с булочками и тарелку со свиными сосисками»²⁵.

Если этот гастрономический сюжет с ветчиной и сосисками не был придуман Чаглой, чтобы лишний раз выставить

Джинну в невыгодном свете, тогда получается, что настоящая жертва здесь – Ратти: супруг публично отчитал ее за «не те» сэн-двичи, сознательно вызвав в ней чувство вины («слезы на глазах»), и тут же спокойно отправился есть запрещенную исламом свинину. Кстати, судья Чагла тоже был мусульманином, и пищевые запреты (*харам*) касались его так же, как и Джинны.

Джинна не допускал, чтобы религиозные запреты влияли на его вкусы в еде или напитках, и привычный стакан виски на его столе не шокировал даже благочестивую Фатиму. Он не перестал быть сторонником светской реформы и был готов сотрудничать с индусами, парсами и всеми другими индийцами. В 1925 г. он отчитал молодого раджу Махмудабада, который «гордо считал себя прежде всего мусульманином». Джинна, как всегда, покачивая пальцем, заметил: «Нет, мой мальчик, ты прежде всего индеец, а потом мусульманин»²⁶. Но при этом Джинна всегда помнил о политической значимости своей принадлежности к исламу и избегал недооценки этого факта.

При всей своей неприязни к Джинне судья Чагла считал его очень хорошим мужем: «К сожалению, брак Джинны не был счастливым, как и можно было ожидать. Ратти вышла за него, восхищенная блеском его личности, но ничего общего между ними не было. По темпераменту они находились на разных полюсах. Джинна каждый день корпел над своими судебными делами, а то свободное время, что у него оставалось, отдавал политике. Ратти как молодая женщина хотела жить и наслаждаться радостями юности. Постепенно они отдалялись друг от друга. Но из чувства справедливости я обязан сказать, что ни один муж не был столь щедр, терпелив и великодушен со своей женой, как Джинна. Хотя на протяжении их супружеской жизни она устраивала ему немало провокаций... Джинна относился к ней замечательно и без звука оплачивал счета, которые позволяли ей вести роскошную жизнь. Как-то она оказалась в госпитале в Париже, и Джинна обеспечил ее наилучшим врачебным уходом и комфортом, сколько бы это ни стоило»²⁷.

Первое время после свадьбы Ратти, должно быть, чувствовала себя очень одинокой. Приобретая «мужа своей мечты»,

она разом лишилась всего остального, что составляло ее жизнь: родителей, братьев, родственников, свойственников, знакомых, общины, наконец. Будучи всеобщей любимицей, «Голубым Цветком» Бомбея, она, из-за поднятой против нее и Джинны кампании была вынуждена покинуть все женские клубы, поскольку там заправляли дамы из общины парсов. Нового круга друзей у нее еще не было, а друзья и знакомые Джинны не соответствовали ей ни по возрасту, ни по интересам.

Чагла писал: «Я помню, как она входила в контору, когда у нас шло заседание, одетая легкомысленно даже по нынешним меркам, усаживалась прямо на стол Джинны, свесив ноги, и ждала, пока заседание не закончится и они смогут уйти домой вместе. Джинна никогда не делал ей замечаний и продолжал работать, как будто она и не сидела на столе. Можно вообразить, какое терпение требовалось от человека с характером Джинны!»²⁸.

Однако вскоре Ратти нашла себе занятие: она стала приводить в порядок и переделывать Саут-Корт, а поскольку она, безусловно, обладала художественным вкусом, ее декоративно-интерьерные изыски имели весьма интересные результаты. Ратти не нравился Саут-Корт, он казался ей печальным, пронизанным тоской. «Дом, где веселье в забросе» («Fun forsaken house») – называла она дом в письмах Падмадже²⁹. До женитьбы Джинна жил в Саут-Корте вместе с кончившей школу Фатимой, но в один прекрасный день он заявил, что женится, и предложил ей собрать вещи и переехать к другой сестре насовсем.

Руководил всем происходящим в доме Висан – домоправитель, лакей, бухгалтер в одном лице, который жил при Джинне с его первых дней в Бомбее и точно знал, как услужить своему хозяину. Джинна только «инструктировал Висана, сколько человек придет к обеду или ужину и какого числа и в каком часу, и тот приготавливал все необходимое в наилучшем виде»³⁰. Кроме того, Висан обладал бесценным качеством: он знал местонахождение каждой книги или папки, которых в доме было множество.

Но Джинна был добросовестным мужем, педантично решившим передать жене все управление домом и намере-

вавшимися не проверять ее траты по каждому поводу и не требовать от нее ответа за любое новшество, как бы ни смущала его свойственная ей экстравагантность в отношении к вещам и деньгам. Он решил дать ей полную свободу и не пенять ей, когда она бездумно тратила шокирующие его суммы на какие-то антикварные раритеты, как будто это была коробка конфет.

Он изменил свои холостяцкие привычки. Пока Фатима жила у него в доме, он считал обязательным только их совместный завтрак и поездку к их замужней сестре Ширин, откуда вечером он забирал Фатиму домой. Позднее он сажался работать или уезжал навестить кого-то из приятелей. Теперь же он стал приходить домой рано, чтобы провести время вдвоем с Ратти. Однако она скучала по театрам, по клубам и не понимала, как можно жить, не имея планов развлечения на вечер.

Первой серьезной переделкой, которую она сделала в доме, было превращение захламленного и заваленного газетами кабинета в настоящую библиотеку с редкими иллюстрированными книгами и первыми изданиями, которыми мог бы гордиться любой джентльмен-книголюб. Джинна оплатил расходы на библиотеку, не сказав ни слова, но новые ценные книги на новых дубовых полках оглядел мимоходом. Видимо, чтение газет не оставляло ему свободного времени.

Гости бывали в Саут-Корте крайне редко, не считая Фатимы, которая по традиции навещала брата каждое воскресенье к неудовольствию Ратти. Хотя в силу своего общественного положения Джинне вместе с женой приходилось посещать рауты, садовые приемы и балы с сотнями гостей, живыми оркестрами и экзотическими закусками, он совершенно не считал себя обязанным устраивать ответное развлечение в благодарность за оказанное гостеприимство.

Такие «затраты на приемы» он причислял к бессмысленным. Естественно, если посетитель случайно заходил к нему в часы чаепития, то ему предлагали чашку чая. Единственный вид развлечения, который Джинна время от времени устраивал у себя дома, являлся мальчишник, когда несколько близких ему друзей всю ночь пили виски и говорили о политике.

Джинна бывал частым гостем во дворцах своих богатых клиентов и знакомых миллионеров, но ему не пришло бы в голову принимать их у себя с ответным визитом. Он не испытывал ни зависти, ни благоговения перед чужим богатством. Обычно он приезжал в эти сказочные обители по морю, на катере, быстро неся по галереям, где висели бесценные сокровища, собранные хозяином дома, «пока не находил где-нибудь в углу диван, куда он мог заманить хозяина и до поздней ночи говорить о политике – не столько с ним, сколько ему»³¹.

Сохранилось занятное описание визита в Саут-Корт некой Сайиды Бадруннисы Бегум, жены известного делийского юриста, которую вместе с ее сестрой пригласил посмотреть дом друг Джинны, Умар Собхани. Бегум вспоминала, как долго они ждали в полутемной зале, сплошь заставленной старинной резной мебелью, мраморными статуями и скульптурами, античными фигурками животных из бронзы, меди и других металлов. Кругом на стенах вплотную и до потолка висели картины, ковры и гобелены. В зале стоял странный аромат (вероятно, «музейный» запах высохшей масляной краски. – А.С.), создававший, по словам мемуаристки, «волшебную атмосферу». Весь дом напоминал гостю «дом чудес» (*‘aja’ib-ghar*, буквальный перевод слова «музей» с урду).

Внезапно в залу вошла огромная собака свирепого вида, а за ней – большая черная ангорская кошка. Все это было так необычно, что Бегум Сайида испугалась и задрожала от страха. Но тут в залу вплыла Ратти, которая потрясла гостью своей красотой. «Она ошеломляла своей красотой и выглядела, как волшебная дева, спустившаяся с небес. Мы познакомились, она сердечно мне улыбнулась. Говорила она со мной на изысканном английском языке»³². Из залы все перешли в спальню Ратти, где она продемонстрировала гостям часть своего умопомрачительного гардероба, а оттуда в библиотеку, которую Джинна использовал как кабинет.

В это время из конторы вернулся Джинна и потряс гостей принятыми у них в доме изысканными порядками: он постучал в дверь библиотеки, спросив разрешения войти. После фор-

мального знакомства он вышел, оставив библиотеку в распоряжении Ратти и ее гостей. Но Ратти сказала, что библиотека – владения мужа, и увела дам в «свою» часть дома, на широкую веранду с видом на море. Там гостей угощали шербетом и развлекали приятной беседой. Посещение Саут-Корта и принятый в доме «политес» произвели такое впечатление на Бадруннису Бегум, что она описала дом и его хозяев в статье на языке урду³³.

В мае 1919 г. супруги Джинна прибыли в Лондон, где сняли квартиру в прекрасном аристократическом районе близ Риджентс-парка. Ратти была уже на последнем триместре беременности, но пара весело проводила время, часто принимая у себя гостей и выезжая на пикники в пригороды. Как-то вечером в середине августа Джинна повел Ратти в театр, но им пришлось поспешно вернуться, у Ратти начались роды. Их единственный ребенок, девочка, получившая имя Дина в честь бабушки с материнской стороны (Динбаи), родилась в ночь с 14 на 15 августа. Уолперт отмечает, что по странному совпадению именно в этот день и час через 28 лет появилось на свет другое дитя Джинны – Пакистан.

Редкая ситуация для южноазиатской семьи: мало того, что девочка родилась за границей, не у себя дома, а на съемной квартире, вокруг нее не было никаких любящих родственников: бабушек, тетюшек, кузин и друзей дома – всех, кто призван воспитывать ребенка и морально поддерживать мать. Странно вела себя и сама Ратти: она как будто не испытывала привязанности к новорожденной, перепоручив уход за ней десанту профессиональных кормилиц и нянь, недостатка которых в Лондоне не было.

Возможно, здесь сказывалась послеродовая депрессия, которую в те годы не считали болезнью и не лечили, а, вероятно, Ратти убеждала себя, что ребенок находится в лучших, более опытных руках, чем ее собственные. Кроме того, Ратти и сама росла так – с избытком ухаживавшей за ней прислуги, но с дефицитом родительской любви, и, вероятно, не видела в этом трагедии. Во всяком случае, тем, кто встречал Ратти сразу после родов, она не казалась счастливой. Сароджини писала

дочери: «Ратти выглядит, как хрупкий мотылек с черно-золотыми крылышками. Она не кажется счастливой, но красива печальной красотой»³⁴. Анни Безант, знавшая Ратти намного хуже, чем Сароджини, тем не менее заметила в разговоре с Канджи: «Разве вы не видите, что у нее глаза несчастные? Посмотрите на нее!»³⁵.

Что касается самоощущения Ратти, в своих письмах Падмадже и Лейламани она неоднократно подчеркивает, что ее тревожит «странное чувство беспокойства, как будто ее покидают молодость и свобода»³⁶. При этом ей было всего девятнадцать лет. Семейная жизнь мистера и миссис Джинна постепенно превращалась в рутину, которая заменяла собой молодость и свободу. Он уезжал в контору рано утром, когда она еще спала, а вернувшись вечером и наспех поужинав, продолжал работать. Ратти была предоставлена сама себе, и кроме чтения у нее не было иных занятий.

Конечно, подавляющее большинство женщин на ее месте занимались бы ребенком и не скучали бы ни минуты, но Ратти от этого самоустранилась. Вместо игр с ребенком она взялась контролировать поваров и кухню, чтобы заказывать обеды для Джинны по специальному меню. Но Джинну волновало только, чтобы завтрак был подан вовремя. Гастрономические изыски, которыми потчевали гостей в Петит-холле, его оставляли равнодушным: как известно, он предпочитал всем деликатесам обычное карри с рисом.

У Ратти, конечно, оставалось любимое занятие всякой женщины – шоппинг, тем более что муж не ограничивал ее в расходах. Но и в этом она не чувствовала прежнего энтузиазма. Единственное, чего ей хотелось, поехать с Джинной или на публичный митинг, или на закрытый прием в его честь, не беспокоясь о ребенке.

До рождения дочери самым большим развлечением для Ратти было сопровождать Джинну в его деловых поездках на партийные конференции и конгрессы. Обычно Джинна сидел на видном месте, где-нибудь на возвышении, а Ратти пристраивалась за его спиной. При этом у нее не было собственных политических амбиций, и когда сотрудник Джинны, Деван Чаман

Лал, предложил ей стать вице-президентом на Всеиндийском конгрессе профсоюзов в 1920 г., она категорически отказалась. Но политическая репутация мужа была для нее священна, и если ей казалось, что этой репутации пытаются нанести урон, она приходила в ярость и была готова к ответным действиям.

Так, после громких и скандальных сессий Конгресса и Мусульманской Лиги в Нагпуре в 1920 г., где народным героем стал Махатма Ганди, а Джинну, оказавшегося в абсолютном меньшинстве, согнали с трибуны топаньем, шиканьем, визгом и криками «политический самозванец», Ратти посчитала необходимым вступить за своего мужа, что само по себе было трогательно, но наивно.

На обратном пути из Нагпура Джинна и Ратти попали в неприятную ситуацию, спровоцированную Мауланой Шаукатом Али (одним из двух братьев-лидеров Халифатского движения, находившегося в оппозиции к Джинне). Шаукат Али ехал из Нагпура тем же поездом, что и Джинна. На станции Акола он собрал несколько десятков своих приспешников и устроил нечто вроде антимитинга, участники которого выкрикивали оскорбительные лозунги и просто ругательства в адрес Джинны.

Джинна, как обычно, проявил полное хладнокровие, не обращая внимания на бесновавшихся под его окном халифатистов, но не в характере Ратти было молча наблюдать, как наемные хулиганы тревожат покой ее бесценного мужа. Сразу по возвращении домой она обратилась к прессе. Ее письмо, подписанное инициалом R, было напечатано в газете *The Times of India* под заголовком «Несотрудничество на практике».

В письме говорилось: «На станции Акола мистер Шаукат Али прочел короткую лекцию о несотрудничестве. В конце лекции он подговорил собравшихся по его сигналу бездельников улюлюкать, свистеть и кричать “Позор!” в окно мистера Джинны, сидевшего в купе первого класса. Сэр, поведение такого рода – есть отрицание несотрудничества, смыслом которого является ненасилие»³⁷.

Реакция Джинны на публикацию письма Ратти неизвестна, но вряд ли ему понравилось вмешательство жены в его политические дела. Через некоторое время при схожих обстоятель-

ствах Ратти обратилась к редактору *Bombay Chronicle*, где была напечатана статья Джинны, объясняющая его выход из партии Индийский Национальный Конгресс. Ожидалось, что вслед этой статье будут напечатаны комментарии халифатиста Мау-ланы Мохаммеда Али Джоухара.

Своим обращением к редактору Ратти, возможно, хотела просто оттянуть время публикации, которая будет неприятна ее мужу. Однако редактор газеты сообщил Джинне о просьбе его жены, что привело того в сильное раздражение: «Это не имеет никакого отношения к Ратти, и ей нечего было вмешиваться. Скажите Маулане Мохаммеду Али пусть себе пишет. Я его не боюсь», – ответил Джинна³⁸.

В первые месяцы замужества Ратти была увлечена, как и всякая молодая жена, обустройством новой жизни: перedelкой и украшением Саут-Корта, сопровождением Джинны на конференции, совместными выходами в свет и пр. Но постепенно у нее стали формироваться собственные интересы, в которых Джинне не было места. Первое – это страсть к домашним животным, кошкам и собакам, которых со временем у нее развелось, как в настоящем питомнике. С годами привязанность Ратти к ее питомцам приобрела болезненный характер, и она легко могла отменить важную встречу, если одна из ее любимых кошек плохо себя чувствовала.

Вместе со своим верным Канджи Дваркадасом Ратти пыталась улучшить содержание животных в городских приютах Бомбея. Канджи писал: «Мы с госпожой Джинна несколько месяцев изучали ситуацию в Пинджраполе (приюте для старых животных) в Бомбее. Неделями мы проверяли состояние всех страдающих животных, которым не предоставляется никакого ухода. Через месяц я написал письмо в администрацию, в котором мы сделали конструктивные предложения, как улучшить пребывание животных в Пинджраполе. Многие известные люди поддерживали нас, в основном миссис Джинну, в ее желании срочно прекратить мучения беспомощных животных и пробудить общественное мнение относительно этой проблемы»³⁹.

Другим, возможно более сильным, увлечением для Ратти стала теософия. Этому, бесспорно, способствовали ее личные

контакты с Анни Безант, которая одно время была президентом Теософского общества, знакомство с Е. Блаватской и Джидду Кришнамурти, которого теософы готовили «на должность» Мирового Учителя. Но и в этом случае ее постоянным спутником на теософской стезе был все тот же Канджи Дваркадас.

Попытки заинтересовать теософией мужа потерпели полный крах: рационалист и скептик, Джинна во время спиритических сеансов откровенно скучал, но в конце концов он смирился с тем, что это времяпрепровождение хотя бы развлекает Ратти. Развлечение, однако, оказалось небезобидным. Увлечение спиритизмом и другими мистическими практиками негативно повлияло на и без того хрупкую психику Ратти, что у нее выразилось в тяжелой бессоннице, которая, в свою очередь, влекла за собой употребление снотворных препаратов.

Позднее, когда Дина подросла, Джинна категорически пресек попытку Ратти отдать ее в школу при штаб-квартире Теософского общества в Мадрасе, понимая, что это еще больше отдалит дочь от ее общины и веры.

В сентябре 1922 г. Ратти вместе с дочерью, няней, горничной и любимыми кошками и собаками уехала в Лондон. В прощальном письме своему другу Канджи она сделала приписку: «И еще одно – навести Джинну и сообщить, как он себя чувствует, – у него привычка регулярно перерабатывать, а сейчас, когда меня нет рядом и некому ему докучать и поддразнивать, он будет себя вести еще хуже, чем обычно»⁴⁰.

Как комментирует эту приписку Уолперт, «восприятие Ратти его “привычки регулярно перерабатывать”, хотя и изложенное языком заботливой супруги, обнажило их растущее отчуждение. Так же, как и ее застенчивое упоминание о своих претензиях на его время – “докучать и поддразнивать”. В волосах Джинны появилась полоска седины – наглядное свидетельство того, насколько быстро он стареет. Он больше не щеголял красивыми усами времен Лакхнау, и на фотографиях этого времени он уже не улыбается»⁴¹.

Пройдет еще некоторое время, и внешность Джинны существенно изменится. Шелковые костюмы с улицы Сэвилл-Роу заменит длинное черное пенджабское пальто-шервани,

в котором Каид-и-Азам впервые появился на публике в Лакхнау в 1937 г. Впрочем, с его стройной изящной фигурой он и в *шервани* выглядел нарядно.

Дело, как сказано, происходило в Лакхнау; после обильного завтрака с Раджей Махмудабада Джинна собирался выйти на улицу, как вдруг его взгляд упал на черную каракулевую шапку (*самур топи*), которую обычно носил один из провинциальных лидеров Лиги, наваб Мохаммед Исмаил Хан. Джинна попросил разрешения примерить шапку, и когда он ее надел, «гештальт был закрыт», настолько завершенным выглядел внешний мусульманский образ Джинны с его седыми висками, стройной шеей, прямыми плечами и новым головным убором, который все станут называть «шапка Джинны».

Некогда в 1915 г. Джинна пробовал носить классическую красную феску, но Ататюрк запретил в Турции этот головной убор. «Шапка Джинны» была не так агрессивна, как феска, но явно символизировала принадлежность владельца к исламу и по форме, и по материалу (серый или черный мягкий каракуль). Вскоре она стала таким же идеологическим знаком, как хлопчатобумажная «шапка Ганди», которую носили члены Конгресса.

Оба супруга менялись, как будто режиссер-время выделил им новые роли. Ему нравилось играть стареющего викторианского джентльмена со старомодными причудами и покровительственными обращениями вроде «нет, мой мальчик» или «да, юная леди». Она, наоборот, получала удовольствие от модного образа шикарной, эксцентричной, сильно накрашенной дамы, с короткой стрижкой и сигаретой в длинном мундштуке. Семья Джинны и Ратти вступала в новую фазу, где переплетались сладость зрелого комфорта и горчащий привкус разочарования.

¹ Collins Larry and Lapierre Dominique. *Freedom at Midnight*. New York: Simon & Schuster, 1975. P. 232.

² Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017. P. 124.

³ Ibid. P. 131.

⁴ Цит. по: Ahmed S. Akbar. *Jinnah, Pakistan, and Islamic Identity: The Search for Saladin*. London: Routledge, 1997. P. 188.

⁵ Ravooof A. *Meet Mr Jinnah*. Lahore: Sh. Muhammad Ashraf, 1961. P. 229–230.

- ⁶ Wolpert Stanley. *Jinnah of Pakistan*. New Delhi, OUP, 2005. P. 109.
- ⁷ *Ibid.*, P.77
- ⁸ Hasan Syed Shamsul. *Plain Mr Jinnah*. Karachi: Royal Book Co., 1976. P.77.
- ⁹ *Ibid.* P. 232–232.
- ¹⁰ Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*, New York: The Macmillan Co., 1955. P. 75.
- ¹¹ Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. Mumbai: Bharatiya Vidya Bhavan, 2012. P. 121.
- ¹² Saiyid M.H. *Mohammad Ali Jinnah*. Lahore: S.M. Ashraf, 1955. P. 211.
- ¹³ Wolpert Stanley. *Op. cit.* P. 58.
- ¹⁴ Haider K.R. *Rattie Jinnah*. Karachi: OUP, 2010. P. 70.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 78.
- ¹⁶ Saiyid M.H. *Op. cit.* P. 212.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 213.
- ¹⁸ Wolpert Stanley. *Op. cit.* P. 77.
- ¹⁹ Ravooof A. *Op. cit.* P. 23.
- ²⁰ Dwarkadas, Kanji. *Ruttie Jinnah; the story of a great friendship*. Bombay, 1963. P. 14–15.
- ²¹ *Ibid.* P. 17–18.
- ²² Цит. по: Haider K.R. *Op. cit.* P. 114.
- ²³ Beg Aziz. *Jinnah and His Times. A Biography*. Islamabad: Babur & Amer Publications, 1986. P. 308.
- ²⁴ Chagla M.C. *Op. cit.* P. 119.
- ²⁵ *Ibid.* P. 118.
- ²⁶ *Ibid.* P. 119.
- ²⁷ *Ibid.* P. 121.
- ²⁸ *Ibid.* P. 120.
- ²⁹ Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017. P. 106.
- ³⁰ Allana G. *Quaid-i-Azam Jinnah: The Story of a Nation*. Karachi: Ferozsons Ltd., 1967. P. 143.
- ³¹ Bolitho Hector. *Op. cit.* P. 112.
- ³² Цит. по: Haider K.R. *Op. cit.* P. 62.
- ³³ Haider K.R. Ратти Джинна: Кайд-и-Азам ки Рафика-и-Хайат (Ратти Джинна: подруга жизни Великого Вождя). Karachi: Welcome Book Port, 1995. P. 97–103.
- ³⁴ Reddy Sheela. *Op. cit.* P. 190.
- ³⁵ Dwarkadas Kanji. *Op. cit.* P. 41.
- ³⁶ Reddy Sheela. *Op. cit.* P. 195.
- ³⁷ Syed Sharifuddin Pirzada. *Some Aspects of Quaid-i-Azam's Life*. Islamabad: National Commission on Historical and Cultural Research, 1978. P. 49–50.
- ³⁸ Beg Aziz. *Op. cit.* P. 308.
- ³⁹ Dwarkadas Kanji. *Op. cit.* P. 47–49.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 26.
- ⁴¹ Wolpert Stanley. *Op. cit.* P. 98.

Глава VI

ЖЕНА: УХОД

В первые три года после женитьбы Джинна принял три важных для своей политической карьеры решения: он ушел в отставку из Имперского Законодательного совета, из Лиги Гомруля и Индийского Национального конгресса. Таким образом, он покинул все общественные организации, кроме Мусульманской Лиги. После этого он оказался как бы отодвинутым на политическую периферию другими лидерами, в первую очередь Ганди. Пройдет немало лет, прежде чем история докажет, что всегдашнее упрямство и несговорчивость Джинны были не чертами дурного характера, как полагало большинство его коллег, а свойствами большого стратега, сумевшего выждать время, пока оно не стало ему благоприятствовать.

После разгрома в Нагпуре, который учинили противники Джинны, он временно ушел в тень, оставив политическую арену и с головой погрузившись в юриспруденцию. Изменения в политической карьере совпали для него и с меняющимися личными обстоятельствами – их отношения с Ратти преодолевали серьезную трансформацию. В их жизни стало значительно меньше веселья и блеска. Джинна начал быстрее стареть, а Ратти – чаще болеть. «Повеса и щеголь сорока двух лет быстро, чуть ли не в одночасье, превратился в пожилого деятеля, осторожного сорокапятилетнего барристера, у которого почти не было времени на прихоти и капризы молодой жены и маленькой дочки»¹, – писал Уолперт.

Положение Ратти было более драматичным. Когда-то она была избалованным и всеми обожаемым ребенком, желанной гостьей в любой компании, «Голубым Цветком» Бом-

бея, а теперь все двери домов парсов перед ней закрылись. Оказавшись в положении парии, лишенная своего социального круга и этнорелигиозной общины, она удвоила притяжения на время и внимание супруга. Она вынужденно зависела от его поддержки и опоры в гораздо большей степени, чем большинство индийских женщин ее класса, сохранивших тесные связи с родителями, братьями и сестрами, кузенами и кузинами и другими родственниками, которых так много в больших южноазиатских семьях. После замужества и рождения ребенка к этой «исконной» родне обычно добавляются многочисленные свойственники со стороны мужа. Словом, что-то, а одиночество средней замужней индийской женщине не грозит, и Ратти не могла не ощущать ненормальность своего положения.

Однако самым большим разочарованием, которое ждало Ратти в браке с Джинной, оказалось отсутствие страсти в их интимной жизни. В этой деликатной сфере Шила Редди, на которую я ссылаюсь, вероятно, основывается на личных письмах Ратти. Безусловно, личная жизнь Джинны до встречи с Ратти не была ураганом страстей: его первый брак был слишком коротким для приобретения существенных познаний в эротике; он подолгу жил один, как celibat; он был брезглив и порядочен и потому совершенно не склонен ни к случайным связям, ни к адюльтеру.

Во всяком случае, Ратти интуитивно поняла, что перед ней не страстный любовник из прочитанных ею романов, «который сумеет разжечь бурлящую страсть в каждой фибре ее бытия»², а человек, внешне избалованный и самоуверенный, но в душе закомплексованный, жаждущий обожания и восхищения, чтобы ощущать себя до конца полноценным.

Чем дальше, тем яснее становилась разница в их повседневных привычках и вкусах. Когда-то они сошлись на совместной любви к верховой езде. Со временем Джинна перенес свою любовь с лошадей на автомобили. При этом он не выносил прогулок ради гуляния, не видя в них никакого смысла, а Ратти обожала «слушать душу природы и пение птиц» и гулять часами. По вечерам его было невозможно уговорить выйти на улицу

«просто так», поглядеть на звезды, ибо в этом он также не видел ничего разумного. Она же могла до глубокой ночи любоваться звездами и огоньками светлячков.

Зато он не знал ничего лучшего, чем вечером за стаканом виски посидеть с парой старых приятелей и поговорить о том, что происходит в мире. Будучи человеком прямолинейным, он честно говорил ей о том, что ее любимые занятия его не привлекают. И лишь однажды он дал заманить себя в сад, где «романтически» посадил молодое деревце в память об их любви³.

В известной мере женское родственное окружение Ратти заменила семья Сароджини Найду – сама поэтесса и ее дочери Падмаджа и Лейламани, с которыми Ратти часто виделась и состояла в постоянной переписке. Найду, по рождению бенгальская брахманка, принадлежала к первому поколению индийских женщин, которые сознательно перешли на английский язык как на родной, создавая в социуме космополитическую атмосферу, где важно не то, что ты индуист, джайн, мусульманин или буддист, а то, что ты индеец.

Сароджини, за свой поэтический дар получившая прозвище «Соловей Индии», была не менее известна как участница движения за независимость, первая женщина-президент Индийского Национального Конгресса и первая женщина-губернатор Объединённых провинций. Найду родилась в весьма интеллигентной семье. Ее отец, получивший степень доктора наук в Эдинбургском университете, поселился в Хайдарабаде, где основал колледж и управлял им.

Он хотел, чтобы Сароджини стала учёным, но она интересовалась только поэзией и рано начала писать стихи на английском языке (будущая поэтесса к тому же знала урду, телугу, бенгальский и персидский языки). В двенадцать лет Сароджини Найду поступила в Мадрасский университет и, закончив его, в 1895 г. отправилась в Англию для завершения образования, где училась в Королевском колледже Лондона, а потом в Кембридже.

По призыву Махатмы Ганди Сароджини приняла активное участие в кампании гражданского неповиновения, в национально-освободительном движении Индии, подвергалась аре-

стам. В 1925–1926 гг. она была председателем Индийского Национального Конгресса.

Сароджини написала более 150 лирических стихотворений, которые в дальнейшем были включены в сборники «Золотой порог» («*The Golden Threshold*», 1905), «Птица времени» («*The Bird of Time*»), «Сломанное крыло» («*The Broken Wing*», 1917). Позднее все они были объединены в собрание ее сочинений «Царственная флейта»⁴. В своих стихах Найду создала опозитизированные картины Индии, в том числе сельской жизни в родном Декане. В её поэзии сочетаются черты раннего индийского романтизма и тенденции европейского романтического стиля. Её стихи переводились на индийские и европейские языки, в том числе и на русский.

Сароджини состояла в браке одновременно межкастовым и межэтническим – ее супруг военный врач д-р. Найду был этническим андхра^{*} (она была бенгалкой) и невысокой касты «мадраси» (она была брахманкой). Однако либеральные родители пары отнеслись к их будущему браку без предубеждения. Семейный дом семьи Найду находился в Хайдарабаде, где работал отец и жили младшие дети. Но Сароджини постоянно разъезжала по стране по делам Конгресса и других общественных организаций. Часто бывая в Бомбее, она останавливалась в отеле «Тадж-Махал», где занимала постоянные апартаменты.

Между Сароджини и Ратти было двадцать лет разницы, но Ратти привязалась к поэтессе больше, чем к родной матери. Сароджини, в свою очередь, относилась к Ратти очень тепло, возможно отчасти перенося на нее свою привязанность к Джинне, но у нее было пятеро собственных детей, множество дел и занятий – политических и поэтических. Всякий раз, когда Сароджини приезжала в Бомбей, Ратти ежедневно возникала на ее пороге около полудня, разодетая, как будто собиралась на прием, и проводила у нее почти весь день, вне зависимости от того, что у хозяйки были другие посетители или ей нужно

^{*} Андхра, телугу, один из народов Южной Индии. Язык телугу дравидийской семьи языков. Этногенетической основой андхра послужили племена андхра, калинга и телугу.

было работать. К вечеру Ратти уезжала, чтобы забрать Джинну из конторы и отвезти его домой.

Конечно, Сароджини раздражали эти ежедневные посещения, о чем она писала дочерям и мужу. Но, будучи человеком добрым и проникательным, она понимала, что Ратти некуда пойти и нечем заняться. Кроме того, ей хотелось быть полезной Джинне, коль скоро его брак принимал такой странный характер. Хотя трудно представить, что молодая мать, красавица, модница, одним словом, «Цветок Бомбея» ощущала себя такой трагически одинокой, что была готова проводить целые дни в чужом гостиничном номере, куда ее даже и не приглашали.

Впрочем, не только дни, но и вечера Ратти были расчислены: она привозила Джинну из конторы, они выпивали по коктейлю перед обедом, затем обедали, если Джинна не говорил: «Начинай без меня, я сейчас подойду»⁵. После чего он под предлогом срочной работы удалялся в библиотеку, и она опять оставалась одна. Конечно, их постоянно приглашали на светские приемы и рауты, но Джинна, как известно, считал их пустой тратой времени, поэтому принимал приглашение крайне редко и разборчиво.

У себя дома в Петит-холле Ратти никогда не садилась за обеденный стол без того, чтобы ей не составляли компанию несколько гостей или родственников. Ей казалось ненормальным, что они постоянно обедают вдвоем с Джинной, а по воскресеньям к ним присоединяется мрачная Фатима. Сначала Джинна не хотел даже слышать о приглашении гостей на рядовой обед. Он давно отрезал все ненужные социальные связи, считая, что они расслабляют, поскольку отрывают от работы и этим мешают его политической карьере.

Все принятые в то время формы социальной жизни и развлечений казались ему скучными или бессмысленными: и обожаемые в Индии садовые приемы, и домашние рауты с живой музыкой и танцами. И надо сказать, что Джинна был не одинок. Так, муж Сароджини, серьезный профессионал, доктор Найду жаловался, что его семья тратит целые недели на бесконечную череду гостевых завтраков, ланчей, «чашек чая», обедов,

музыкальных вечеров, пикников, походов в театр, непрерывных визитов друг к другу, не говоря уже о свадьбах и других больших празднествах. Ему казалось, что в «модной» Индии нового века никто не ходит на работу и не ложится спать⁶.

Джинна явно разделял его точку зрения, но шел еще дальше. Несмотря на свое богатство и роскошный дом, он отказывался принимать гостей и устраивать светские рауты, не обращая внимания на то, что многие знакомые считали его скупер-деем и сквалыгой. Джинна и сам не навещал своих знакомых, даже если это нужно было по делу или если речь шла о посещении больного. Кому-то из сопровождающих его юнцов он объяснял, «что, если навещать всех, кто болеет, не хватит времени на свои важные дела»⁷.

Хасан Испахани был шокирован, когда впервые услышал такое объяснение из уст обожаемого им наставника, однако позднее приписал его потрясающей силе воли Каид-и-Азама: «Если он решил двигаться определенным курсом, никакие убеждения не отклонят его от этого курса. Если, например, он решил пойти куда-то и там не есть большей порции еды, чем он заранее установил для себя, никакие убеждения, никакой соблазн не изменят его намерение. Он так дисциплинировал себя, что может противостоять всем искушениям и просьбам без всякого напряжения и усилия»⁸.

Но уговоры Ратти и малозаметные перемены, которые она тонко, исподволь вносила в его жизнь, стали производить эффект. Джинна наконец уступил, конечно без малейшего отказа от своих принципов, и согласился на присутствие нескольких гостей во время обеда. Ратти проявила мудрость и не стала устраивать прием в классическом смысле этого слова, пышную феерию, как любила ее мать, с музыкой и танцами, к которым Джинна питал настоящее отвращение. Она не пыталась навязать ему в гости своих знакомых, понимая, что кроме Сароджини и ее дочерей никто из них не выдержит вечер разговоров о политике, а это был единственный вид беседы, который Джинна терпел за своим столом. Но она сумела собрать избранный круг гостей, которым будут рады в Саут-Корте. Это были или его молодые приятели-юристы, или случайно оказав-

шиеся в городе старые друзья вроде Мотилала Неру или Махараджи Махмудабада.

Представления Джинны о том, как надо принимать гостей, ограничивались приглашением нескольких приятелей, с которыми они просиживали до утра, обсуждая политику под крепкие напитки, легкую закуску и облако выкуренных сигарет. Это были так называемые «мальчишники». Ни присутствие дам, ни церемониал красивого обеда со многими переменами блюд для них не существовали. Ратти стала приглашать молодых сотрудников Джинны из Лиги Гомруля – не больше двух-трех человек зараз. Приглашения она писала собственноручно, подчеркивая, что это не прием или раут, а простой обед: «Заходите просто пообедать с нами. Может, придет еще один или двое друзей».

Никто не отказывался от ее приглашений. Конечно, все хотели увидеть, каков Джинна у себя дома, но всех манила именно она своей ослепительной красотой. Молодые люди обожали Джинну, но могли видеть его в конторе, в суде и других присутственных местах. Однако приглашение в Саут-Корт давало возможность провести какое-то время в обществе женщины с репутацией сказочной красавицы.

Все эти молодые юристы, сотрудники Джинны по Лиге Гомруля и Мусульманской Лиге были очарованы Ратти, потому что они никогда не встречали молодую красавицу из высшего общества, которая всю ночь напролет спорила бы с ними о политике в табачном дыму. Все они были платонически влюблены в нее, а Канджи Дваркадас посвятил ей свою жизнь.

Эти небольшие сборища в Саут-Корте были лучшим периодом их брака. Для нее было невероятным счастьем, когда он серьезно относился к ее словам, включал ее в свои политические планы и разрешал ей подшучивать над ним в присутствии молодежи, потрясенной простотой их отношений. Она бывала особенно весела и остроумна, когда могла продемонстрировать нескольким собравшимся, насколько счастливым оказался их брак.

Другая инициатива Ратти оказалась менее удачной, нежели небольшие приемы в Саут-Корте. Как многие англичанки и американки, водящие машину, она стала по вечерам

заезжать за Джинной в контору, чтобы вместе ехать домой. Водить машину она пока не умела, так что с ней ездил шофер. Ей доставляло огромное удовольствие возвращаться домой с мужем на заднем сиденье. Джинна не видел ничего неприличного в этих поездках и радовался возможности брать Ратти с собой повсюду. Но почему-то эти ничем никому не угрожающие поездки страшно раздражали коллег Джинны в адвокатской конторе и суде. Они считали неприличным, что замужняя женщина одна вечером приезжает в офис, где работают только мужчины, и ожидает своего мужа в совершенно «неподходящей одежде».

О том, как Ратти приезжала и ждала Джинну, сидя у него на столе, рассказано в предыдущей главе со слов М. Чаглы. Но Джинну это совершенно не волновало, как не трогали его частые замечания знакомых и незнакомых по поводу одежды Ратти: он верил в ее вкус, ему нравились ее смелые и необычные платья и сари, а главное, при всем своем консерватизме Джинна был совершенно лишен ханжества.

Тем не менее, несмотря на то что в доме появились новые люди и небольшие вечерние сборища бывали интересными и веселыми, большую часть дня Ратти скучала. Ее давнишней мечтой была поездка в Хайдарабад, рассказы о котором она постоянно слышала от подруг, — «город прекрасных бегум и воинственных навабов, город душистого белого жасмина и дивно благоухающих ароматных палочек-*агарбатти*, город мечетей и крепостей, слонов, несущих троны на спинах, город средневековой восточной роскоши, так непохожий на современный Бомбей»⁹.

На мой взгляд, среди многих прелестей Хайдарабада Ратти (или говорящая за нее Шила Редди) упустила одну из главных — дивной красоты жемчуг, центром производства которого является Хайдарабад.

Конечно, Ратти мечтала уехать одна — без мужа и без ребенка, посекретничать с подругами и почувствовать, что она не одинока. Сароджини в это время находилась на лечении в Лондоне, и девушки наслаждались бы полной свободой. Что касается Джинны, то он и не смог бы при желании сопрово-

ждать жену, поскольку Хайдарабад был чуть ли не единственным городом в Индии, куда ему был запрещен въезд за какое-то резкое выступление, задевшее гордость правителя княжества – низама Асаф Джах VII.

Безусловно, Джинна посчитал ниже своего достоинства спорить с женой по поводу ее отъезда, но он чувствовал себя уязвленным или, как говорила Ратти, «были оскорблены его “опрокинутые” чувства», – так она называла его сверхчувствительность, прячущуюся за бесстрастной внешностью»¹⁰.

Ясно, что Джинна с горечью понимал, какая пропасть разделяла его мать, за всю жизнь ни разу не вышедшую из дома без сопровождения мужа, и его жену, готовую ехать развлекаться куда угодно без него. Несмотря на либеральные ценности, модные костюмы и английский язык, который не снился настоящим англичанам, Джинна принадлежал к другому миру, нежели его модная жена. Стиль жизни его матери и уроки отца, о которых он никогда не говорил, не исчезли из его памяти. Метафорически говоря, легче было сменить «длинное желтое пальто» его юности, чем изменить юношу, который когда-то это пальто носил. Но каковы бы ни были переживания Джинны, он терпел их стоически, хотя Ратти уезжала не только от него, но и от их пятимесячного ребенка.

Почему Джинна, умеющий быть донельзя категоричным и жестким, не требовал от жены, чтобы она уделяла больше внимания дочери, – для меня осталось абсолютной загадкой (возможно, основанной на недостатке моих знаний). Ну, а если вспомнить, что, собираясь в Хайдарабад, Ратти брала с собой любимую собаку Арлет, поскольку не могла обходиться без нее ни дня, а ребенка оставляла дома, кажется очевидным, что этот брак был обречен.

Восемнадцать дней, проведенных в Хайдарабаде, прошли для Ратти, как один день. Отвыкшая от общества своих сверстников, она получала наслаждение, развлекаясь и веселясь с друзьями Падмаджи, и, по ее словам, «за 18 дней она посетила больше приемов, прогулок и пикников, чем за 18 месяцев в Бомбее»¹¹. Она уверяла подруг, что получила три письма от Джинны с просьбой скорее вернуться домой, но само существование этих

писем остается на ее совести: не в характере Джинны было, приняв решение, т. е. отпустив жену в Хайдарабад, тут же менять его, упрашивая ее вернуться.

По возвращении Ратти их отношения испортились еще больше: конечно, между ними не было перебранок, сцен или хлопанья дверьми. Джинна, как известно, не повышал голос даже на прислугу. Что касается Ратти, он выражал ей свое недовольство, погружаясь в ледяное молчание и не реагируя на ее робкие попытки заговорить.

Добавил напряжения инцидент с Фатимой, которая пришла, как заведено, навестить брата в воскресенье. Желая разрядить атмосферу, а может, и наоборот, чтобы подразнить невестку, Ратти сказала, что ездила в Хайдарабад с целью подобрать подходящую пару для Фатимы. Учитывая, что Фатиме было уже под тридцать лет и для всех она являлась безусловной старой девой, замечание прозвучало как издевка и было так воспринято и братом, и сестрой¹².

Хотя в своей книге «Мой брат» Фатима сухо называет Ратти своей хорошей знакомой, у обеих женщин было достаточно оснований не любить друг друга. Фатима жила с братом до и после окончания пансиона Бандра и прекрасно уживалась с ним. То, что ей пришлось насовсем уехать из Саут-Корта после женитьбы Джинны и ограничиться воскресными посещениями, она воспринимала как узурпацию своего места единственной женщины в жизни ее любимого брата.

Что касается Ратти, то воскресные визиты невестки отнимали у нее один свободный день, который она могла бы провести вдвоем с мужем. Кроме того, если между ней и Фатимой возникали недоразумения, Ратти чувствовала, что Джинна всегда принимает сторону сестры. И это было понятно, поскольку в глубине души Фатима и Мохаммед Али были людьми одного происхождения и воспитания, несмотря на все внешние метаморфозы, которые они пережили. Ну, и если Джинна относился к выходкам Ратти как к безобидным шуткам, то с серьезной Фатимой, которая, как ни странно, по окончании католической миссионерской школы стала вдвое благочестивей как мусульманка, надо было соблюдать осторожность.

Так, Ратти писала подруге: «Вчерашнее воскресенье было испорчено “смертельной обидой” Фатимы. Она сидела и читала Коран, а я ей сказала, что Коран “предназначен для того, чтобы о нем говорили, а не читали.” Со всей серьезностью она спросила меня, как можно говорить о книге, которую не читал. Джей промолчал, но было видно, что он ее поддерживает»¹³. Вероятно, это была очередная эпатажная шутка Ратти, поскольку не ей, атеистке со склонностью к оккультизму, следовало рассказывать двум мусульманам от рождения что-либо про Коран.

Постоянно возникающие трения между невестками закончились благополучно, только когда Фатима согласилась поступить в Калькуттский университет на стоматологическое отделение и, соответственно, уехать в Калькутту минимум на два года. Причем, несмотря на то что в Калькутте жила ее старшая сестра, Фатима, пользуясь представившейся возможностью, потребовала, чтобы Джинна снимал ей отдельную квартиру и предоставил машину с шофером. Ратти праздновала победу: ей удалось даже вытащить Джинну на каникулы в Ути (Утакаманд), потрясающей красоты горный курорт, находящийся в горах Нилгири. С тех пор воскресный день также принадлежал ей.

Летом 1921 г. Ратти одна предприняла длительное путешествие на Французскую Ривьеру и в Монте-Карло. Когда она отправлялась в дорогу, в Бомбее ходили упорные слухи, что она с Джинной окончательно расстаются, что она, чтобы материально не зависеть от мужа, собирается сниматься в кино и даже имеет предложение от французской киностудии «Патэ» выступить в роли индийской женщины-вамп», «деси»* вариант Теда Бары**, на которую она была несколько похожа.

Однако все это были праздные разговоры, поскольку из Монте-Карло Ратти направилась не на киностудию «Патэ» в Ниццу, а в Лондон, где ее ждал Джинна, чтобы провести

* *Деси* – термин, применяемый к людям, культурам и продуктам Индийского субконтинента и диаспоры. Поскольку *деси* – это широкий термин, список стран, которые считаются *деси*, является субъективным; однако часто признается, что Индия, Пакистан и Бангладеш являются странами *деси*.

** Теда Бара – американская актриса, звезда немого кино и секс-символ конца 1910-х годов. Прославилась в амплу «женщины-вамп».

несколько недель вместе¹⁴. Правда, идиллии опять не получилось: в Оксфорде Ратти встретила Лейламани Найду, у которой были университетские каникулы, и настояла на том, чтобы та отправилась в путешествие с ними, за счет Джинны, как обычно.

Трудноразрешимую проблему для всех, кроме Ратти, представляла собой Дина, которой продолжала заниматься только прислуга. Падмаджа после отъезда Ратти во Францию специально заехала в Саут-Корт навестить ребенка, о чем написала сестре: «Я просто отказываюсь понимать поведение Ратти – я не обвиняю ее, хотя большинство людей именно так и делают. Но когда я вспоминаю маленького испуганного ребенка, похожего на смертельно раненного зверька, я чувствую, что начинаю ненавидеть Ратти, несмотря на всю мою старую привязанность к ней»¹⁵.

Странно, что в книге Шилы Редди даже не поднимается вопрос о том, какова была реакция Джинны на отношение его жены к их ребенку. Известно, что Леди Петит, до которой, конечно, доходили все слухи из Саут-Корта, предлагала забрать ребенка к себе (с годами так и вышло: Дина после смерти матери проводила все внешкольное время в Петит-холле), но Ратти из гордости отказалась, поскольку отношения ее с родителями оставались «официально разорванными».

По возвращении из-за границы Ратти продолжала терроризировать Сароджини своими ежедневными визитами в «Тадж-Махал»: «Она жалуется на всех, кто приходит ко мне. Она становится истеричкой, а ее поведение невыносимым. Бедное дитя, у нее нет ничего, кроме красоты, чем бы она могла интересоваться, и ее туалетов, точнее, как артистичнее эти туалеты снимать!»¹⁶.

Этот отзыв Сароджини отличается от ее обычного беззлобного ворчания на Ратти – здесь поэтесса пишет о ней жестко, как о женщине, лишенной интересов и целей, вдобавок до смерти ей надоевшей.

Действительно, с годами в поведении Ратти появилось много раздражающих странностей, в первую очередь направленных на то, чтобы вывести из себя Джинну. Однажды в Симле они ехали на обед к губернатору, рассказывает Болито. «Она

велела остановить экипаж и купила жареный кукурузный початок у уличного торговца. И продолжала есть его, пока они не подъехали к правительственной резиденции. Он не сказал ей ни слова, приняв это дурацкое оскорбление молча»¹⁷.

То, что Джинна держался невозмутимо, когда она придумывала свои шокирующие шутки вроде поедания кукурузного початка или публичного кормления собаки шоколадом, доводило ее до белого каления. Однако в глубине души он страдал от ее желания унизить его, притом унижить публично, и через много лет, когда ее уже не было в живых, сказал приятелю, собиравшемуся разводиться, что Ратти «постоянно действовала мне на нервы и пыталась свести меня с ума»¹⁸.

Но ведь и он по-своему пытался свести ее с ума, реагируя на ее глупости или ошибки «ледяным» молчанием или «нечеловеческим» отсутствием эмоций. Осознание взаимной вины, как и у всех распавшихся пар, пришло к ним слишком поздно, когда Джинна подытожил: «Это моя вина: мы оба нуждались в понимании, которого не могли дать друг другу»¹⁹.

В течение 1925 г. Ратти все время болела, часто теряя сознание и проводя в постели целые дни. При этом она мучалась бессонницей и пристрастилась к вероналу, который считался единственно действенным, но крайне тяжелым снотворным. Позднее, после смерти Ратти, вездесущая Сароджини узнала, что она была настоящей наркоманкой.

Найду писала дочери в 1929 г. из Нью-Йорка: «Сегодня я обедала с княгиней Юрневич*, муж которой – известный русский скульптор. Во время обеда она случайно упомянула, что встречалась в Париже в 1924 г. с “Мадам Жинна”, которая губила свою жизнь и красоту наркотиками»²⁰. Причем она пробовала разные наркотики, не только модный кокаин, но и «длинную иглу» – морфин²¹.

Врачи запрещали Ратти есть острое, подозревая у нее язвенный колит, она же, как нарочно, ела зеленый перец чили и прочие индийские специи. Бегум Джаханара Шахнаваз пыталась вразумить ее, но та лишь отмахнулась. «Она чувствует себя

* Сароджини имеет в виду Сергея Юрьевича (Юревича; 1875–1969) – французского скульптора русского происхождения. Был камергером при дворе Николая II.

потерянной и сознательно старается привлечь внимание окружающих, шокируя их», – был вердикт Бегум²².

Обеспокоенная мать Ратти вызвала на переговоры в Петит-холл Сароджини, которая была настоящим эталоном общего друга. «Леди Петит была опечалена, так как ей казалось, что Ратти умирает, и при этом она была в ярости, что из-за Ратти ее внучка живет хуже сироты», – сообщила Сароджини дочери²³.

Действительно, здоровье Ратти продолжало ухудшаться, она все меньше выходила из дома и большую часть времени и эмоций уделяла своим собакам и кошкам, которые в отличие от Дины, уже учившейся в школе, всецело принадлежали ей одной. Чаше стал болеть и Джинна, который с трудом переносил сквозняки и перемену погоды. Вместе со здоровьем супругов ухудшались и их отношения.

Секретарь Мусульманской Лиги Сейид Шамсул Хасан писал: «После переезда штаб-квартиры Лиги в феврале 1927 года я выступал при Каиде (Джинне) в роли своеобразного камергера, когда он приезжал в Дели. В этот период он и его жена Мариам (мусульманское имя Ратти. – А.С.) почти не общались друг с другом... и он останавливался, когда в “Сесиле” (один из лучших отелей в старом Дели) или “Мейденсе”, а когда и в “Вестерн-Корте”, где правительство предоставляло номера членам Законодательного собрания. К своему здоровью он относился не так серьезно, как к другим делам. Зимы в Дели он переносил плохо и часто мучился тяжелыми простудами или гриппом»²⁴.

В начале 1928 г. Ратти без предварительного предупреждения покинула дом на Маунт-Плезант-роуд и переехала в «Тадж-Махал», где сняла номер на один месяц. Больше они с Джинной никогда не жили под одной крышей, хотя и продолжали общаться. В апреле Ратти с матерью отправилась в Париж, а Джинна отплыл в Англию, оттуда в Ирландию. Спутником Джинны в этом плавании был Чаман Лал, который решил навестить Ратти в Париже, пока Джинна путешествовал по Ирландии. В гостинице ему сказали, что Ратти тяжело больна и находится в больнице.

«Я немедленно отправился на Елисейские Поля в больницу, – вспоминал Чаман Лал. – Я всегда так восхищался Ратти

Джинной. Сегодня в мире нет женщины, равной ей по красоте и очарованию. Она была прелестным избалованным ребенком, и Джинна, по своей сути, просто был неспособен понять ее. Она лежала в кровати с высокой температурой и еле двигалась. Но при этом у нее в руках была книга, которую она протянула мне: “Прочтите мне это, Чам”. Я взял книгу. Это был томик стихов Оскара Уайльда, открытый на поэме “Дом проститутки”. Она повторила шепотом: “Прочтите, пожалуйста, Чам”. Когда я дошел до последних строк:

Тесьмой серебряной горя,
По длинной улице заря
Скользила девочкой несмелой,—

я поднял глаза. Ратти лежала без сознания. Я бросился за доктором. Через несколько дней Джинна вернулся из Ирландии. Я ждал его в больнице. Он пошел к ней в палату и пробыл там два с половиной часа. Выйдя, он сказал: “Я думаю, мы можем спасти ее. Мы сменим ей врача и переведем ее в другую больницу. Я уверен, она выкарабкается”»²⁵.

В тот раз она и впрямь выкарабкалась. Чаман Лал вскоре уехал из Парижа в Канаду, будучи уверен, что после стольких драматических событий – Ратти на пороге смерти, внезапное появление Джинны и счастливое выздоровление – пара помирилась. Через несколько недель Чаман Лал встретил Джинну в Париже одного и спросил его, где Ратти. «“Мы поссорились, – ответил Джинна, – и она вернулась в Бомбей”. Он сказал это с такой сухостью, что я не решился спрашивать его о чем-то еще»²⁶.

Для Джинны респектабельность была важнейшей составляющей частью жизни, поэтому для него уход Ратти из дома, который сам по себе был несчастьем, но еще ко всему влек за собой скандалы и сплетни, прозвучал как удар грома. Он знал ее склонность к шокирующим шуткам и дурацким розыгрышам, но на сей раз все было серьезно.

Один из друзей-парсов, знавших Ратти с детства, решил выступить в качестве миротворца. Он отправился к Ратти и стал уговаривать ее вернуться домой, хотя бы ради поли-

тической карьеры Джинны, столь много для нее значившей. Она ответила, что готова на это, если будет уверена, что муж обрадуется ее возвращению. Тогда миротворец-парс поехал к Джинне, чтобы «обсудить с ним личный вопрос». «Джинна немедленно насторожился и спросил: “Личный для вас или личный для меня?” – “Для вас,” – ответил парс. И Джинна, даже не дав тому открыть рта, заявил: “Мне нечего обсуждать. Глава закрыта”»²⁷.

На правах старой дружбы Сароджини тоже сделала попытку принять участие в разрешении семейного конфликта. В последние годы она была на стороне Ратти и считала, что ее странности и даже девиантное поведение вызваны многолетним непониманием со стороны мужа.

Она писала: «Джинна все время молчит. Никто не может даже обратиться к нему. Я думаю, он оскорблен до глубины души тем, что она бросила его вот так, почти без предупреждения. Он слишком жесткий, гордый и закрытый человек, чтобы разрешить даже близкому другу вторгаться за определенную черту. Все, что он сказал мне в ответ: “Я был несчастлив целых десять лет. Дольше терпеть я не могу. Если она хочет быть свободна, я не чиню ей препятствий. Пусть она будет счастлива. Но я не собираюсь обсуждать это ни с кем. Пожалуйста, не вмешивайтесь”»²⁸.

Когда в 1928 г. Ратти уплывала с матерью во Францию, она отправила Джинне письмо с борта корабля «Раджпутана», которое принято считать ее прощальным письмом. Стиль письма много говорит о личности Ратти, типичной женщины эпохи Ар-нуво, или «Прекрасной эпохи», как называли этот период во Франции.

Красавица этой эпохи отличалась экстравагантностью, которая достигалась за счет искусственности и вычурности образа в туалетах, прическе, косметике и жестах. Идеалом этого образа считалась актриса Сара Бернар. Натуральность, естественность этому стилю были противопоказаны. Эпистолярный стиль, исполненный метафор, также был проявлением Ар-нуво. Так вот, Ратти, уплывая, как предполагалось навсегда, писала:

«Марсель, 5 октября 1928 г.

Мой дорогой, спасибо за все, что ты для меня сделал. Если когда-либо твои чувства уловили в моем отношении к тебе некую раздражительность или неприязнь, то будь уверен, что в моем сердце было место только для огромной нежности и огромной боли, боли без обиды, любовь моя.

Когда человек так близок к подлинной реальности Жизни (которая, в сущности, есть Смерть), как близка к ней я, он помнит только моменты красоты и нежности, а все остальное оказывается скрытым туманом нереальности. Постарайся помнить меня, как цветок, который ты сорвал, а не растоптал.

Любимый, я много страдала, ибо любила много. И степень моего страдания соответствует силе моей любви. Дорогой, я люблю тебя, очень люблю, и, любя я тебя меньше, я смогла бы остаться с тобой. Но тот, кто вырастил прекрасный цветок, не поливает его грязью. Чем выше ты возносишь свой идеал, тем ниже ему падать.

Я любила тебя так, как мало кому из людей выпадает быть любимым. И я уверяю тебя, что трагедия, возникающая вместе с любовью, должна и закончиться вместе с ней.

Доброй ночи и прощай, любимый. *Ратти*²⁹.

Нет нужды комментировать это письмо, которое написала умирающая индийская Джульетта своему стареющему Ромео. В любом случае, это яркий человеческий документ, и остается надеяться, что Джинна в свое время оценил его по достоинству. Возможно, сознание того, что молодая прекрасная женщина испытывала к нему такое всепоглощающее чувство, поддерживало Джинну в дальнейшие годы испытаний, во время его борьбы за Пакистан.

С начала 1929 г. Ратти фактически была прикована к кровати в «Тадж-Махале» и только изредка выходила погулять с Канджи. Джинна навещал ее «каждый вечер, и они втроем сидели и разговаривали, как в добрые старые времена»³⁰. Канджи по наивности решил, что они близки к примирению, но на самом деле Джинна, хорошо понимавший положение вещей, проводил с Ратти тем больше времени, чем ближе был ее конец. Она также осознавала, что уми-

рает, и просила Канджи: «Позабиться о моих кошках, никому их не отдавай»³¹.

20 февраля 1929 г., в свой двадцать девятый день рождения, Ратти Джинна скончалась. Официальная причина ее смерти осталась неизвестна, поскольку посмертное вскрытие не производилось, а при жизни диагноз ее болезни не был установлен. Но в 1968 г. Канджи Дваркадас, считавшийся лучшим другом покойной, решился на сенсацию, заявив в интервью, что Ратти покончила с собой, приняв большую дозу снотворного³². То, что Ратти принимала наркотики с молодых лет, уже не было секретом, но ее смерть скорее была результатом случайной передозировки, а не сознательного суицида.

В день смерти Ратти Джинна находился в Нью-Дели, когда ему позвонили из Бомбея. Далее рассказывает Чаман Лал: «Он разговаривал спокойно и сказал, что вечером выезжает. По окончании разговора он подошел ко мне и сказал: “Ратти серьезно больна. Мне нужно выехать сегодня.” Помолчав, он добавил: “Знаешь, кто это был? Мой тесть. Мы сейчас разговаривали в первый раз после моей женитьбы”. Тогда я не знал, узнал только позже, что Ратти не просто тяжело больна, но уже умерла»³³.

Пока Джинна ехал в поезде из Нью-Дели в Бомбей, шла подготовка похоронной церемонии. Петиты, без сомнения, хотели бы похоронить Ратти по законам парсов, чтобы получить свою дочь назад, хотя бы после смерти. Но это грозило отлучением от общины всей семье, как заявил правящий *панчаят* парсов. Канджи напомнил Джинне, что Ратти в их совместных разговорах выражала желание быть кремированной. Но Джинна сказал, что похороны будут мусульманскими, чем и поставил точку.

Поэтому после поминальной молитвы в мечети тело отвезли на кладбище Арамгах в районе Мазгаон, принадлежащее секте Ходжа Шиитов Иснашаритов (Двунадесятников), к которым лет тридцать назад примкнули отец и сын Джинна.

На кладбище собралось много народа, знакомые и коллеги Джинны и светские друзья Ратти, и похоронная церемония длилась около пяти часов. Канджи сидел рядом с Джинной, видимо,

на правах лучшего друга покойной. Джинна держался невозмутимо, как всегда, но «когда тело Ратти стали опускать в могилу, и Джинна как ближайший родственник должен был первым бросить горсть земли на гроб, он вдруг сорвался и заплакал, как ребенок», – писал Канджи³⁴.

Через несколько минут он пришел в себя, но эта мгновенная эмоциональная вспышка произвела сильное впечатление на всех, кто находился на кладбище. Судья Чагла, всегда обвинявший Джинну в холодности и отсутствии эмпатии, написал: «Я пришел на ее похороны. Это был, наверное, единственный случай, когда я обнаружил, что Джинне тоже свойственны человеческие слабости. Действительно, на его глазах были слезы. Это было трагическое зрелище – видеть такую молодую и красивую женщину, лежащую в холодных объятьях смерти»³⁵.

После похорон Джинна распорядился упаковать в несколько сундуков все, что принадлежало и напоминало о Ратти: ее фотографии, платья, шали, шарфы и безделушки. Единственный знак траура, который он себе позволил, была черная лента на рукаве. В дальнейшем он никогда не говорил о Ратти и даже не упоминал ее имя. Так пишут многие биографы, но поверить в это трудно, поскольку, имея общего ребенка, невозможно не упоминать имени его матери.

Похоже, Джинна воспринимал смерть жены не только как личную потерю, горе, нуждающееся в оплакивании, а как главное поражение в жизни. Ведь когда ему досталась юная красавица, «Цветок Бомбея», он мог считать, что выиграл главный приз судьбы. Тем горше было его раскаяние, когда он доверительно сказал жене своего приятеля: «Она была ребенком, и мне ни за что не следовало жениться на ней. Это моя вина».

История сундуков, где хранится память о Ратти – ее фотографии, украшения, сари, шали и прочее, – нашла продолжение в рассказе С.Х. Манто «Мой Господин», с которого я начала эту книгу. Повествование ведется от имени личного шофера Джинны по имени Азад, который рассказывает: «От слут в доме ничего не скроешь. Иногда Господин приказывал открыть сундук. В этом судовом сундуке хранилось много одежды его покойной жены и этой его непокорной дочери, когда она была малень-

кой девочкой. Когда всю эту одежду вынимали и раскладывали на полу, Господин долго рассматривал ее в напряженном молчании. Затем внезапная печаль накрывала его тонкие черты. “Все хорошо, все хорошо”, – тихо говорил он, вынимал свой монокль и, вытирая его, уходил из комнаты»³⁶.

Хотя этот сентиментальный сюжет о памяти, которую хранят вещи, включают в популярные «журнальные» биографии Джинны, а теперь еще и Ратти, думается, что эта история с начала до конца придумана Манто. Учитывая все, что мы знаем об историческом Джинне, ясно, что для него эта история слишком литературна.

На смерть Ратти широко откликнулась индийская пресса, но я процитирую лишь один некролог и только из-за личности его автора, Хваджи Хасана Низами (1873–1955), журналиста и писателя, который являлся почитаемым суфийским *пиром* ордена Чиштийя, потомком великого святого Шейха Низамуддина Аулия.

В некрологе, напечатанном в издаваемом Низами женском журнале *Таблиг-и-нисван* («Поучение женщинам») он писал: «Из Бомбея пришла печальная весть о том, что скончалась госпожа Джинна. Она родилась в семье состоятельных парсов и среди женщин, не соблюдающих *парду*, считалась самой красивой. Она была замужем за господином Мохаммедом Али Джинной, барристером из Бомбея, и прежде, чем выйти за него, приняла Ислам. Она была высокообразованна и посещала все национальные митинги.

Ее супруг является наиболее выдающимся политическим лидером среди мусульман. Она много ездила с ним по миру и несколько месяцев назад побывала в Иране, на родине своих предков. Она заболела во время путешествия и умерла по возвращении. Среди образованных индийских женщин ее смерть будет невозместимой потерей. Я шлю свои глубочайшие соболезнования ее родителям и супругу и молю Всевышнего даровать мир ее душе»³⁷. О поездке Ратти в Иран никаких сведений в доступной мне литературе не сохранилось.

Смерть Ратти вызвала чувство раскаяния у Сароджини и ее дочерей, которые сожалели о раздражении, которое вызы-

вали у них ее частые визиты и странности в поведении. Сароджини написала длинное письмо-некролог, обращенное к покойной. Она заканчивала его так: «Спи спокойно, моя дорогая. Мне нужно еще написать твоей матери, мужу и дочке. Но мы любили тебя больше, чем все они, и знали тебя намного лучше»³⁸. Вряд ли бы Джинна с этим согласился. Он, безусловно, любил жену, более того, восхищался ею, но не знал, как дать ей прочувствовать всю силу своей привязанности к ней, при этом не поступаясь своим независимым «я».

¹ Wolpert Stanley. *Jinnah of Pakistan*. New Delhi, OUP, 2005. P. 92.

² Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017. P. 125.

³ Pirzada, Syed Sharifuddin. *Some Aspects of Quaid-i-Azam's Life*. Islamabad: National Commission on Historical and Cultural Research, 1978. P. 124.

⁴ Sengupta Padmini. *Sarojini Naidu: A Biography*. Bombay: Asia Publishing House, 1966. P. 19.

⁵ Reddy Sheela. Op. cit. P. 194.

⁶ Ibid. P. 142.

⁷ Ibid. P. 143.

⁸ Ispahani M.A.H. *Quaid-i-Azam Jinnah as I Knew Him*. Karachi: Forward Publications Trust, 1967. P. 187.

⁹ Reddy Sheela. Op. cit. P. 196–97.

¹⁰ Ibid. P. 197–198.

¹¹ Shagufta Yasmeen. *Ruttie Jinnah: Life and Love*. Islamabad: Royal Book Co., 2010. P. 89.

¹² Khan S. (ed.) *Speeches, Messages and Statements of Madar-e-Millat Mohtarma Fatima Jinnah*. Lahore, 1976. P. 29–30.

¹³ Reddy Sheela. Op. cit. P. 214.

¹⁴ Ibid. P. 245–246.

¹⁵ Ibid. P. 247.

¹⁶ Sengupta Padmini. Op. cit. P. 128.

¹⁷ Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955. P. 164.

¹⁸ Цит. по: Reddy Sheela. Op. cit. P. 282.

¹⁹ Bolitho Hector. Op. cit. P. 91.

²⁰ Reddy Sheela. Op. cit. P. 364.

²¹ Ibid. P. 314.

²² Shahnawaz Jahan Ara. *Quaid-i-Azam and Muslim Women*. Karachi: National Book Foundation, 1976. P. 16.

- ²³ Reddy Sheela. Op. cit. P. 297.
- ²⁴ Hasan S.S. *Plain Mister Jinnah*. Vol. 1 of *Selections from Shamsul Hasan Collection*. Karachi: Royal Book Company, 1976. P. 83.
- ²⁵ Цит. по: Bolitho Hector. Op. cit. P. 91–92.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Haider Khwaja Razi. *Ruttie Jinnah*. Karachi: OUP, 2010. P. 124.
- ²⁸ Reddy Sheela. Op. cit. P. 336.
- ²⁹ Haider Khwaja Razi. Op. cit. P. 127.
- ³⁰ Dwarkadas Kanji. *Ruttie Jinnah; the story of a great friendship*. Bombay, 1963. P. 95.
- ³¹ Ibid. P. 97.
- ³² Reddy Sheela. Op. cit. P. 358.
- ³³ Цит. по: Wolpert Stanley. Op. cit. P. 128.
- ³⁴ Dwarkadas Kanji. Op. cit. P. 176.
- ³⁵ Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. Mumbai: Bharatiya Vidya Bhavan, 2012. P. 121.
- ³⁶ Manto S.H. *Selected Stories* / tr. by Aatish Taseer. Vintage/Random House India, 2008. P. 80.
- ³⁷ Цит. по: Haider Khwaja Razi. Op. cit. P. 135.
- ³⁸ Reddy Sheela. Op. cit. P. 364.

Глава VII

ДОЧЬ

Ни индийцы, ни пакистанцы долго не могли простить Дине Джинне то, что она является единственной дочерью и наследницей Каид-и-Азама. Индийцы нагло отобрали у нее главный объект наследства, дом на Малабарском Холме в Бомбее, который был определен ей в собственность по всем законам наследования, в частности как индийской гражданке. Пакистанцы вообще игнорировали ее за то, что она посмела выйти замуж за немусульманина против воли отца.

Большинство детей «отцов нации», т. е. главных южноазиатских политических лидеров прошлого века, продолжили дело своих родителей в качестве президентов, премьер-министров, глав политических партий, сенаторов. Если говорить именно о дочерях, то это Индира Ганди в Индии (дочь Джавахарлала Неру), Беназир Бхутто в Пакистане (дочь Зульфикара Али Бхутто), Шейх Хасина Вазед в Бангладеш (дочь Шейха Муджибура Рахмана), Чандрика Кумаратунга в Шри-Ланке (дочь Соломона и Сиримаво Бандаранаике) и некоторые другие, занимавшие не столь высокие посты. В отличие от них единственная дочь отца-основателя Пакистана прожила свою долгую жизнь как частное лицо, не будучи в центре внимания политиков или общественности.

Историй, связанных с Диной-ребенком, пока ее мать была жива, очень мало, если не считать подлинных возмущенных писем сестер Найду о безразличном отношении Ратти к дочери. И все эти истории кажутся придуманными. Вот, например, сентиментальный рассказ о том, как совсем маленькая Дина пытается проникнуть в дверь кабинета отца. Она многократно под-

прыгивает, чтобы дернуть за ручку двери, которая укреплена слишком высоко для ее роста. Дверь от ее ударов приоткрывается, и она видит отца, сидящего в глубине кабинета у большого дубового стола под зажженной лампой.

«Дина», говорит отец, не отрывая головы от бумаг. Она смеется и бежит к нему: «Как ты узнал, что это я?», – спрашивает она. Он улыбается и снимает очки, так что меж ними нет никакой преграды. «Я узнаю тебя за тысячу миль, *мери бети* (моя девочка)». Он обнимает ее и громко читает какие-то правила закона, пока его жена тихо лежит на кровати на другом конце кабинета. Дина слушает голос отца, который звучит, как мелодия, то поднимаясь, то падая, и медленно засыпает в его объятьях»¹.

Очевидно, что эта история – чистый вымысел: и Ратти не могла лежать в кабинете мужа, куда ей и входить нельзя было без стука, и Дину бы не пустили прыгать вокруг кабинета отца многочисленные няньки, да и сам Джинна передал бы засыпающую дочку кому-то из персонала, а не качал бы ее на руках.

Одна непридуманная история все-таки была, и она опять-таки известна со слов Сароджини. Ратти подарила четырехлетней Дине новорожденного котенка – чуть ли не первый подарок, который она сделала дочери «из чувств», чтобы подчеркнуть свою страстную любовь к кошкам. Одновременно она презентовала Джинне большой флакон дорогого французского одеколона. Дина ухитрилась утащить одеколон из кабинета отца и засунуть котенка во флакон, где несчастный и утонул. «Джинна был так расстроен потерей одеколона, – пишет дочери Сароджини, – что послал за ребенком – четырех лет! – и долго ее урезонивал. Как характерно для Джинны!»².

Когда умерла Ратти, Дине было уже девять лет. Тогда в ее воспитание активно вмешалась Леди Петит: она объяснила Джинне, что поскольку он теперь по делам чаще находится не в Бомбее, а в Дели и Симле, то девочке ее возраста нельзя больше оставаться дома одной с прислугой, а надо поступать в хорошую миссионерскую школу-пансион, в частности на близлежащем горном курорте Панчгани, куда посылали своих детей состоятельные бомбейские семьи.

Идея так понравилась Джинне, что он проникся редким для него доверием к Леди Петит (впрочем, в отличие от сэра Диншоу, после свадьбы Ратти возненавидевшего Джинну, Леди Петит продолжала относиться к зятю с известной симпатией, в основном за респектабельность и прекрасные манеры) и перепоручил ей все основные решения, касающиеся воспитания Дины. И это был просчет с его стороны: в жестких руках Фатимы Дина, возможно, не совершила бы тех ошибок молодости, в которых потом горько раскаивалась.

Дина, в свою очередь, очень привязалась к бабушке, которую не видела с самого рождения, и до глубокой старости во всех своих интервью рассказывала, как она любила свою бабушку и как она благодарна ей за то, что та вырастила и воспитала ее после смерти матери.

Через год пребывания Дины в пансионе ее поехала навестить Лейламани Найду, о чем отчиталась сестре: «Дина Джинна провела с нами весь вчерашний день. Она выглядит довольной и вроде бы успевает в школе. Но мне становилось не по себе, когда я смотрела на нее, – так она похожа на Ратти»³.

Однако по темпераменту, манере поведения, а главное, внутреннему миру Дина была совершенно не похожа на мать. В отличие от невротичной и рефлектирующей Ратти, которой нужна была постоянная душевная поддержка и понимание со стороны мужа, Дина была совершенно психически уравновешена. Она быстро убедилась, что ее отец снисходителен и терпим и у него можно выпросить что угодно, кроме того, чем он не пожертвует ни за что – своим временем и своей работой.

Позднее она описывала отца как «любящего, но сдержанного». И это, видимо, правильное описание: вне зависимости от того, как относился Джинна к дочери, когда она была младенцем, для Дины в возрасте девушки-подростка он стал любящим, хотя в каких-то вопросах и строгим отцом, как все англоязычные мужчины, родившиеся в викторианскую эпоху.

Так, Джинна пытался приобщить Дину к тому, что было ему дорого, в частности к Шекспиру. Она на всю жизнь запомнила шекспировские строки из «Гамлета», которые в юности ей читал отец в назидание, поскольку это были слова из моно-

лога практичного Полония: «*This above all: To thine own self be true, / And it must follow, As the night the day, / Thou canst not then be false to any man*»⁴ («Всего превыше верен будь себе. Тогда, как утро следует за ночью, последует за этим верность всем», пер. Б.А. Пастернака).

Когда Джинна с Фатимой переехали в Лондон, Дина присоединилась к ним, но на вилле Вест-Хит-хаус постоянно не жила, возможно не желая находиться под всевидящим оком Фатимы. Джинна нашел ей маленькую частную школу в Сас-сексе, где она провела пять счастливых лет, приезжая к отцу в Хэмпстед на уикенды и каникулы.

Правда, с точки зрения академической школьные годы были малоудачными. Дина пошла в отца и не любила учиться, особенно не выносила точные науки. Выпускные экзамены она провалила, зато, живя в благоприятной дружественной атмосфере пансиона миссис Френсис Браун, приобрела уверенность в себе и самообладание, которых так не хватало ее покойной матери.

По утрам, когда Дина бывала дома, она пила утренний чай с отцом, сидя на краю его кровати. Завтрак подавали ровно в девять утра, после чего Бредбери, шофер, вез Джинну на Кингс-Бенч-Уолк, улицу, где находятся судебные *инны* и конторы барристеров. По уикендам они отправлялись гулять в Кенвуд, где по субботам проходили, и до сих пор проходят, концерты на свежем воздухе. Как я уже говорила выше, они заходили выпить имбирного пива в «Замок Джека Стро», получивший известность благодаря Карлу Марксу.

Лондонские годы были самыми спокойными и самыми далекими от политики в жизни Джинны. Однако «в его жизни не осталось места дерзаниям, не предстояло покорять никаких вершин, не было противников, достойных его гения. В свои пятьдесят пять лет он имел вид человека, чей размеренный образ жизни сравним разве что с замогильным покоем»⁵.

Единственным его утешением была Дина, которая больше времени проводила в школе, а дома появлялась на короткие каникулы и выходные. Уже в 12–13 лет Дина обещала стать красавицей: большие выразительные глаза и стройную гиб-

кую фигуру она унаследовала от матери. Джинна завел двух собак: большого черного добермана и белого шотландского терьера, в чем, вероятно, проявилось скрытое влияние Ратти, страстной собачницы.

В 1932 г. Джинна прочитал написанную Г. Армстронгом биографию Мустафы Кемаля Ататюрка «Серый волк» и, вероятно, увидел свое отражение в истории жизни реформатора Турции⁶. Джинна был так увлечен книгой, что даже заставил Дину ее прочесть. Она прозвала отца «Серым волком» и упрашивала сводить ее на воскресное представление Панча и Джуди: «Ну, Серый Волк, ну, своди меня на пантомиму, у меня все-таки каникулы»⁷.

Однако ситуации, когда Джинна мог получать удовольствие от времени, проведенного с дочерью, случались чрезвычайно редко. Между тем идиллическая жизнь в Хэмпстеде начала ему надоедать. Летом 1933 г. к нему с визитом приехал Лиакат Али Хан с красавицей женой Рааной. Они проводили в Лондоне медовый месяц и, придя к Джинне на ужин, начали уговаривать его вернуться в Индию, чтобы обновить и возглавить захиревшую Мусульманскую Лигу.

Бегум Раана Лиакат Али Хан (как, впрочем, и Бегум Джаханара Шахнаваз) привлекала Джинну красотой, романтичностью и преклонением перед ним, которое выказывала Ратти в первые годы их брака. Когда Джинну спрашивали, почему он не женится снова, он отвечал, как бы шутку, что женился бы, если бы встретил другую Раану⁸.

«Заклинания Лиаката, обещание поддержки и лесть были, несомненно, дополнительным фактором, поскольку Джинна всегда откликался на призывы, обращенные к его “я”, к его непревзойденной способности “спасать” положение», — писал Уолперт⁹.

Не меньшую роль сыграл здесь приезд Джаханары Шахнаваз, к которой Джинна тоже был равнодушен. В 1933 г., будучи в Лондоне, она узнала, что Джинна принял решение остаться там насовсем. Она позвонила Фатиме и напросилась к ним на ланч. «Я поехала к ним в дом, который находился в шести милях от Лондона. Мистер Джинна сидел и работал в кабинете.

Я вошла, встала перед ним и спросила: “Это правда, что я слышала вчера, будто Вы планируете остаться в Лондоне насовсем?” Он ответил, что некая правда в этом есть. Я сказала: “Мистер Джинна, Вы не можете так поступить. Кроме Вас некому управлять кораблем нации, и Вы обязаны вернуться на родину.” Он спросил: “Вы, правда, так думаете?” “Не только я, а многие думают так. Но я приехала забрать Вас обратно, домой. Нация и страна нуждаются в Вас”»¹⁰.

Один из сотрудников Джинны по адвокатской конторе в Лондоне вспоминал, как он пришел прощаться перед отъездом в Индию: «Нескольким юристам нравилась дорогая офисная мебель Джинны, и они хотели бы купить ее. У него действительно было несколько красивых вещей красного дерева. Один из коллег сказал Джинне, что купит все оптом, но тот ответил: “Забирайте так, это все вам. Мне не нужно это имущество. Меня ждет в Индии великая миссия”»¹¹.

В результате коллективного давления и в ожидании великой миссии Джинна вернулся в Бомбей в 1934 г., но не отказался при этом от дома в Хэмпстеде и от конторы в Сити. Следующие два года он переезжал между двумя мирами, стараясь поделить свое время и слабеющие силы между изначально несопоставимыми странами. Очевидно, что Дину он видел теперь редко, и она из центра его интересов вновь передвинулась на периферию.

Ей уже исполнилось пятнадцать. Жить с Фатимой ей было невыразимо скучно, и свое время она делила между общением с овдовевшей бабушкой (сэр Диншоу скончался, пока Дина была в Англии) и шоппингом, на который Джинна отпускал ей большие средства. Наконец Джинна продал дом в Хэмпстеде, закрыл свою лондонскую практику и окончательно вернулся в Бомбей с дочерью и сестрой.

Для девушки ее возраста Дина вела жизнь, лишенную особых культурных событий или интеллектуальных интересов. Ее контакты со сверстниками, видимо, остались в Англии. Основным ее развлечением, как уже говорилось, был шоппинг, на который Джинна не жалел денег, как некогда происходило с ее матерью.

Единственным запретом, который он установил для дочери, было самостоятельное вождение машины. Но и здесь она ухитрялась обманывать отца, сговорившись с кем-то из шоферов, которым было поручено сопровождать ее. Собственно, лучше всего об ее времяпрепровождении рассказывала сама прислуга, которая потакала ей во всем:

«Дина Джинна была умная и живая девушка. Когда я у них служил, ей уже исполнилось 15, но с отцом она вела себя, как ребенок. Все время упрямилась, капризничала и настаивала на своем. По натуре она была хорошо воспитанная, добрая и веселая. В то время в бунгало Джинны работали 22 человека прислуги. Дина была со всеми вежлива. Меня она знала лучше других, потому что я по вечерам возил ее за покупками. Слуги с любовью называли ее “Дина-баба”^{*}, потому что она часто подбрасывала им денег, не говоря об этом тетке Фатиме. Иногда она сидела и дружески разговаривала со слугами.

В то время у мистера Джинны было пять автомобилей. Все они были под моим наблюдением. Мисс Дине очень нравилось водить машину, но отец запретил мне близко подпускать ее к автомобилям. Но иногда она просто вынуждала меня пустить ее за руль, хотя я и сидел рядом, и на быстрой скорости гоняла по широкому шоссе на окраине Бомбея.

Она часто брала меня на Мангалдас-маркет и ходила там из одной лавки в другую часами. Она любила музыку и красивую одежду. Когда мы возвращались, мисс Фатима тайно расспрашивала меня, куда мисс Дина ездила и что купила. Каиди-Азам тоже расспрашивал, садилась ли Дина за руль, и мне все время приходилось лгать. Она часто уезжала к своей бабушке и оставалась там на ночь. Вот тут-то я мог несколько дней передохнуть»¹².

Проводя много времени в Петит-холле в обществе бабушки, среди ее родственников и знакомых, Дина постепенно восстановила свой круг общения среди парсов (тем более что три младших брата Ратти приходились ей родными дядьями), узнавала историю общины и доктрины зороастризма, однако формально оставалась мусульманкой.

^{*} Баба́ – уважительная безличная форма обращения к мужчинам и женщинам.

Среди ее новых знакомых самым интересным ей показался Невилл Вадиа (1911–1996), молодой человек из сверхбогатой семьи производителей текстиля. Невилл родился в Ливерпуле, закончил Кембридж и имел британское подданство. У него были сложные отношения с религией. По рождению он был парсом, затем крестился в англиканское христианство, а к старости возвратился к вере отцов, хотя зороастризм запрещает такие переходы.

Дина и Невилл увлеклись друг другом и решили пожениться. История брака Ратти и Мохаммеда Али повторялась, только теперь сопротивление со стороны родителей должен был оказывать Джинна.

Разрешить единственной дочери выйти замуж за сомнительного христианина, да еще рожденного огнепоклонником, Джинна не смог бы никогда – это разрушало все репутационные представления о его семье, общественном положении, политической карьере, а главное, о нем как о лидере, в котором нуждаются индийские мусульмане. Он пытался переубедить Дину, объясняя, что, выйдя за своего избранника, она больше не будет мусульманкой и его дочерью.

«Ислам не признает кровных связей с немусульманами, и если ты вступишь в брак с немусульманином, то, согласно шариату, перестанешь быть мусульманкой. Я хотел бы уберечь тебя от этого. Увы, ты знаешь, что я чувствую, что чувствует отец, у которого одна-единственная дочь, но я бессилен перед законами Ислама», – объяснял Джинна дочери¹³.

Упрямством пошедшая в отца, Дина настаивала на своем выборе, и тогда Джинна уже властным тоном сказал, что в Индии живут миллионы мусульманских юношей, и она может выбирать любого, кого захочет. На что Дина ответила: «Отец, в Индии жили миллионы мусульманских девушек. Почему же ты не женился ни на одной из них, а выбрал мою маму?»¹⁴. Ясно, что на этот вопрос у Джинны не было ответа.

Разгневанный, Джинна пригрозил дочери, что отречется от нее, но она, вероятно, не поверила в такой решительный шаг и, настояв на своем, ушла из Саут-Корта, как некогда поступила ее мать, и переехала к бабушке в Петит-холл. Таким обра-

зом связь между отцом и дочерью прервалась. Джинна был так потрясен поведением Дины, что вопреки своим бесстрастности и хладнокровию испытал нечто вроде нервного шока, описанного в том же рассказе Манто.

«Дочь Господина против его воли вышла замуж за парса. Господин из-за этого пребывал в настоящем шоке ...Целых 15 дней он ни с кем не общался. Он выкурил, наверное, сотни сигар и исходил сотни миль по своему кабинету. Среди ночи он двигался взад и вперед часами по твердому чистому полу. Определенное количество шагов – столько-то оттуда, столько-то туда, – на определенном расстоянии его двцветные башмаки – белые с черным, черные с белым и белые с коричневым – издавали странный звякающий звук, как будто это часы последовательно рассказывают новости о своей жизни.

Но после пятнадцати дней этого постоянного духовного и умственного расстройств он вдруг возродился. На лице его больше не было знаков потрясения, хотя печаль оставила легкую рану-морщину на его шее, которая по-прежнему была прямой и крепкой»¹⁵.

Удивительно, что одна из самых малых этноконфессиональных групп огромной Индии – *парсы*, которых по переписи 1991 г. насчитывалось всего 60 тыс. человек, поистине сыграли роковую роль в судьбах семей двух «отцов нации» – Неру и Джинны. Неру был отнюдь не в восторге от выбора Индиры, которая вышла замуж за парса Фероза Ганди, но не ожидал такого скандала, который разгорелся в индийском обществе и прессе, когда стало известно, что он, *пандит* и кашмирский брахман, собирается выдать дочь за огнепоклонника. Неру был вынужден делать публичные заявления о том, что брак – частное дело молодых, и ссылаться на авторитет Махатмы Ганди, который также благословил жениха и невесту.

26 марта 1942 г. столь бурно обсуждаемая свадьба наконец состоялась и прошла по индуистскому обряду. Через много лет фотографии этой церемонии фигурировали в новом скандальном деле. Младшая невестка Индиры Ганди Манека заявила в суде, что ее свекровь не может наследовать треть имущества своего покойного сына и мужа истицы, Санджая Ганди,

поскольку, выйдя некогда замуж за парса, перестала быть индуской. Адвокаты Индиры представили суду старые свадебные фотографии, из которых явствовало, что брак был заключен по законам индуизма. В результате Манеке было отказано в иске.

В еще большей мере, т.е. дважды, парсы внедрялись в семейную жизнь Джинны. Тяжелые испытания, с которыми столкнулись Ратти и Джинна, решив пожениться – разрыв Ратти с ее семейным кланом и общиной, остракизм, которому подверглась их молодая семья как со стороны парсов, так и со стороны мусульман, публичные обвинения в «недействительности» их брака с целью скомпрометировать Джинну как политического лидера индийских мусульман, – вся эта многолетняя травля в конечном счете разрушила супружескую жизнь пары и повлияла на здоровье безвременно умершей Ратти.

Через много лет Джинна вторично столкнулся с «проклятием парсов». В 1938 г. его единственная дочь Дина вышла замуж за сына богатого бомбейского парса Невилла Вадиа. Джинна, ожидавший, что его будущим зятем будет кто угодно, но в любом случае мусульманин, был в ярости. Как и брак ее родителей, замужество Дины оказалось неудачным и быстро закончилось: в 1943 г. они с Невиллом расстались, не разводясь официально.

Индира Ганди, выбирая между отцом и не очень верным мужем, сделала выбор в пользу отца, став его незаменимой помощницей, соратницей и хозяйкой в его доме. Отношения Джинны с дочерью внешне, для посторонних, были формальными и холодными, хотя в душе он был очень привязан к Дине и внукам. Однако официальное положение Джинны, Великого Вождя индийских мусульман, создателя идеи Пакистана, просто не позволяло ему поддерживать связь с дочерью-отступницей, отказавшейся от Ислама, в той мере, какой бы ему этого хотелось.

Дина посещала Пакистан всего дважды: первый раз в 1948 г. во время похорон отца и вторично в 2004 г., вместе с сыном и внуками. Она побывала в мавзолее Джинны и оставила в книге посетителей запись: «Этот визит был для меня уди-

вительным и печальным. Да сбудется его мечта о Пакистане!»¹⁶. Визит действительно оказался печальным, поскольку Дина, по ее признанию, чувствовала себя чужестранкой в стране, созданной ее отцом, хотя пакистанские власти принимали ее как почетную государственную гостью.

Индира Неру и Дина Джинна – единственные и любимые дочери двух выдающихся политиков XX столетия, отцов-основателей новых независимых государств; обе – почти ровесницы, обе рано лишились матерей, обе учились за границей, обе родили по двое детей. Но какие разные судьбы, как мало общего между этими двумя женщинами – выдающейся государственной деятельницей и богатой светской дамой, – кроме не слишком удачного замужества с парсами!

В 1938 г. Дина и Невилл поженились по законам англиканской церкви, на церемонии присутствовали только члены семей Вадиа и Петит. Джинна послал новобрачным большой букет цветов. О том, как в дальнейшем складывались отношения отца и дочери, существует несколько версий.

Есть версия категорического взаимного неприятия, подобная тому, как повели себя сэр Диншоу Петит и Ратти. Некая леди Рама Рао передавала наиболее расхожие бомбейские слухи: «После свадьбы Джинна никогда не разговаривал со своей дочерью. Хотя они переписывались, он всегда обращался к ней формально как к “миссис Вадиа” и не говорил о ней с друзьями, настаивая, что “у него нет дочери”»¹⁷.

Эта версия абсолютно искажает отношения Джинны с дочерью, представляя его холодным, бесчувственным отцом, который чуть ли не отрекся от ослушавшейся его дочери и в дальнейшем не поддерживал с ней никаких отношений. Как мы увидим далее, в этой версии практически нет правды.

В действительности никакого «окончательного» разрыва отношений между отцом и дочерью не последовало. Правда, они виделись гораздо реже, чем могли бы, и Джинна иногда иронически обращался к дочери как к «миссис Вадиа», но он был полностью в курсе происходящего с Диной и его внуками – мальчиком по имени Нусли и девочкой Дианой. И наконец, Дина часто писала отцу, называя его «Дорогой папа» (Papa darling) и неиз-

менно заканчивая письма словами «Много любви и поцелуев» (Lots of love and kisses).

Дина рассказывала о последней встрече с отцом в Бомбее в 1945 г. Джинна ненадолго вернулся из Дели и пригласил дочь с внуками в Саут-Корт к чаю. Несмотря на болезнь и невероятную усталость, которую он переживал накануне Раздела и обретения Индией независимости, он захотел увидеть внуков и лично подарить им подарки к Рождеству.

Прощаясь, Джинна поднял Нусли на руки, и его знаменитая каракулевая шапка, которая носит название «шапка Джинны», привлекла к себе внимание мальчика. Джинна одел шапку на голову малышу со словами: «Береги ее, мой мальчик». Известно, что крупнейший индийский бизнесмен Нусли Вадиа хранит эту шапку и по сей день¹⁸.

О том, что Джинна гордился своими внуками и рассказывал о них знакомым, вспоминает Джаханара Шахнаваз, которая накануне провозглашения независимости находилась в Лондоне вместе с Джинной, Лиакатом Али Ханом и близким сотрудником Джинны, Хасаном Испахани.

«Один из гостей сказал, что Лондон знает мистера Джинну. Я возразила: “Нет, Лондон знает о нем, но не знает его”. Мистер Джинна был душой компании, много говорил о своих внуках и рассказывал смешные анекдоты. Некоторые из гостей благодарили меня за полученную возможность познакомиться с мистером Джинной»¹⁹.

Дина была первой, кому Джинна позвонил по телефону, чтобы сказать: «Со мной все в порядке» – после покушения на его жизнь наемника Хаксара. Хаксары, как уже говорилось, вели против Джинны настоящую войну, засыпая его письмами и телеграммами угрожающего характера. Они обвиняли его в предательстве за то, что он якобы препятствует слиянию Мусульманской Лиги и Конгресса в качестве единого фронта против британцев.

26 июля 1943 г. нанятый Хаксарами киллер сумел проникнуть в Саут-Корт, воспользовавшись нерадивостью охранников и оплошностью секретаря, и набросился с ножом на Джинну прямо у него в кабинете. Тому удалось перехватить нацеленную

на него руку с ножом и несколько смягчить удар. В результате Джинна отделался раной на подбородке и порезами на руках, которые ему забинтовала Фатима.

Набравшая охрана задержала Хаксара, который впоследствии был арестован, осужден и приговорен к пяти годам заключения. Кстати, когда Дина узнала, что отец ранен, она спросила, можно ли ей его сейчас увидеть. «Конечно», – ответил Джинна. И Дина бросилась через весь Бомбей к нему домой.

И наконец, Дина была одна из первых, кому Джинна сообщил о создании Пакистана. «Я была в Бомбее, у себя дома. Он позвонил по телефону и сказал: “Все. Он у нас есть.” Я спросила: “Есть что?” Он ответил: “У нас есть Пакистан.” Я сказала: “Ты столько сделал для этого!” Больше мы не виделись, потому что он находился в Пакистане»²⁰.

Уже после телефонного звонка Джинна послал дочери письмо, где подробнее рассказал о последних событиях. По интонации ее ответа очевидно, что как бы ни выглядели отношения дочери и отца со стороны, в них сохранялось много подлинной привязанности и тепла.

Дина писала: «Дорогой папа! Спасибо большое за твое письмо – так замечательно, что ты мне написал, поскольку я понимаю, как ты занят. Сейчас ты, наверное, находишься с вице-королем. Я должна сказать, что это потрясает, чего ты достиг в эти последние несколько лет, и я чувствую себя такой гордой и счастливой благодаря тебе. Ты являешься единственным человеком в современной Индии, который с самого начала был реалистом и блестящим тактиком. Мое письмо начинается звучать, как записки поклонников и болельщиков, правда?»²¹.

Джинна, похоже, скучал по внукам, так как Дина планировала в 1945 г. с его согласия вывезти детей в курортный пригород Бомбея – Джуху, где Джинна мог бы иногда навещать их, когда будет в городе. К сожалению, из этого ничего не вышло, и больше отец с дочерью не встретились. Вернее, последний раз Дина увидела отца на его похоронах, когда прилетела в Карачи 11 сентября 1948 г.

В 1970 г. в интервью газете *Pakistan Times* Дина рассказывала, почему их последнее свидание с отцом так и не состоялось.

Она до конца не верила в слова Джинны, угрожавшего, что он отречется от нее, если она выйдет за Невилла. И тем не менее в какой-то степени эта угроза оправдалась.

Дина вспоминала: «Я пережила душераздирающее доказательство этому, когда обнаружила, что, по его собственному приказу, мне было отказано во въездной визе, которую я запрашивала, чтобы нанести прощальный визит на перекресток его жизни и смерти. Это было наказание мне за то, что я разбила его сердце и разрушила его надежды в дни моего юношеского неистовства»²².

Вскоре после смерти Джинны Дина довольно точно сформулировала свое понимание роли отца в современном мире, роли, в которой необходимо отделять зерна от плевел: «Что касается его принципов, он твердо соблюдал их всегда. Он никогда не обманывал ни себя, ни других ни в частной, ни в общественной жизни. Меня страшно злит, когда на него возводят напраслину. Особенно, когда некоторые писаки, не знакомые с ним при жизни, притворяются, что хорошо его знали и цитируют меня как источник.

Они говорят фантастические вещи, будто он ел свинину, чего мусульмане никогда не делают. Они прикрывают глупыми выдумками незнание человеческих качеств моего отца. Среди мусульман субконтинента было много замечательных лидеров, но никто из них не дал людям того, что сумел дать мой отец: собственное государство. Народ Пакистана перед ним в неоплатном долгу. Не было бы Джинны – не было бы Пакистана»²³.

То немного, что Дина помнила о матери, конечно, не имело никакого отношения к письмам Сароджини Найду и ее дочерей, обвинявших Ратти в том, что она плохая мать. Дина вспоминала мать «юной, красивой, очень-очень интеллигентной, очень умной. Она любила красивые вещи, была веселой и обладала прекрасным чувством юмора. Ей очень нравилась поэзия и искусство»²⁴. Ясно, что ни на какое тяжелое детство, якобы лишенное родительской любви, здесь нет и намека.

О расставании родителей Дина рассказывала очень просто, «по-житейски»: «Дело было так. Он был очень-очень занятым человеком. Он вел много судебных дел и должен был обе-

спечивать семью. И потом он был поглощен большой политикой. А тут рядом молодая красивая девушка, а он просто неспособен уделить ей столько времени и внимания, сколько следует. Ну, а потом она заболела, очень серьезно. Она умерла от колита. Я знаю, что есть несколько разновидностей этой болезни, но у нее была самая тяжелая. Я навещала ее, когда она болела»²⁵.

Вскоре после достижения независимости и Раздела Дина и Невилл Вадиа разошлись. Хотя у них в Бомбее оставалось немало объектов недвижимости, Невилл переехал на постоянное жительство в Швейцарию, а Дина позднее перебралась в Нью-Йорк, где у нее были апартаменты на Мэдисон-авеню. На Манхеттене также жила и их младшая дочь Диана.

Невилл, долгое время бывший президентом торговой и текстильной империи «Вадиа групп», передал все дела сыну, и теперь Нусли является председателем совета директоров «Вадиа групп», при этом активно занимаясь филантропией, строя новые школы, колледжи, библиотеки, киностудии, больницы и бауги (дома общего проживания у парсов) не только в Бомбее и его пригородах, но и в Пуне и других городах Махараштры и Гуджарата, где еще проживают парсы.

Единственные правнуки Джинны, сыновья Нусли Джесс и Джахангир, живут в родном Бомбее и являются индийскими гражданами. Короче говоря, ни один из прямых потомков Джинны не стал пакистанцем. Проживи Джинна хоть немного дольше, он, со своим умением убеждать людей принимать правильное решение, сумел бы привлечь своих потомков работать в интересах созданного им Пакистана.

С Диной, вернее, с ее наследством, связана длившаяся много лет история владения домом Саут-Корт на бывшей Маунт-Плезант-роуд, на Малабарском Холме. Дом с относящимся к нему земельным участком, занимающий территорию в 2,5 акра, был построен в 1935 г., когда Джинна окончательно возвратился из Англии, и стоил 2 лакха (200 000) рупий – заоблачная цена в те времена. Построил его живший в Бомбее европейский архитектор Клод Бетли в форме роскошного бунгало в «индо-сарацинском» стиле, с видом на море, с использо-

ванием изысканного итальянского мрамора и декором из резных панелей из грецкого ореха.

Бетли вспоминал, что Джинна сам распорядился с составом строителей: он нанял, сообразуясь со своими вкусами, мусульманина-прораба, англичанина-строителя, индуса-сантехника и двух итальянцев-каменотесов²⁶.

Специально приглашенные итальянские каменотесы работали над кладкой, причем Джинна лично проверял, как они кладут «кирпич за кирпичом». Он жил в доме до 1947 г., после чего переехал в Карачи. Здание с его остроконечными арками, стройными колоннами и сложным декором в настоящее время находится в ветшающем состоянии и нуждается в серьезной реставрации.

В 1941 г. в Бомбее ходили слухи, что дом будет продан семейству миллионера Далмиа за 3 лакха, но сам Джинна подтвердил обратившейся к нему за разъяснением Дине, что «предполагаемая продажа – дикая сплетня»²⁷. Джинна был очень привязан к Саут-Корту и после Раздела обратился к Неру с просьбой разместить в этом здании какой-нибудь европейский консулат, поскольку именно европейцы могли оценить и сохранить архитектурные детали и достоинства дома. Неру согласился и предложил ему месячную аренду в 3 тыс. рупий, но прежде чем сделка вступила в силу, Джинна умер.

В 1955 г. Неру весьма благородно предложил в память о Джинне передать дом правительству Пакистана, однако Кабинет министров с этим категорически не согласился. Здание было сдано в аренду Верховному комиссару Великобритании в качестве жилого помещения до 1983 г. Позднее часть здания использовалась Индийским советом по культурным связям.

Начиная с 1979 г. Пакистан регулярно обращался к индийским властям с просьбой продать или хотя бы сдать в аренду Саут-Корт с целью превращения его в пакистанский консулат в Бомбее. Об этом просил во время государственного визита в Индию и президент Пакистана Первез Мушарраф своего коллегу – индийского премьера Атала Бихара Ваджпеи.

После долгих размышлений индийские власти ответили, что надо считаться с правами наследников Джинны и у правительства нет намерения передавать здание Пакистану.

Но у Джинны была всего лишь одна законная наследница в Индии, Дина Вадиа, к которой как к индийской гражданке не надо было применять закон об эвакуированной собственности или закон о вражеской собственности 1968 г. Теперь, когда Дины нет в живых, все ее исковые требования, очевидно, перешли к Нусли Вадиа.

Остается надеяться, что ему удастся вернуть в Саут-Корт ту атмосферу, которая была там при Каид-и-Азаме, – в виде ли пакистанского консулата или индийско-пакистанского культурного центра²⁸.

После публикации так называемых «Бумаг Джинны»²⁹ стали известны новые факты, касающиеся Саут-Корта. В частности, из разговора Джинны со Шри Пракасой, первым индийским верховным комиссаром для Пакистана, стало ясно, что Каид-и-Азам планировал еще раз вернуться в Бомбей и остановиться в своем доме. Пракаса потрясенно спросил, может ли он сообщить об этих планах Джинны своему премьер-министру, т. е. Неру. Джинна ответил утвердительно. Этот разговор происходил в июле 1948 г., т. е. за несколько месяцев до смерти Джинны³⁰.

Стало быть, Каид-и-Азам до самого своего конца верил, что он создал страну, в которую смогут свободно приезжать индийцы и откуда он будет летать в свой любимый Бомбей!

Но от дома, который построил Джинна, вернемся к Дине, которая должна была этот дом унаследовать. Раздел Индии, а не опрометчивое замужество на самом деле разделили Дину и ее отца. Раздел – это была угроза, стоящая на пороге каждого мусульманского дома. И Джинна, с которого все началось, не был исключением. Его единственная дочь должна была сделать трудный выбор: или уехать с отцом в Карачи на новую, созданную им родину, или остаться с мужем и детьми в Индии.

Она выбрала мужа, детей и знакомый с детства Бомбей – кто ее за это осудит? С отцом они больше не виделись, он скончался в течение года.

Моему коллеге, именитому антропологу и исламоведу, одному из наиболее авторитетных специалистов по Пакистану,

профессору Акбару Ахмаду в свое время неслыханно повезло: в конце 1990-х годов ему удалось несколько раз встретиться с Диной Вадиа и взять у нее большое интервью для своего документального фильма «Джинна: создание Пакистана» (Jinnah: Making of Pakistan). При этом Дина всячески избегала прессы, и ее немногочисленные интервью, которые она дала во время поездки в Пакистан, можно пересчитать по пальцам.

«Она согласилась выпить со мной чашку чая в ресторане по ее выбору, – говорит профессор Ахмад. – Пока мы разговаривали, я чувствовал себя глубоко смущенным и одновременно польщенным, находясь рядом с ней и имея возможность видеть в ней отблеск ее отца, которым я так восхищался. В манере ее речи, напористой и укороченной, в ее острых чертах, светлом цвете лица и элегантной одежде, которая была на ней, чувствовалось потрясающее сходство с ее отцом. Я знал, что она избегает прессы, как чумы, и сознательно не поднимал каких-либо вопросов об индийско-пакистанских проблемах»³¹.

На многие вопросы Дина отвечала иначе, чем принято в «классических» биографиях ее отца. С самого начала она определила материальное положение семьи Джинны без всяких сказок о бедном мальчике, делающем уроки под уличным фонарем: «Ему было 16, когда он захотел поехать в Англию. Он происходил из очень состоятельной семьи торговцев и ни в чем не нуждался. Его отец решил послать сына в Англию для продолжения образования. Он был согласен, но его мать была против». И цель, и обстоятельства поездки Джинны в Англию Дина трактует совершенно иначе, чем Болито, Уолперт и другие биографы.

На вопрос об отношениях Джинны и Ганди Дина ответила исключительно дипломатично: «Когда Ганди приехал из Южной Африки, мой отец уже был известным и популярным политиком. Я думаю, что их связывала общая задача, как выгнать британцев, как сделать Индию независимой».

О религиозности Джинны: «Он не был религиозным человеком, но, конечно, не был атеистом. Он уважал всякую веру и чужую религиозность».

Любимое выражение: «Если мусульманин получит десять рупий, то он пойдет и купит красивый шарф и наестся бирияни. А индус сбережет эти деньги».

О жизни в Лондоне: «Она вспоминала, что в начале 1930-х годов Джинна жил в большом доме в Лондоне, в районе Хэмпстеда, имел английского шофера, который водил его “Бентли” и английскую прислугу. В доме было двое поваров: индеец и ирландец. Любимой его едой было карри с рисом. В свободное время он любил играть в бильярд. Она помнит, как они ходили вместе с отцом в театр, на пантомиму и в цирк».

О реакции Джинны на ее брак с немусульманином: «Он отнесся к этому очень неодобрительно, так что мы не разговаривали несколько лет».

О попытке нападения на Джинну: «Он боролся с этим человеком. Тот ворвался в дом с ножом, а отец оказал сопротивление и порезался. Его шофер был у подъезда к дому, здоровенный патан, вот он и скрутил его».

Как она узнала о создании Пакистана: «Я была дома, в Бомбее, и тут позвонил папа и сказал: “Он у нас есть!” Я спросила: “Что есть?” И он ответил: “Пакистан!” Я сказала: “Ты столько трудился ради этого!” Ну, потом мы поговорили на личные темы, и все... Я больше никогда его не видела, потому что он был в Пакистане».

Похороны Джинны: «О, это было потрясающе! Я никогда не слышала и не видела стольких плачущих людей. Люди скорбели, рыдали, тысячи и тысячи лакхов людей, но это было ожидаемо. Помните, что Пакистан существовал чуть больше года, поэтому все было очень эмоционально».

В разговорах Дина вспоминала об отце с большой теплотой и называла его «милым человеком» (*sweet man*), наверное, мало кто еще мог назвать его так. «Конечно, он был строгим, как все мужчины, родившиеся в викторианскую эру. Это был их стиль поведения, скрывавший слабость, считавшуюся позорной»³².

«Она полностью отвергала все характеристики своего отца как человека холодного и бесчувственного, напомнив, что, разговаривая с собеседником, он обычно клал ему руку на плечо.

“Холодный человек не будет вас касаться, – говорила она. – Напротив, он подбадривал или успокаивал собеседника своим прикосновением”. Когда я сказал ей, что Маунтбеттен назвал ее отца психопатом, она ответила запальчиво, как ребенок: “Маунтбеттен сам был психопатом”».

Дина была категорически не согласна с тем, как изображен ее отец в знаменитом фильме Аттенборо «Ганди», хотя сам фильм ей понравился. Она отмечала, что ее отца в фильме представляли человеком «с бегающими глазами», «хитрыми», «вороватыми»; даже одежду ему дали поношенную, с воротником большим не по размеру. Хотя все знают, что ее отец был денди и одевался безупречно аккуратно.

О смерти матери: «Смерть мамы опустошила отца. Он уже никогда не был прежним, что-то в нем умерло. Занавес над ним упал. Я думаю, он от многого отказался. Не в своей работе, в своей политике, нет. Я думаю, он еще больше погрузился в работу. Но от простых жизненных радостей он отказался».

О пакистанцах: «Дина выразила свое раздражение пакистанцами, которых, как ей кажется, интересуется только, ел ли ее отец ветчину и пил ли он виски. Я спросил, правдива ли история о том, как ее мать принесла сэндвичи с ветчиной во время выборов. Дина вспомнила, что более 60 лет назад они ехали на поезде на курорт (hill station), где в дороге подали чай и сэндвичи с ветчиной. Ее отец отослал их обратно».

«Масштабы жестокости, убийства беженцев по обеим сторонам границы потрясли Джинну и ускорили его конец. Именно так видит Дина непосредственную причину смерти отца. Она верит, что он буквально пожертвовал своей жизнью ради новой нации. Ее недовольство пакистанцами объясняется тем, что нация не признала эту величайшую жертву и не стала жить в соответствии с идеалами Джинны».

О Ганди: «Дина подтвердила, что между ее отцом и Ганди была не личная, а политическая вражда». «Ганди был “прекрасный”, “милый”, “обворожительный”. Он обладал хорошим чувством юмора и ценил хорошеньких девушек, – сказала она со смехом, вспомнив, что была молода и хороша собой, когда познакомилась с Ганди».

«Она критикует события в Южной Азии: “Они не уважают Ганди в Индии, так почему они должны уважать моего отца в Пакистане? Нет пророка в своем отечестве.” Она считает, что на субконтиненте много “больных идей”, которые ведут к фундаментализму. А “глобальный фундаментализм” не менее опасен, чем глобальное потепление».

28 апреля 1947 г. Дина написала отцу: «Мой дорогой папа, прежде всего я должна поздравить тебя – у нас есть Пакистан! Как тяжело, как много ты трудился ради этого! Надеюсь, ты чувствуешь себя неплохо... Газеты печатают массу новостей о тебе... Дети только начали поправляться от коклюша, это займет еще месяц. В четверг я отвожу их в Джуху. Ты вернешься сюда? Если да, надеюсь, ты заедешь в Джуху и повидашь их. В любом случае, я позвоню и приеду, если ты не захочешь выходить из дома. Береги себя. Много любви и много поцелуев. Дина». Теплое, нежное «домашнее» письмо, без малейших признаков отчуждения.

Конечно, большой Раздел субконтинента затмевает раздел и распад семьи Джинны и его дочери, но в своем личном человеческом трагизме он создает мощную метафору. Для Дины было еще более мучительно, что дата Раздела – полночь с 14 на 15 августа – была днем ее рождения. В ее бомбейском доме на столе всегда стояли два государственных флага – индийский и пакистанский – как символ ее личной дилеммы.

Тягостное положение «дочери главного врага индийской нации», в котором жила Дина, пока окончательно не переехала на Запад, должно быть, давило Джинну тяжким грузом и мучило его печали, которых становилось все больше под развалами, вызванными Разделом.

¹ Nazar Syed M. Dear Dina // *The Express Tribune*. 24.12.2017.

² Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017. P. 369.

³ Ibid. P. 362.

⁴ Ahmed S. Akbar. Remembering Dina. Part 2 // *The Express Tribune*. 08.11.2017.

⁵ Wolpert Stanley. *Jinnah of Pakistan*. New Delhi: OUP, 2005. P. 156.

⁶ Armstrong H.C. *Grey Wolf, Mustafa Kemal: An Intimate Study of a Dictator*. London: Routledge, 2016.

- ⁷ Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955. P. 102.
- ⁸ Ibid. P. 152.
- ⁹ Wolpert Stanley. Op. cit. P. 160.
- ¹⁰ Shahnawaz Jahan Ara. *Reminiscences // Ahmad Jamiluddin. Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 98.
- ¹¹ Bolitho Hector. Op. cit. P. 106.
- ¹² Haider Khwaja Razi. *Ruttie Jinnah*. Karachi: OUP, 2010. P. 97–98.
- ¹³ Atique Zafar Sheikh. *Quaid-i-Azam's Family Environment // Dani Ahmed Hasan (ed). World Scholars on Quaid-i-Azam Mohammad Ali Jinnah*. Islamabad: Quaid-i-Azam University, 1979. P. 58.
- ¹⁴ Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. Mumbai: Bharatiya Vidya Bhavan, 2012. P. 120.
- ¹⁵ Manto S.H. *Selected Stories / tr. by Aatish Taseer*. Vintage/Random House India, 2008. P. 82.
- ¹⁶ Dina Wadia visits mausoleum of Quaid. URL: <http://www.dawn.com/news/354945/dina-wadia-visits-mausoleum-of-quaid>.
- ¹⁷ Wolpert Stanley. Op. cit. P. 370.
- ¹⁸ Ahmed S. Akbar. *Jinnah, Pakistan, and Islamic Identity: The Search for Saladin*. London, Routledge, 1997. P. 214.
- ¹⁹ Shahnawaz Jahan Ara. *Reminiscences // Ahmad Jamiluddin. Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 99.
- ²⁰ Ahmed S. Akbar. Remembering Dina // *The Express Tribune*. 07.11. 2017.
- ²¹ *Quaid-i-Azam Papers*. Islamabad: National Archives of Pakistan, n.d. File No.510.
- ²² Qureshi Fazal Haque (ed). *Every Day with Quaid-i-Azam*. Karachi: Sultan Ashraf Qureshi, 1978. P. 136–137.
- ²³ *Pakistan: Past and Present*. London: Stacy International, 1977. P. 54.
- ²⁴ Ahmed S. Akbar. Op. cit. P. 225.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Bolitho Hector. Op. cit. P. 135.
- ²⁷ Jinnah's bungalow // *Himal Southasian magazine*. September 2001.
- ²⁸ Dutta Prabhaskar K. Story of Jinnah House where partition of India was discussed // *India Today*. 01.04.2017. Retrieved 11.08.2020.
- ²⁹ Zaidi Z.H. (ed). *Jinnah Papers: Pakistan Struggling for Survival*. National Archives of Pakistan, 2002.
- ³⁰ Sri Prakasa. *Pakistan: Birth and Early Days*. Meerut: Meenakshi Prakashan, 1965. P. 98.
- ³¹ Здесь и далее ссылки по Ahmed S. Akbar, Remembering Dina. Part I // *The Express Tribune*. 07.11.2017.
- ³² Здесь и далее ссылки по Ahmed S. Akbar, Remembering Dina. Part II // *The Express Tribune*. 08.11.2017.

Глава VIII

ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

Джинна был человеком светским, что отмечали все окружающие, но при этом он являлся прирожденным интровертом. Светскость его была не натуральная и «легкая», как бывает у сангвиников, а воспитанная и усвоенная, поэтому часто его анекдоты или «побасенки» казались слушателям тяжеловесными, на что постоянно жаловался лорд Маунтбеттен. Проводя все свободное время в обществе приятелей-мужчин, чью компанию он всегда предпочитал дамской, Джинна, тем не менее, не имел близких друзей и, как уже неоднократно говорилось, довольно строго соблюдал дистанцию.

Однако в 1913 г. впервые в жизни Джинна привязался к другому человеку, и что удивительно – не к собрату-мусульманину и не к парсу, которых было так много в его кругу, а к индусту, известному просветителю Гопалу Кришне Гокхале (1866–1915), что дезавуирует заявления М. Чагла и других недоброжелателей о коммунализме Джинны и его заведомой неприязни к индуистам.

Гокхале – политический и общественный деятель, один из лидеров движения за независимость Индии во время британского колониального правления. Гокхале стоял у истоков Индийского Национального Конгресса (ИНК), но его деятельность была в большей степени связана с продвижением социальных реформ, нежели с борьбой именно за независимость Индии.

Гокхале был одним из основателей Общества служителей Индии. Через общества, в которых он состоял, а также через ИНК и другие законодательные органы, в которых служил, Гокхале способствовал не только достижению независимости

от Британской империи, но и развитию социальных реформ. Для достижения своей цели Гокхале преследовал два принципа: ненасилие и реформы в рамках существующих государственных учреждений.

Гокхале родился в небогатой брахманской семье и обладал характером одновременно сильным и дружелюбно-обаятельным. Он получил образование в бомбейском Элфинстон Колледже и выбрал гуманитарную стезю – стал профессором истории и политэкономии в Пуне за совершенно номинальную зарплату, причем работал практически бесплатно в этой должности на протяжении 20 лет.

Членом ИНК Гокхале стал ещё в 1889 г., с 1895 г. исполнял функции одного из его секретарей, а в 1905 г. на заседании в Бенаресе был на год избран его президентом. По воспоминаниям современников, Гокхале отличался убедительным красноречием и широкой образованностью.

Поскольку он придерживался умеренных позиций в национальном движении и стремился к диалогу с английскими властями по расширению гражданских прав индийцев и их доступа к государственной службе, а также активно выступал против крыла так называемых «агрессивных националистов» в Конгрессе, лорд Керзон, в то время вице-король Индии, признал его «бескорыстным патриотом» Британской империи и в 1904 г. представил к награждению орденом Индийской империи¹.

В 1905 г. Гокхале основал Общество служителей Индии, члены которого должны были принять обет бедности и пожизненно служить своей стране в религиозном духе, способствуя распространению знаний и защите национальных интересов всех народов Индии.

Будучи избран в Законодательное собрание вице-королевства в 1910 г., он способствовал введению обязательного образования во всех индийских провинциях, а в последние годы жизни, несмотря на болезнь, был активным членом Индийской комиссии общественной службы, в 1908 г. совершил поездку в Великобританию, а в 1912 г. – в Южную Африку. Умер в Пуне.

Гокхале был одним из наставников Махатмы Ганди, который впоследствии отзывался о нём уважительно, но не разде-

ляя веру последнего в возможность добиться лучшего будущего при сохранении британской власти и путём одних лишь социальных реформ.

В конце 1911 г. в Дели в честь нового короля Георга V и королевы Марии был устроен знаменитый *Дарбар*, на котором присутствовала вся индийская знать от мала до велика. Король уже посещал Индию в ранге принца Уэльского в 1905 г. и тогда познакомился со многими известными индийцами, с Гокхале в их числе. Тогда их встреча происходила следующим образом: «На одном из больших приемов принц присел в альков отдохнуть. Я подвел к нему своего старинного друга, великого индийца мистера Гокхале и представил его принцу.

Принц сказал: “Я читал вашу статью из Бенареса, где вы пишете, что индийцам было бы лучше, если бы они занимали гораздо бо́льшую часть в администрации. Я путешествую уже несколько месяцев по Индии и никогда не видел, чтобы люди выглядели такими довольными. А что, индийцы были бы еще счастливее, если бы вы управляли страной?”

Гокхале ответил: “Нет, сэр, я не говорю, что они были бы счастливее, но у них было бы больше чувства самоуважения”. “Может быть, – сказал принц. – Но я не понимаю, о каком самоуважении идет речь, если индийцы относятся к своим женщинам так, как сейчас”. “Да, это страшный позор! – воскликнул Гокхале. – Но насколько мне известно, европейским женщинам приходится испытывать не меньший позор, продавая себя, чтобы накормить ребенка”»².

Несмотря на разницу происхождения, вероисповедания и возраста (Гокхале был на 10 лет старше), Джинна и Гокхале понравились друг другу с самой первой встречи. И в дальнейшем между ними не было конфликтов и недопонимания, а Джинна, которому были свойственны сарказм и сухость в общении, относился к Гокхале с несвойственной ему мягкостью и теплотой. Гокхале говорил о Джинне: «В нем была настоящая основа и свобода от всех сектантских предубеждений, которые делали его лучшим послом индусско-мусульманского единства». На это Джинна отвечал: «У меня одна амбиция – стать мусульманским Гокхале»³. Безусловно, эти слова Гокхале относятся к раннему

периоду убеждений Джинны, когда он искренне верил в возможность индуско-мусульманского единства.

Знавший Джинну совсем молодым, его очередной приятель-парс сэр Ковасджи Джахангир вспоминал: «Я знал его, когда он только появился в Бомбее, и в нем было гораздо больше от павлина, чем в поздние годы, когда к нему пришел успех. Могу уверить вас, что он был совершенно искренен насчет индуско-мусульманского единства. Это не был политический трюк. Вообще, надо сказать, какие бы ошибки он не допускал, среди них не было политических хитростей и интриг»⁴.

Не считая делегаций, конференций и деловых поездок, Джинна обычно не путешествовал ради развлечения и разнообразия. Но в апреле 1913 г. оба друга решили, что им необходимы каникулы и уплыли в Англию «на отдых». Как обычно, Джинна не оставил ни дневников, ни писем, рассказывающих об этой поездке. Сароджини, в свойственной ей поэтической манере, представляла, что «арабские звезды и египетские воды, безусловно, вели учет их взаимным надеждам и мечтам о стране, которой они посвятили свое служение»⁵.

Слово «каникулы» было, конечно, не из лексикона Джинны – работа была его нормальным состоянием, а во время «отдыха» он скучал. В ходе поездки с Гокхале он добавил две главы в свою историю: помог создать в Лондоне Индийскую ассоциацию для индийских студентов, которых теперь в Лондоне стало гораздо больше, чем когда учился Джинна, и далеко не все они были детьми состоятельных родителей и должны были учиться, подрабатывать и выживать сами.

Второе решение, которое принял Джинна, – это выступление в Мусульманскую Лигу накануне своего возвращения в Индию. Остаток лета друзья провели, путешествуя, в частности, по Франции. Детали этого путешествия снова неизвестны, но коль скоро они пребывали вместе до глубокой осени, значит, общество друг друга им нравилось.

В декабре Джинна и Гокхале прибыли в Карачи на очередную встречу Конгресса. В своем выступлении Джинна неожиданно проявил сентиментальность, как говорят пакистанцы, «going down memory lane» («спускаясь по тропинке памяти»),

вспоминая друзей, с которыми играл на улице в детстве. Некоторые из этих бывших синдхских мальчишек теперь чинно сидели в зале.

Возвращаясь со встречи членов Конгресса, Джинна как раз спускался по узкой улице, где в далеком детстве встретил астролога, предсказавшего, что он «станет повелителем в своей стране». Но астролог уже давно не сидел на земле и не писал палкой в пыли и не мог остановить Мохаммеда Али, чтобы объявить ему новое предсказание, теперь скорее предупреждение:

«Твои обещания о гармонии не принесут никакой пользы. Через тридцать четыре года ты вернешься в Карачи, как король. Но, чтобы достичь этого, твои соплеменники разделятся на части, направленные друг против друга. И пока они будут делиться сами и делить нажитое, сотни тысяч мусульман и индусов должны будут погибнуть»⁶. И это страшное воображаемое предсказание сбылось, как некогда сбылось предсказание Митхибай – матери Джинны.

Дружбе Гокхале и Джинны был отпущен короткий срок. Последние два года Гокхале постоянно болел и в 1915 г. скончался. Умер единственный человек, которого Джинна считал дорогим и близким другом. Позднее Джинна вспоминал его «либеральную и широкую государственную мудрость», говорил о нем как «о великом индуисте» и «башне интеллекта»⁷. Через несколько месяцев после смерти Гокхале, упоминая его имя, Джинна признавался, что испытывает «печаль и горе» – слова, крайне нетипичные для его «холодного» вокабуляра. Во всяком случае, когда умер отец Джинны, никто из его сестер не слышал от него ничего подобного.

Сароджини также написала в некрологе на смерть Гокхале, что «его кончина соединила индусов и мусульман чувством общей потери и печали». Она верила, что «созрело время для более прямого и определенного сближения двух основных общин»⁸.

Так часто друзья и коллеги Джинны повторяли эту мантру о нем как о посланнике индусско-мусульманского единства, то можно только представить всеобщее разочарование, местами переходящее в ненависть, когда Джинна кардинально сменил

свои убеждения, поняв, что никакого «индусско-мусульманского единства» после ухода надзирающих «за порядком» британцев в Индии не будет.

Судья Чагла, перешедший из стана поклонников Джинны в стан его врагов, писал: «Эволюция Джинны от национального лидера к лидеру коммуналистов остается для меня тайной. Для меня было невероятно, что Джинна когда-нибудь станет главным архитектором Пакистана. Его индийский национализм был таким естественным, что ожидать, что он так резко качнется из одной стороны в диаметральной направленности, казалось мне противоречащим ожиданиям нормальной человеческой натуры»⁹.

Для того, чтобы окончательно демонизировать Джинну, Чагла позволил себе откровенно солгать, и свидетелем этой лжи стал их общий знакомый Диван Чаман Лал, который спустя годы признался интервьюеру, что разговор между Джинной и Чаглой был искажен. Якобы Чагла спросил у Джинны: «Вы боретесь за Пакистан в интересах штатов с мусульманским большинством. Но что будет с мусульманами в штатах, где они в меньшинстве, как в Уттар-Прадеше?» – Я никогда не забуду его ответ. Он посмотрел на меня какое-то время и сказал: «Они сами устроятся. Их судьба меня не волнует»¹⁰. Впоследствии Чаман Лал отрицал и самое содержание разговора, и «циничный» ответ Джинны¹¹.

Чагла вообще отказывал Джинне в нормальных человеческих чувствах, объясняя, что окончательно расстался с ним после восьми лет совместной работы и приятельских отношений, поскольку Джинна стал сторонником «теории двух наций» и провозвестником Пакистана. Чагла писал в своих мемуарах: «Как я говорил ранее, в характере Джинны нет личной или человеческой стороны. Он не верит в дружбу и человеческие контакты. Он всегда был крайне эгоцентричен, интересовался только собой и политикой, потому что этот интерес продвигал его личные амбиции и придавал ему чувство величия. Его надменность, которая росла с каждым днем, стала невыносимой, когда он начал относиться к себе как к Великому Вождю всех мусульман субконтинента»¹². Как видим,

у Джинны были настоящие враги, готовые отрицать все его заслуги и достоинства.

Среди приятелей Джинны была вся тогдашняя элита, люди, прославившиеся своими достижениями или выдающимися достоинствами, вкладывавшими в развитие индийского общества или большой духовный труд, как Гокхале, или большие финансовые средства.

Среди вторых был Мохаммед Али Мохаммед Хан Бахадур Махараджа Махмудабада (1878–1931), известный политик, богатейший землевладелец-заминдар, просветитель и меценат. Раджа был родом из княжества Авадх, где его семье еще со времен Великих Моголов принадлежали крупнейшие земельные *джагиры** и *талуки*** в округе Ситапур. Городская резиденция раджи находилась в столице Лакхнау, где, собственно, он и развернул свою меценатскую деятельность¹³.

Раджа сыграл важную роль в превращении Лакхнау из средневековой столицы королевства Авадх в современную столицу Объединенных провинций, и решающим фактором здесь стал основанный в 1920 г. и построенный на средства двух раджей – его и раджи Джахангирабада – Лакхнауский университет, один из лучших и крупнейших гуманитарных университетов Северной Индии, где мне повезло не раз побывать.

Одновременно с Лакхнауским университетом раджа финансово поддерживал знаменитый Мусульманский Англо-Ориентальный Колледж, из которого вырос еще более прославленный Алигархский университет. Генерал-губернатор Челмсфорд назначил Раджу вице-канцлером Алигархского университета, а канцлером и проканцлером стали такие селебрити, как Наваб-Бегум (наследственная правительница) княжества Бхопал и Ага Хан.

Раджа финансировал все просветительские мероприятия, которые часто проводились в Лакхнау. Видимо, «для себя»,

* *Джагир* – господствующая форма феодального землевладения в Империи Великих Моголов XVI–XVIII вв. Владелец джагира (джагирдар) фактически являлся полновластным правителем своего владения.

** *Талука* – территориально-административная единица в Индии, являющаяся частью округа. В Северной Индии термин талука употреблялся как синоним феодального владения.

из воспоминаний его детства родилось еще одно учебное заведение, чисто лакхнауское «Мадрасат ул-Ваизан» («Мадраса Проповедников») – центр обучения ораторскому искусству и риторике, которые были связаны с традициями чтения проповедей в священный месяц *мухаррам* у шиитов-иснаашаритов (двунадесятников).

Наряду с просветительской деятельностью Махараджа много сил отдавал поддержке Мусульманской Лиги (в частности, был ее президентом с 1917 г. по начало 1920-х годов) и практически субсидировал партию, пока она была невелика, выделяя на это 3000 рупий в год.

При этом Махараджа был известен своим гостеприимством, щедростью и добротой. Когда во время движения несотрудничества многие лидеры ИНК, включая Мотилала Неру, попали в тюрьму в Лакхнау, Махараджа, пользуясь своей «местной» властью, сделал все, чтобы их освободили как можно скорее¹⁴.

К своим друзьям Махараджа был трогательно внимателен. Уже говорилось, как на свадьбе Джинны он отдал невесте свой драгоценный бриллиантовый перстень, поскольку жених об обручальных кольцах просто забыл. Медовый месяц новобрачным также организовал Раджа, пригласив их на свой горный курорт в Найнитале. У Махараджи было шутовское прозвище «42 перемены» – столько перемен блюд подавали во время праздничных обедов у него во дворце¹⁵.

Судья Чагла описывает такой прием в резиденции Махараджи в Лакхнау: «Я помню первый вечер, когда мы все сели обедать. Нашим хозяином был Махараджа Махмудабада, прославленный своим гостеприимством. Я верю, что Монтегю, бывший государственным секретарем, записал в своем дневнике, что, когда он обедал с Махараджей Махмудабада, ему был предложен обед из 42 перемен. С нами были почти так же щедры в Кайсар-баге, как и с Монтегю. Я помню первый обед – мы начали с западной кухни – суп, рыба, мясо и так далее. Затем сервировали мусульманскую кухню: цыплят *мург мас-сала*, плов *бирияни* и все знаменитые блюда Севера. А в конце подали индусскую еду с лепешками *пури*, овощами и индий-

скими сладостями. Когда я сел за стол, я решил, что обед будет состоять только из английских блюд, и поэтому наелся вдоволь. Но когда подали мусульманские и индусские деликатесы, я мог только сидеть и смотреть. Мотилал Неру и Тедж Бахадур Сапру, которые были относительно пожилыми людьми, держались крепко и не отставали, отдавая должное всему, что подавали к столу. Помню, как Мотилал-джи сказал мне: “Молодой человек, как вы собираетесь бороться за свою страну, если не умеете есть?”»¹⁶.

За свои гуманитарные заслуги в развитии высшего образования в Алигархском и Лакхнауском университетах Махараджа был награжден главными почетными титулами (Хан Бахадур)* и орденами – Орденом Звезды Индии, Орденом Индийской Империи и Орденом Индийской Короны. Как всякий аристократ, рожденный в Лакхнау, столице поэзии урду, Махараджа был поэтом и сочинял традиционные шиитские элегии – *марси* под псевдонимом (*тахаллусом*) «Мохиб» (благородный).

Среди молодых помощников Джинны было немало людей не только хорошо и современно образованных, но к тому же деловых и финансово состоятельных. До 1935 г. Мусульманская Лига всегда испытывала денежные затруднения, даже несмотря на щедрость отдельных лиц вроде Раджи Махмудабада. Но на содержание общенациональной и активно работающей партии требовались другие средства и другие покровители. Таким главным финансистом партии стал Мирза Абул Хасан Испахани, отпрыск основателей финансово-коммерческой империи из Калькутты.

Испахани познакомился с Джинной в Кембридже, когда учился на первом курсе. Джинна часто выступал перед индийскими студентами и во время первой встречи произвел на молодого человека большое впечатление: «Его отличительной чертой была узкая прядь седых волос точно посередине головы. Тогда легко было понять, почему женщины любого возраста не могли устоять перед обаянием его личности»¹⁷.

* Хан Бахадур – соединение слов хан (вождь) и бахадур (храбрый) – формальный титул уважения и почета, который присваивался исключительно мусульманам и другим неиндусским уроженцам Британской Индии.

Один из младших братьев Ратти, Джамшед Петит, учился вместе с Испахани в Кембридже и был его другом. Джинну с женой пригласили в дом Испахани на большой прием, где играл джаз-банд и гости лихо отплясывали чарльстон. И только Джинна и юный Испахани, не обращая внимания на танцующих, отправились играть в бильярд, в перерывах разговаривая о политике. Вскоре Испахани принял приглашение Джинны войти в Центральную парламентскую комиссию Лиги и довольно быстро стал наиболее доверенным лицом и опорой Джинны в Бенгалии.

Новое поколение, к которому принадлежал Испахани, понимало срочную необходимость создания экономической инфраструктуры будущего Пакистана. Значительный личный вклад Испахани внес в создание первой мусульманской авиакомпании Ориент Эйруейз, из которой впоследствии выросла национальная пакистанская авиалиния P.I.A.

Под руководством Каид-и-Азама Испахани активно занимался банковским делом, следуя словам Джинны: «Мы претендуем на то, что являемся нацией в 100 млн человек и при этом имеем всего один банк (Хабиб-банк), в то время как в Индии работают сотни банков. Без экономического прогресса свобода ничего не стоит»¹⁸.

Испахани принадлежит весьма тонкое определение некоторых особых качеств психики Каид-и-Азама: «Наш великий лидер был одарен сверхчеловеческим предвидением и способностью предвосхищать события. Это было настоящее благословение, помогавшее ему не только в его юридической профессии, но и когда он стал единственным лидером индийских мусульман»¹⁹.

Действительно, воспоминания современников о Джинне полны рассказов о том, когда ему в последний момент, чуть ли не чудом, удавалось избежать серьезных неприятностей, угрожавших ему лично, Мусульманской Лиге или пакистанскому движению. Безусловно, уровень интуиции был у Джинны намного выше нормального, но большую роль играл и просто богатый опыт, и изобретательность профессионального юриста.

Испакхани принадлежит пересказ разговора с Джинной в июле 1948 г. в Зиярате, когда Каид уже не вставал с постели. Испакхани уговаривал Джинну отдыхать и не тревожиться о текущих делах: «Я умолял его и говорил, что его жизнь означает для нашего новорожденного государства больше, чем все, вместе взятое, и что, если он покинет нас в столь критический момент нашего существования, это будет великой трагедией. Он улыбнулся и сказал: “Мой мальчик, было время сразу после Раздела в начале 1948 г., когда даже я не был уверен, переживет ли Пакистан так много страшных и неожиданных проблем, которые создавала нам Индия. Но мы выжили, и ничто не должно больше нас так тревожить. Я больше ничего не боюсь. Люди могут приходить и уходить, но Пакистан создан на самом деле крепко и будет жить всегда, по милости Аллаха”»²⁰.

Джинна был надежным другом, и если кому-то из его друзей угрожала опасность, он делал все возможное, чтобы помочь. Так, его друга Бенджамена Хорнимена, редактора газеты *Bombay Chronicle*, правительство собралось депортировать. Об этом скандальном деле вкратце написано в главе V настоящей книги. Ночью полицейские арестовали Хорнимена в военном госпитале, где он проходил лечение, привезли его в порт и там посадили на пароход, отплывающий в Англию. Его срочная и неожиданная депортация была сфабрикована на скорую руку приписанной ему статьей о том, что британские войска якобы используют пули с наконечником из мягкого металла для разгона толпы.

Новость о депортации Хорнимена застала Джинну врасплох, хотя она и была предсказуемой. Как редактор *Bombay Chronicle* Хорнимен вызывал гнев властей, поскольку играл главную роль в разоблачении произвола правительства, особенно после массового расстрела в Джаллианвала-Багх и последующего за ним военного положения, установленного в Панджабе.

Джинна и Хорнимен подружились в Лондоне, в студенческие годы, поскольку оба увлекались театром. При этом они были разительно несхожи: Хорнимен, холостяк несколькими годами старше Джинны, был сентиментален и, по опре-

делению Сароджини Найдю, «глубоко неметодичен». Джинна, как полная противоположность ему, был неэмоционален и сверхметодичен. При этом они были искренне привязаны друг к другу. Интерес Хорнимена к работе в Индии возник из его дружбы с Джинной. Сначала он нашел работу редактора в газете *Statesman* в Калькутте, а затем Джинна помог ему перебраться в Бомбей и устроил его редактором в новую национальную газету, которую учредил его друг и патрон сэр Ферозшах Мехта.

Трое свободных мужчин (Джинна и Ферозшах были еще холостяками) подружились и проводили свободное время вместе, обычно в загородном поместье Ферозшаха в Пуне, где, по версии Шилы Редди, и вспыхнул «роман века» между Джинной и Ратти. После смерти сэра Ферозшаха, который был намного старше своих друзей, Джинна был назначен председателем совета директоров *Bombay Chronicle*, и газета, которую редактировал Хорнимен, стала настоящим рупором Джинны.

В том числе и по этой причине депортация Хорнимена была тяжелым ударом для Джинны. Новый губернатор Бомбея сэр Джордж Ллойд внес Джинну в список политиков, враждебно относящихся к правительству империи, и считал, что его политическое влияние должно быть, по меньшей мере, сокращено до минимума. Но вместо того, чтобы встретиться с Джинной лицом к лицу, а не скрываться от него, губернатор решил просто закрыть газету по сфабрикованному обвинению. Закрывая газету, которую губернатор считал рупором взглядов Джинны и платформой для его политических кампаний, он надеялся, что его противника ожидает полное политическое забвение.

Конечно, Джинна боролся. Хорнимену он помочь уже не мог, потому что тот был на пути в Англию. Но снять запрет с издания газеты Джинна пытался, хотя губернатор не желал принимать его для объяснений и не отвечал на его письма. Наконец через месяц бурной переписки власти смягчились и разрешили возобновить издание при условии предварительной цензуры редакционного содержания.

В это время к борьбе за газету и ее редактора подключилась Ратти, которая испытывала к Хорнимену дружескую сим-

патию. С этой целью она посетила конгресс профсоюзов, впервые проходивший в Бомбее, и вынесла на обсуждение резолюцию, протестующую против депортации Хорнимена. На конгрессе было много участников, в основном, как везде в Индии, зал был полон солидных мужчин. Но, тихо сидя одна в боковой ложе, Ратти сумела добиться слова для выступления, представить свою резолюцию и, по словам свидетеля, «говорила пять минут убежденно и страстно»²¹, настолько эта тема была важна лично для нее. Правда, в последующем Ратти никогда больше не выступала публично, считая это прерогативой мужа.

Со временем, через свои связи в Лондоне, Джинне удалось добиться для Хорнимена разрешения вернуться в Индию. Продолжала выходить газета *Bombay Chronicle*. История депортации Хорнимена доказывает, насколько неравнодушным к судьбам своих друзей бывал Джинна и как сильно проявлялось в нем желание помочь людям, пострадавшим от произвола властей.

Наряду с приятелями, сподвижниками и доброжелателями, о которых шла речь до сих пор, следует помнить, что у Джинны было много соперников, завистников и настоящих недругов. Конечно, самым главным соперником, претендующим на лидерство в национально-освободительном движении в масштабах всей страны, был святой и герой нации Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948). Однако наиболее резкие, подчас грубые, отзывы о Джинне исходили вовсе не от Ганди, а от Джавахарлала Неру.

По известным ему причинам, Неру прямо-таки физически ненавидел Джинну*. К тому же он непрофессионально для политика со стажем ошибся во всех своих прогнозах, касающихся создания и дальнейшего существования Пакистана. И если Неру, как и другие «отцы наций», обладал каким-либо даром предвидения, то в ситуации с Пакистаном этот дар его подвел.

* Любопытно, что Мотилал Неру к Джинне относился с большой симпатией и любил проводить свободное время в его обществе. До начала движения гандистского «несотрудничества» и всеобщего «опрощения» Мотилал, наряду с Джинной, входил в группу элегантных законодателей моды.

Будучи другом и доверенным лицом Маунтбеттена, Неру представлял ему Джинну как фигуру, не заслуживающую серьезного внимания. Так, со слов Неру, Маунтбеттен считал: «Чтобы разобраться в Джинне, важно понять, что это за человек, к которому успех пришел очень поздно, в шестьдесят с лишним лет (а общенациональный успех “Пакта Лакхнау” в 1915 году? – А.С.). До этого он не играл значительной роли в индийской политике...был преуспевающим адвокатом, но не слишком выдающимся... (самым лучшим, по отзывам десятков коллег, включая Ганди. – А.С.). Секрет его успеха – а успех был огромным, хотя бы с эмоциональной точки зрения, – в его способности постоянно занимать отрицательную позицию...Он понимал, что Пакистану ни за что не выдержать конструктивной критики, и сделал так, чтобы тот этой критике и не подвергся»²².

Слова Неру только обнажают его ненависть к Джинне, но совершенно не объясняют истинный источник силы и успеха Каид-и-Азама – без всякой «конструктивной критики» и «отрицательной позиции» он создал свой Пакистан и передал его своему народу, а в чем таился секрет его успеха, Джавахарлалу было понять не дано.

Любопытно, что Ганди и Джинна не понравились друг другу во время первой же встречи в Бомбее, где Общество Гуджарати, так называемая «Гуджар Сабха», устроило садовый прием в честь приезда Ганди, на котором председательствовал Джинна. Джинна напрасно обидел Ганди, предположив, что тот вряд ли посвятит себя борьбе за освобождение Индии: «Жаль, что в Южной Африке не нашлось своего человека, который бы занял его (Ганди) место и боролся бы за них». В ответ Ганди также задел Джинну, неуместно и некстати указав на его вероисповедание: «Я рад видеть, что членом “Гуджар Сабха” и председателем нашего собрания является мусульманин»²³. Собрание имело этнолингвистический характер, и религиозная принадлежность председателя была здесь непричем.

Джинну и Ганди постоянно сравнивали, причем иногда сравнение было в пользу Ганди, иногда – в пользу Джинны. Начал их сравнивать еще Эдвин Монтегю после своей поездки в Индию, понимая, что в одном из этих двоих людей, воз-

можно, воплотится будущее субконтинента. Монтегю назвал Ганди «подлинным социальным реформатором» «с настоящим желанием найти больные места и вылечить их не в интересах прославления себя, но чтобы улучшить положение своих соотечественников». О внешности Ганди он добавил, что «тот одет, как кули», «питается воздухом и является чистым визионером»²⁴.

Тем не менее как бы экзотически ни выглядел Ганди в глазах Монтегю, наибольшее впечатление на него произвел Джинна: «Молодой, с отменными манерами, с запоминающейся внешностью, до зубов вооруженный диалектикой и настойчивый во всех своих замыслах... (вице-король) Челмсфорд пытался спорить с ним и был скручен в бараний рог. Джинна – очень умный человек, и, конечно, досадно, что такая личность не имеет возможности управлять делами в своей собственной стране»²⁵.

Я вторично повторяю эту цитату из Монтегю, поскольку, в сущности, в нее все и упирается: человек с исключительными талантами и достоинствами, равный Джинне, должен был обладать какими-то рычагами власти в своей стране, а коль скоро ему в этом отказывало само государство, пришлось создавать другую страну с чистого листа.

Трудно представить двух людей, столь несхожих, противоположных во всем, как Ганди и Джинна, – хотя Ганди внутренне и внешне был столь уникален, не похож ни на кого, что и сравнивать его с кем-либо бессмысленно. Джинна хотя бы внешне выглядел «как все», т. е. он был человек здравомыслящий, сдержанный и осторожный. Прежде чем предпринять нечто, он всегда думал о последствиях. Убежденный конституционалист, он никогда не принимал неконституционные методы, которые широко использовал Ганди.

Насчет соблюдения «конституционных методов» Джинна был adamant и даже покинул Лигу Гомруля, которую когда-то возглавлял (заменяя интернированную во время войны Анни Безант), поскольку Ганди задумал сменить ее название на индийский лад «*Сварадж Сабха*». По воспоминаниям Чаман Лала, всякий раз, когда Джинна протестовал против методов Ганди,

которые он считал экстремистскими, он повторял фразу: «Вы идете неверным путем, а я иду путем правильным: конституционный путь – всегда правильный путь»²⁶.

Ганди просил Джинну остаться в Лиге Гомруля (или «*Сварадж Сабха*») «ради новой жизни», но тот отказался и ответил ему часто цитируемым письмом:

«Если под “новой жизнью” вы разумеете ваши методы и вашу программу, боюсь, я не смогу их принять, будучи целиком и полностью уверен, что они приведут к катастрофе. На деле новая жизнь, открывшаяся перед нами, состоит в том, что мы имеем правительство, не обращающее внимания на обиды, чувства и настроения народа;

...Ваши методы уже стали причиной раскола почти во всех организациях, с которыми вы до сих пор сталкивались, а в жизни общества – не только между индусами и мусульманами, но и между индусами и индусами, мусульманами и мусульманами и даже между отцами и сыновьями;

...Ваша экстремистская программа поразила воображение преимущественно неопытной молодежи и людей невежественных и неграмотных. Все это означает полную дезорганизацию и хаос»²⁷.

Ганди был на семь лет старше Джинны и многократно известнее в международном масштабе, однако в Индии большинство профессионалов были уверены, что именно Джинна обладает большим опытом и природным талантом как юрист и адвокат. В своей мягкой, но крайне настойчивой манере Ганди играл роль ментора перед Джинной, не понимая, что тот вообще не приемлет никаких поучений. Чем больше Джинна сопротивлялся урокам Махатмы, тем настойчивей становился последний. Пример тому – многократно цитированные в этой книге уговоры и требования, чтобы Джинна перешел с английского на гуджарати или хиндустани.

Джинне и Ганди приходилось общаться довольно часто, иногда их встречи проходили нервно и напряженно, иногда – вполне доброжелательно, но внутренний раскол во взаимопонимании, заведомое неприятие позиции собеседника сохранялись в них всегда, что выражалось во внешне шутили-

вом (хотя порой и весьма ядовитом) обмене остротами и взаимными «подколами».

К примеру, Ганди говорил Джинне: «Что Вы сделали с мусульманами? Вы их загипнотизировали». На что Джинна отвечал: «А Вы усыпили всех индусов. Смотрите, вся аудитория спит». В другой раз, когда они вдвоем появились перед толпой репортеров и фотографов, Ганди спросил с ехидной улыбкой: «Вам это все очень нравится, не так ли?». Джинна ответил: «Не так сильно, как Вам»²⁸.

Впрочем, в этом стиле колкого общения была и своя абсурдная прелесть, как в рассказах Вудхауса. Например, Мохаммед Номан, первый секретарь Всеиндийской Федерации мусульманских студентов, рассказывал, что как-то случайно попал в дом Джинны рано утром. Тот уже не спал, а сидел в кровати, читая оригинал речи Ганди. «Знаете, я не спал всю ночь, глаз не сомкнул, читая это и пытаюсь понять, зачем он это написал», – признался Джинна²⁹.

И при всем разительном несходстве в судьбах Ганди и Джинны прослеживается немало странных совпадений: предки их были родом из Катхиавара, их родным языком был гуджарати; оба были физически хрупкими, хронически больными людьми; они были коллегами, барристерами, и учились в Лондоне; в жизни обоих важную роль сыграло общение с Гокхале; оба оказались мишенью фанатиков и наемных убийц из числа своих же единоверцев (Ганди убил индуист, на Джинну покушался мусульманин); наконец, обоим было суждено покинуть этот мир в один год – в 1948 г.

Ганди явно нравилась Ратти Джинна, это видно по его сохранившимся письмам к ней. Но личные отношения между ними не складывались, что естественно, учитывая взаимно-сложную политическую позицию, которую занимали Ганди и Джинна. Ганди неоднократно пытался привлечь Ратти для участия в его социальных программах, то ли понимая, что Ратти – щедрый донор, то ли желая доказать, что даже жена его главного оппонента чувствует склонность к движению *свадеши*.

Но идеологией гандизма Ратти не заинтересовалась, а участвовать в бойкоте иностранных товаров, отказаться от своих

роскошных иностранных туалетов и французских духов, сменить их на домотканый ручной *кхаддар* даже ради краха мирового колониализма, – такая жертва была для нее неподъемна.

Однажды Махатма обратился к Ратти с просьбой повлиять на Джинну, чтобы тот принял участие в бойкоте британских товаров. Ратти ответила ему как по писаному, «что в бойкоте иностранных и британских товаров нет политической мудрости и практичности»³⁰. Махатма удивился, так как в бойкоте в той или иной степени участвовали все светские женщины круга Ратти, даже ее мать леди Петит.

Но он просто не представлял, с кем имеет дело. Ратти Джинна – это не Индира Ганди, которая во время бойкота иностранных товаров сожгла свою любимую заграничную куклу и помнила об этой кукле всю жизнь – настолько тяжело далось ей это решение.

Сначала Ганди обращался к Ратти в процессе переписки с ее мужем: «Прошу скажите миссис Джинне, что я буду ждать ее после возвращения, чтобы она присоединилась к классу ручного прядения, который ведут старшая миссис Бенкер и миссис Рамабаи из Панджаба»³¹. Далее идут уже знакомые нам ламентации: поскорее и получше выучить гуджарати и хинди.

Затем Ганди пишет Ратти напрямую, все на ту же языковую тему, но в письме есть оттенок некоторой игривости: «На Вашем месте я начал бы говорить с ним на гуджарати или хинду-стани (этих языков Ратти вообще не знала. – А.С.). Не страшно, если Вы подзабудете свой английский или будете хуже понимать речь друг друга. Вы сделаете это, да? Прошу Вас только ради Вашей любви ко мне»³².

После трагедии в Джагианвала-Багх Ганди обратился к индийцам с предложением собрать средства для создания мемориала в память о жертвах трагедии. Ратти, которую, как и многих индийцев, потрясла бойня в Амритсаре, пожертвовала на мемориал довольно крупную сумму. Ганди посвятил ее щедрому пожертвованию несколько строк в своей газете *Young India*: «Я заставляю будущие поколения помнить, что мы, свидетели убийства невинных, не оказались неблагодарными и почтили их память. Как справедливо заметила госпожа Джинна,

внося свою лепту в фонд, этот мемориал хотя бы даст нам оправдание жить дальше. В конце концов, именно дух, в котором воздвигнут мемориал, будет определять его характер»³³.

Думается, что Джинна был не в восторге от того, что его жену цитирует газета, которую издает Ганди, и вряд ли ему понравилось, что пожертвование на мемориал осуществлялось от имени одной Ратти, а не от обоих супругов (хотя платил, как всегда, Джинна).

Любопытно, что Ганди, который являлся убежденным противником межконфессиональных браков, Джинну и Ратти до поры до времени не трогал. Вместе с тем он разрушил немало любовных союзов, не состоявшихся из-за разницы вероисповедания влюбленных.

Так, его собственная внучка Сумитра, дочь его третьего сына Рамдаса Ганди, собралась замуж за друга семьи мусульманина Махмуда. Родители невесты, хорошо знавшие потенциального жениха, уже дали свое согласие. Но тут в дело вмешался великий дедушка невесты, Ганди-джи, который разрушил намеряющийся брак, потому что жених был мусульманином и поменять свою веру на индуизм не мог по определению – индуистом надо родиться.

Позднее Сумитра вышла замуж за рядового учителя колледжа и в зрелом возрасте даже стала членом парламента. Это Ганди называл счастливым браком, а вот «браки по любви» (“love marriages”) он считал обреченными на неудачу³⁴.

Махатма также помог семье Неру отделаться от романа Виджая Лакшми Пандит с мусульманином Сайедом Хуссейном, политическим журналистом. Виджая Лакшми писала в своих мемуарах: «Несколькими годами ранее, когда я была совсем юной, я увлеклась молодым человеком Сайедом Хуссейном, которого мой отец назначил редактором новой газеты *The Independent*. Во времена, когда все всячески восхваляли индусско-мусульманское единство, я, принадлежа к семье, где было много друзей-мусульман, должно быть, считала естественным выйти замуж за человека не моей религии. Но на самом деле и время, и браки оставались глубоко традиционными, и меня всячески убеждали, что я совершаю ошибку. Моя мать чувствовала, что мое проза-

падное воспитание настраивает меня против ортодоксального брака. Поэтому она приняла приглашение Ганди-джи, чтобы я провела какое-то время с ним в его знаменитом ашраме³⁵.

Ясно, что в знаменитом ашраме Виджая Лакшми забыла про любовь к мусульманину, которую впоследствии считала ошибкой юности, и была благодарна Махатме, который наставлял ее на истинный путь. Впрочем, ее брак с Ранджитом Ситарамом Пандитом, по индийским меркам, трудно считать счастливым, так как Виджая Лакшми рано овдовела.

Иногда, правда, Махатма в своих матримониальных наставлениях перегибал палку, и тогда невеста, которую он морально готовил к супружеству, переставала соблюдать покорность. Такова, в частности, оказалась сама Индира Ганди, в свадьбе которой Махатма принимал самое деятельное участие. Для брака Индиры и журналиста Фероза Ганди существовало серьезное препятствие. Неру, как уже не раз говорилось, были высококастовыми индусами, кашмирскими брахманами, а Фероз Ганди – парсом-огнепоклонником.

Чтобы минимизировать разгоревшийся скандал, Неру был вынужден сослаться на непререкаемый авторитет Махатмы, который лично благословил жениха и невесту, хотя это был тот самый «брак по любви», противником которых он являлся.

И тут Махатма, имевший сильное влияние на всю семью Неру, попытался навязать Индире свой идеал чисто духовного брака – *брахмачарья*, супружескую жизнь без супружеских отношений. Это крайне возмутило Индиру, которая ответила Махатме довольно резко: «Вы можете запретить паре вступить в брак. Но если они уже поженились, требовать, чтобы они соблюдали целибат бессмысленно. Это может привести только к разочарованию и взаимному несчастью»³⁶.

На фоне этих «бесплодных усилий любви», происходивших на самом верху индийского общества, остается лишь выразить свое уважение парам, не побоявшимся остракизма и общественного осуждения, таким как брахманка Сароджини Найду и ее менее родовитый мусульманский муж.

Личный секретарь Джинны Матлубул Хасан Сайид отмечает, как некую странность, тот факт, что Джинну больше инте-

ресовали мнения простых людей, чем отзывы его коллег-политиков. Он получал сотни писем ежедневно, секретари сортировали и вскрывали их, но читал он их сам с начала до конца. Нередко письма были весьма критического содержания, более того, некоторые авторы требовали объяснения тех или иных политических действий Джинны: почему он поступает именно так? Когда Каид-и-Азам мог, то отвечал на письма лично, говоря: «Пусть учатся участвовать в политическом процессе. Им это еще пригодится, если бюрократы заходят манипулировать ими»³⁷.

¹ Govind Talwalkar. *Gopal Krishna Gokhale: Gandhi's Political Guru* // Pentagon Press. New Delhi, 2015. P. 112.

² Цит. по: Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955. P. 49–50.

³ Ibid. P. 55.

⁴ Beg Aziz. *Jinnah and His Times. A Biography*. Islamabad: Babur & Amer Publications, 1986. P. 122.

⁵ Naidu Sarojini. Mohammed Ali Jinnah – Ambassador of Hindu-Muslim Unity // *Quaid-e-Azam as seen by his contemporaries*. Lahore: Publishers United LTD., 1966. P. 162.

⁶ Bolitho Hector. Op. cit. P. 58.

⁷ Govind Talwalkar. Op. cit. P. 97.

⁸ Naidu Sarojini. Op. cit. P. 161.

⁹ Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. Mumbai: Bharatiya Vidya Bhavan, 2012. P. 79.

¹⁰ Ibid. P. 80.

¹¹ Chaman Lal Dewan. The Quaid-i-Azam as I knew him // *Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 168.

¹² Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. P. 107.

¹³ Robinson Francis. *Separatism among Indian Muslims, 1860–1923*. Cambridge University Press, 2007.

¹⁴ Raja of Mahmudabad. Some Memories // *The Partition of India* / ed. C.H. Philips. London: George Allen & Unwin Ltd., 1970.

¹⁵ Hasan Amir. *Vanishing Culture of Lucknow*. B.R. Publishing Corporation, 1990. P. 30–31.

¹⁶ Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. P. 95–96.

¹⁷ Ispahani M.A.H. *Quaid-i-Azam Jinnah as I Knew Him*. Karachi: Forward Publications Trust, 1967. P. 1.

¹⁸ Ibid. P. 6.

¹⁹ Ispahani M.A.H. Quit India Movement and Quaid-i-Azam // *Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 9.

- ²⁰ Цит. по: *Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 259.
- ²¹ Dwarkadas Kanji. *Ruttie Jinnah; the story of a great friendship*. Bombay, 1963. P. 142.
- ²² Цит. по: Wolpert Stanley. *Jinnah of Pakistan*. New Delhi: OUP, 2005. P. 363.
- ²³ Mujahid Sharif al. *Quaid-i-Azam Jinnah: Studies in Interpretation*. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1981. P. 117–118.
- ²⁴ Montagu E.S. *An Indian Diary* / ed. Venetia Montagu. Heinemann, 1930. P. 37–38.
- ²⁵ Bolitho Hector. Op. cit. P. 70.
- ²⁶ Chaman Lal Dewan. *The Quaid-i-Azam as I knew him* / ed. Ahmad Jamiluddin. *Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 85.
- ²⁷ Bolitho Hector. Op. cit. P. 84.
- ²⁸ Ibid. P. 85.
- ²⁹ Beg Aziz. *Jinnah and His Times. A Biography*. Islamabad: Babur & Amer Publications, 1986. P. 116.
- ³⁰ Pirzada Syed Sharifuddin. *Some Aspects of Quaid-i-Azam's Life*. Islamabad: National Commission on Historical and Cultural Research, 1978. P. 49.
- ³¹ Haider Khwaja Razi. *Ruttie Jinnah*. Karachi: OUP, 2010. P. 85.
- ³² Ibid. P. 86.
- ³³ Ibid. P. 86.
- ³⁴ Mehta Ved. *Mahatma Gandhi and His Apostles*. New York, 1977. P. 52–55.
- ³⁵ Pandit Vijaya Lakshmi. *The Scope of Happiness: A Personal Memoir*. New York: Crown Publishers, 1979. P. 65.
- ³⁶ Frank Katherine. *Indira: Life of Indira Nehru Gandhi*. New York: Harper Perennial, 2007. P. 193.
- ³⁷ Matlub-ul-Hasan Saiyed. *Quaid-i-Azam as A Friend // Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 115.

Глава IX

ПАКИСТАН ЗИНДАБАД!

В одном из своих писем Джинна рассказывал, как в 1941 г. он проезжал захолустный городок Утакаманд в Тамилнаде, где местные мусульмане украсили его цветочными гирляндами и приветствовали криками «Пакистан зиндабад» («Да здравствует Пакистан!»). Этот национальный лозунг (*кауми на'ра*) возник еще до образования Пакистана как боевой и победный клич партии Мусульманская Лига.

Тогда Джинна выбрал в толпе десятилетнего мальчика и спросил его, понимает ли он смысл этого лозунга. Тот ответил, что «Пакистан зиндабад!» означает, что в тех районах страны, где большинство населения мусульмане, и власть должна принадлежать мусульманам, а где проживает большинство индусов, там пусть правят индусы.

Джинна был совершенно в восторге от этого ответа и сделал из него вывод, что его теория «двух наций», согласно которой ислам и индуизм не только две религии, но и две социально-культурные общности с абсолютно разными обычаями и ментальностью, проникла во все отдаленные уголки страны и все слои общества. Следовательно, по его мысли, теперь движение за Пакистан остановить невозможно¹. С тех пор лозунг «Пакистан зиндабад!» широко используется во время всех государственных, национальных, политических, спортивных и культурных мероприятий.

В наши дни вместе с ростом мусульманского фундаментализма слоган «Пакистан зиндабад!» в качестве национального лозунга на митингах и собраниях начинают вытеснять чисто религиозные «речевки» с формулой символа веры (*шахада*):

В чем суть Пакистана? Нет Бога кроме Аллаха.
Кто наш вождь? Мухаммед, Посланник Аллаха.

Ярче всего характер пакистанского национализма отражен не в новых слоганах, а в образах государственного герба (*рийасати 'аламат*), демонстрирующих, что именно пакистанцы считают предметами своей особой национальной гордости. Утвержденный в 1954 г. герб символизирует идеологию, экономические основы, культурное наследие и базовые принципы государства. Он содержит четыре основных геральдических компонента: навешенные, состоящее из звезды и полумесяца, четырехугольный щит со скругленными нижними углами, щитодержатель в виде цветочного венка и основание в форме свитка, на котором начертан девиз.

Зеленая звезда и полумесяц, как и доминирующий зеленый цвет других изобразительных компонентов герба, традиционно символизируют ислам – государственную религию Пакистана. На щите, разделенном на четыре части, изображены главные агрокультуры: хлопок, пшеница, чай и джут, которые составляют сельскохозяйственную основу экономики страны.

Цветочный венок, окаймляющий щит, сплетен из белого жасмина, или *чамбели* (*Jasminum officinale*), который считается национальным цветком Пакистана. Белый жасмин служит одним из основных элементов растительного декора и орнамента в могольском искусстве, и поэтому его включение в государственный герб символизирует культурное наследие Пакистана как государства – преемника империи Великих Моголов.

Наконец, на свитке в основании щита начертан личный девиз Мухаммеда Али Джинны: «Вера. Единство. Дисциплина» (на урду: «*иман, иттихад, назм*») – три основополагающих завета создателя государства².

Национальные эмблемы и символы содержатся и в государственном флаге Пакистана (*кауми парчам*, или *парчам-е ситара-о-хилал*), который был утвержден в своем нынешнем виде 11 августа 1947 г., за несколько дней до провозглашения Пакистана.

Хотя идея флага пришла сначала в голову самому Каид-и-Азаму, непосредственным автором проекта флага считается Ами-

руддин Кидвай, активист Мусульманской Лиги, который после образования Пакистана стал одним из основателей крупнейшей религиозной партии Джамиат-ул-улама-и-Пакистан.

Флаг представляет собой полотнище зеленого цвета с белой вертикальной полосой у древка и белым полумесяцем со звездой в центре. Зеленый цвет флага имеет характерный темный оттенок, официально называемый «пакистанский зеленый» (в отличие от, скажем, более яркого и светлого «индийского зеленого», цвета полосы на индийском флаге, или «русского зеленого», цвета солдатского сукна в царской России).

Зеленый цвет государственного флага, как и в случае с гербом, символизирует ислам и мусульманское большинство населения страны. Белая полоса у древка означает религиозные меньшинства, т. е. композиция флага подразумевает как верность народа Пакистана исламу, так и соблюдение государством прав меньшинств.

Белые звезда и полумесяц, правда, на красном фоне были некогда изображены на флаге Османской империи, называемом «Ай-Йылдыз», и некоторые страны, духовные преемники этой империи, продолжают использовать флаги с такой же символикой. Среди этих государств Турция, Ливия, Тунис, Алжир, Азербайджан, Малайзия и др., где полумесяц со звездой считается символом истинной веры и мусульманской общины.

Звезда и полумесяц (*ситара-о-хилал*) на пакистанском флаге метафорически означают свет, истину, знание (*нур*) и прогресс, движение, рост (*таракки*) соответственно.

В 2009 г. во время политического кризиса, вызванного ростом экстремизма и террористической активности талибов, возникло общественно-патриотическое «Молодежное движение флага Пакистана», целью которого было «вселить чувства надежды и единства в сердца пакистанцев разных национальностей и дать им возможность испытывать гордость за свою родину и ее флаг»³.

Движение в основном состояло из молодых интеллектуалов – журналистов, юристов, специалистов по рекламе и «айтишников». Естественно, что их движение имеет сугубо светский, нерелигиозный, характер, – и это редкость для Пакистана.

Акции, проводимые движением, связаны с пропагандой флага как символа национального единства: миллионы владельцев автотранспорта – от грузовиков до мотоциклов – приклеивали на свои машины стикеры с изображением флага; на улицах больших городов проходили массовые процессии, во время которых встречные толпы несли развернутые полотнища флагов. Акции, вошедшие в Книгу рекордов Гиннесса, состоялись в 2012 и 2014 гг. на стадионе Каддафи в Лахоре, где более двадцати пяти тысяч человек, одетых в зеленое и белое, выстроились в огромный живой флаг⁴.

Уже упоминавшиеся национальные метафоры и символы используются в патриотических песнях, в том числе в двух версиях государственного гимна (*кауми тарана*). Далее мы рассмотрим тексты первого проекта гимна («Тарана-е Пакистан», 1947) на стихи известного поэта Джаганнатха Азада; государственного гимна «Священная земля» («Пак сарзамин», 1952) на слова крупного поэта Хафиза Джаландари и песни «Родина, любимая родина» («Э ватан пияре ватан», 1970), автором которой был литератор Карам Хайдари.

У первого проекта гимна любопытная, хотя исторически и не достоверная история. По воспоминаниям самого Джаганнатха Азада (1918–2004), Джинна лично заказал ему текст гимна за пять дней до объявления независимости Индии и провозглашения Пакистана. По вероисповеданию Азад был индуистом, но являлся известным поэтом, писавшим на языке урду. По его мнению, именно его принадлежность к религиозному меньшинству и при этом прекрасное владение официальным языком нового государства привлекли внимание Джинны, поскольку отвечали представлениям последнего о будущем пакистанском обществе как об обществе светском⁵.

Сам Азад, тем не менее, не захотел остаться в Пакистане и уже в сентябре 1947 г. эмигрировал в Индию, где сделал карьеру как поэт и государственный чиновник, а сочиненный им гимн так и остался проектом и никогда официально не использовался. Азад отмечал, что согласился на предложение Джинны, поскольку находился под впечатлением от его знаменитой речи от 11 августа 1947 г.

В этой знаменитой речи Джинна сказал: «Вы свободны идти в свой храм, вы свободны идти в свою мечеть или иное место богослужения в государстве Пакистан. Вы можете принадлежать любой религии, касте или конфессии: это не имеет никакого отношения к фундаментальному принципу, что все мы – равные граждане государства ...Вы увидите, что с течением времени индусы перестанут быть индусами, а мусульмане – мусульманами, не в религиозном смысле, ибо это дело личной веры каждого, а в политическом смысле, как граждане одного государства... Я буду всегда руководствоваться принципами законности и справедливости, без всяких предрассудков и неприязни или, другими словами, без пристрастности и фаворитизма. Моими руководящими принципами станут правосудие и беспристрастность, и я уверен, что могу ожидать превращения Пакистана в одну из величайших стран мира»⁶.

Превращение Пакистана в «одну из величайших стран мира», о котором мечтал Джинна, или хотя бы в развитую, безопасную и удобную для жизни страну типа Сингапура – это, так сказать, незавершенный гештальт пакистанцев. Это их сильная неудовлетворенная потребность. Почти так же пакистанцы относятся к безвременной, с их точки зрения, смерти Джинны, которая отняла у нации возможность еще хоть сколько-нибудь времени пользоваться безграничным умом и талантом Каид-и-Азама, жить под сенью его патернализма.

Когда пакистанцы обсуждают-критикуют свою страну, практически всегда звучит фраза: «Если бы Каид-и-Азам прожил подольше!». Прожил бы подольше и предотвратил бы путчи, военные режимы, преследования меньшинств? Вряд ли. Неважно, из-за какой неудовлетворенной потребности, материальной или эмоциональной, возникла ситуация незавершенности гештальта. Гораздо важнее, как она отражается на качестве жизни пакистанцев. Постоянно неудовлетворенная потребность – это латентная агрессия, бессилие, враждебность, с примерами которых мы часто сталкиваемся в Пакистане. Обида, гнев, зависть – вот слагаемые незавершенного гештальта, обязательно приправленные невысказанностью, хроническим дискомфортом и в худшем случае открытым насилием.

Возвращаясь к знаменитой речи Джинны, следует сказать, что он неоднократно и не только на словах демонстрировал религиозную терпимость и отношение к вере, не ограниченное исповедованием ислама. В частности, как генерал-губернатор Пакистана он лично присутствовал на рождественской мессе в главном католическом соборе Карачи⁷. Джинна резко осудил нападения мусульман на индусов в Карачи в начале 1948 г., что, правда, не остановило исход индусов и сикхов из страны⁸.

Наконец, он назначил первым пакистанским министром юстиции и труда индуса Джогендранатха Мандала, а первым министром иностранных дел – Зафарулла Хана, представителя секты Ахмадийя. Все эти и другие факты говорят о том, что Джинна представлял себе будущий Пакистан как государство и общество, основанное на национальных интересах, где будут уважаться права религиозных меньшинств.

Кроме того, Джинна был полон оптимизма насчет будущих отношений между гражданами двух независимых государств: индийцами и пакистанцами. Уже говорилось, что он просил Неру не передавать его особняк South Court на Малабарском холме в Бомбее в так называемую эвакуируемую собственность, поскольку собирался жить в этом доме после своего ухода на покой⁹.

Со слов известного британского журналиста Тарика Али, его мать, общественная деятельница Тахира Мазхар Али, встретила Джинну в Лахоре в 1944 г., где тот спросил ее, в ту пору двадцатилетнюю девушку, почему она не поддерживает идею Пакистана. Тахира отвечала, что план создания отдельного государства для индийских мусульман несет в себе идею разделения людей по религиозному признаку, которая кажется ей порочной.

Джинна рассмеялся ей в ответ: «Не волнуйся, мы будем свободно ездить в Индию, а индийцы будут так же свободно посещать нас»¹⁰. Как известно, история не подтвердила оптимизма Джинны относительно религиозной терпимости будущего пакистанского общества, как и его ожиданий касательно свободных индийско-пакистанских контактов.

Вообще, Джинна окончательно понял, что победил, выступая 11 августа на первой сессии Учредительного собрания Пакистана, где он сказал: «Вы ведь знаете – не только мы сами дивимся, но, думаю, весь мир поражен беспримерной ураганной революцией, породившей замысел создать и утвердить на нашем субконтиненте два суверенных независимых доминиона. Это действительно беспрецедентно, мировая история не знает ничего похожего. Огромный субконтинент с его пестрым населением становится ареной воплощения титанического, неслыханного, беспримерного замысла»¹¹. Вот из этих слов ясно, что Джинна утвердился в понимании своей победы и слова «титанический, неслыханный и беспримерный» мог отнести как к самому замыслу, так и к собственному вкладу в воплощение этого замысла.

Однако вернемся к пакистанскому гимну, в частности к его первой нереализованной версии. В стихах Азада много традиционных для поэзии урду метафор и риторических фигур, но главное с точки зрения обсуждаемой темы пакистанского национализма то, что гимн Азада адресован всем гражданам Пакистана, а не только его мусульманскому населению. Единственное, что связывает текст гимна с исламом, это его рефрен – «священная земля» («*сарзамин-е пак*»). Вот два из четырех куплетов гимна:

О священная земля,
Сегодня звезды освещают твои песчинки,
А твоя пыль светится ярче Млечного пути.
Сегодня строй в нашей стране изменился,
На нашей родине больше нет рабов.
Наша родина быстро идет по пути прогресса,
Она свободна, полна надежд, храбрая, счастливая.
Некогда отравленный, воздух стал благоуханным.
Мы более не боимся ни Запада, ни Востока.
О священная земля!¹²

Как видим, Азад делает акцент на тех достижениях своей родины, которые связаны с освобождением от колониального правления и обретением национальной независимости:

- 1) строй в стране изменился;
- 2) в ней больше нет рабов;

- 3) родина быстро идет по пути прогресса;
- 4) она свободна, полна надежд, счастлива и др.;
- 5) атмосфера («воздух») в стране некогда была тяжелой («отравленной»), а теперь стала благоприятной/«благоуханной»;
- 6) страна самостоятельна, независима от влияния других государств («не боится ни Запада, ни Востока»).

Именно свобода и независимость страны, по Азаду, являются главным предметом национальной гордости, не имеющим идеологической или конфессиональной окраски.

Тем не менее текст Азада так и не был официально утвержден, а Пакистан какое-то время оставался государством без государственного гимна. Во время первого визита в Пакистан на высшем уровне – это был визит индонезийского лидера Сукарно в 1950 г. – гимн вообще не исполнялся.

В преддверии визита шаха Ирана в Пакистан был создан специальный национальный комитет по подготовке гимна, заказавший музыку и стихи нескольким десяткам поэтов и композиторов. Музыка была подобрана быстро – ее автором являлся известный композитор Ахмед Гулам Али Чагла (1902–1953), и во время визита шаха, как и в ходе визита пакистанского премьер-министра Лиаката Али Хана в США, которые состоялись в одном и том же 1950 г., мелодия гимна исполнялась без слов¹³. Только в 1954 г. парламент утвердил текст гимна, написанный Хафизом Джаландари (1900–1982), выбрав его из 700 предложенных вариантов.

По сравнению со стихами Азада текст гимна Хафиза Джаландари, чаще называемый по его первым словам «Священная земля» («*Пак сарзамин*»), написан на урду, насыщенном большим количеством персидских и даже арабских заимствований. В частности, он содержит персидский рефрен *шад бад* («Да будет благословенна»), а его синтаксические связи построены на персидской изафетной конструкции без использования послелогов, принятых в том же урду.

В тексте акцентированы мотивы, связанные с единством нации, страны, государства (*кау́м*, *му́лк*, *салта́нат*) и веры. Пакистан называется «цитаделью веры» (*марказ-е йакин*),

а в последней строке – самом «сильном» месте текста – его флаг назван «тенью Бога всемогущего» (*сайа-е худа-е зиль-джалал*).

Да будет благословенна священная земля,
Да будет благословенна прекрасная страна,
Ты – символ высокой цели,
Земля Пакистана,
Да будет благословенна цитадель веры.
Строй священной земли [поддерживает]
Мощь народного братства.
Пусть нация, страна и государство
Сияют вечной славой.
Да будет благословенна желанная цель!

Отдельно в гимне упоминается государственный флаг (*парчам-е ситара-о-хилал*):

Флаг звезды и полумесяца,
Ведущий к прогрессу и совершенству.
Толкователь нашего прошлого, слава настоящего,
Душа будущего,
Тень Бога всемогущего!

Интересно, что о «флаге звезды и полумесяца» также говорится в государственном гимне Турции – «Марш независимости» (*«Истикляль марси»*), что еще раз подтверждает уже упоминавшуюся связь между национальными эмблемами и символами Пакистана и стран – духовных наследниц Османской империи.

Мелодичный, напевный, изящный и легкий для запоминания, пакистанский гимн – это настоящий музыкальный шедевр. Неудивительно, что он пользуется любовью у жителей страны, в частности его поют на свадьбах и частных приемах. В октябре 2012 г. на стадионе Каддафи в Лахоре гимн одновременно исполнили 42 800 человек, что также было занесено в Книгу рекордов Гиннеса.

Отношение к Пакистану как к объекту особой эмоциональной привязанности отражено в песне «Родина, любимая родина!» («Э ватан, пияре ватан», 1970) на музыку композитора Халила Ахмада (1936–1997), автора песен более чем для 40 фильмов. Эта песня отличается от других, цитиро-

ванных выше, с музыкальной точки зрения, так как ее мелодия построена по законам традиционных индийских звуко-рядов (*рага*).

Первый исполнитель песни, известный певец Аманат Али Хан (1932–1974), некогда работал на бомбейских киностудиях и привнес популярный стиль песен для кино (*гана*) в мелодию патриотической песни. Аманат был братом и соисполнителем прославленного пакистанского певца и музыканта Баде Фатеха Али Хана, который получил широкую международную известность. Вместе братья представляли наиболее развитую в Пакистане школу профессиональной классической музыки «Патилла гхарана».

В песне Аманата Али Хана любовь к Пакистану представлена как сугубо личное индивидуальное чувство:

О родина, любимая родина, священная родина!
Ты наполняешь светом мир моих желаний,
Моя цель тверда, мои помыслы полны достоинства,
Мое существование осознано, моя гордость полна мудрости,
Мое воображение животворно, речь – сладка.
О родина, любимая родина, священная родина!
Ты – цветущий цветник чарующей весны,
Ты – прекрасный сад благоухающих цветов,
Наполнены цветами и звуками твои горы и доли.
О родина, любимая родина, священная родина!

Предметом эмоциональной привязанности здесь являются природные, физические, географические образы родины: цветущие цветники (*тар-о-таза чаман*), прекрасные сады (*сухана гульшан*), горы и доли (*кох-о-даман*).

Последняя по счету, но не по значимости область, в которой нашел отражение пакистанский национализм, это пакистановедение (*Мутала-е Пакистан*, или *Pakistan Studies*), которое наряду с языками урду и английским является обязательным предметом преподавания в средней школе. Говоря о национализме, мы имеем в виду *Pakistan Studies* не как комплексную гуманитарную науку, а как официальные учебные курсы истории, культуры и литературы Пакистана, которые обязательны для школьников.

Согласно этим курсам, которые стали предметом иронической критики ряда ученых-историков, Пакистан является единственным наследником всех мусульманских империй, султанатов и прочих государственных образований, существовавших на протяжении веков на территории Южной Азии, в первую очередь империи Газневидов, Делийского султаната и империи Великих Моголов.

Проникновение ислама в Южную Азию действительно началось с территории современного Пакистана, с провинции Синд. Не зря в мусульманской историографии он назывался «Врата ислама» («Баб ал-ислам»). В 711 г. арабский экспедиционный корпус, во главе которого стоял юный военачальник Мухаммед бин Касим, высадился в порту Дайбул (около современного Карачи). Пребывание корпуса в Индии было недолгим и не повлекло за собой массовых обращений в ислам. Тем не менее пакистанские школьные учебники называют Мухаммеда бин Касима «первым пакистанцем», что является если не метафорой, то грубым анахронизмом.

Сам Джинна заявлял, что «движение за Пакистан началось с момента, когда Мухаммед бин Касим ступил ногой на землю Синда, во “Врата ислама”»¹⁴ – утверждение, которое можно принять только как метафору.

Приписываемое Пакистану славное «имперское» прошлое, вдобавок «состаренное» на десяток веков, дает сильнейший импульс развитию патриотически-националистических представлений. В этом «имперском» прошлом есть пятерка главных героев, не имеющих непосредственной исторической связи с Пакистаном и его нынешней территорией, но высоко почитаемых националистами¹⁵.

Помимо уже упоминавшегося военачальника и главы экспедиционного корпуса Мухаммеда бин Касима – это султан Махмуд Газневи (971–1030), чьи военные кампании на Индостане, в частности разрушение индуcского храма в Сомнатхе (Гуджарат), пакистанцы трактуют как войну за веру. Затем следует султан Мухаммед Гури (1149–1206), один из создателей Делийского султаната, уничтоживший главного врага мусульман того времени – раджпутского раджу Притхвираджа Чау-

хана. В число культовых героев входит и последний по своему истинному влиянию и власти могольский падишах Аурангзеб Аламгир (1618–1707), известный своим религиозным ригоризмом и жесткой политикой по отношению к иноверцам. И замыкает пятерку исторических героев Типу Султан (1750–1799), правитель южноиндийского княжества Майсур, активно сопротивлявшийся колониальному завоеванию Индии англичанами. Из всех пятерых лишь Мухаммеда Гури можно считать территориально связанным с Пакистаном, поскольку он похоронен в его нынешних границах, недалеко от панджабского городка Сохава.

Но настоящее поклонение у большинства пакистанцев, даже тех, кого нельзя считать националистами, вызывают герои нового времени: духовный предтеча Пакистана, поэт и философ Мохаммед Икбал и «Великий Вождь», отец нации Мохаммед Али Джинна, чьи гробницы в Лахоре и Карачи соответственно считаются национальными святынями. День рождения Джинны (*йом-е-валадат-е-Каид-и-Азам*), отмечаемый 25 декабря, как и день рождения Икбала (*йом-е-Икбал*), приходящийся на 9 ноября, являются государственными праздниками.

Несравнимо меньше признания потомков выпало на долю человека, которому Пакистан обязан своим названием. Чаудхри Рахмат Али (1895–1951), один из самых горячих сторонников создания независимого государства мусульман в Южной Азии, в знаменитом памфлете «Сейчас или никогда», известном также как «Декларация Пакистана» (1933), писал:

«Индия в том составе, который она имеет в настоящее время, – это не единая страна и не родина единой нации. Нет, это название государства, созданного, впервые за всю мировую историю, британцами. Она включает в себя народы, которые никогда ранее не являлись частью Индии, ни в какой период ее истории, а у которых, напротив, испокон веков и до прихода британцев были и сохранялись собственные, отдельные национальности»¹⁶.

Затем Рахмат Али развивает мысль о том, что Индия – континент и что места компактного проживания отдельных народов на территории Индии можно сравнить со странами,

которым он дает собственные названия – вроде «Бангистан» («Страна бенгальских мусульман») или «Османистан» («Страна мусульман Декана»).

Далее Рахмат Али предложил назвать новое государство мусульман на северо-западе этого континента ПАКСТАН по первым буквам названий входящих в нее провинций: П – Панджаб, А – Афганская провинция (ныне Хайбер-Пахтунхва), К – Кашмир, С – Синд и Белуджистан, от которого остался суффикс топонимов «стан». Буква «И» была вставлена в ПАК-СТАН исключительно для благозвучия, которое дает введение гласного звука. Созданная Рахматом Али аббревиатура обладала смыслом – на урду, как и на фарси, слово «Пакистан» означает «страна чистых (в ритуальном и духовном смысле) людей», и именно поэтому пакистанцы так гордятся названием своей родины.

Тот факт, что в наши дни в Пакистане Чоудхри Рахмата Али мало кто помнит, объясняется просто: создатель имени страны в ней почти не жил. Большую часть жизни он провел в Англии, откуда в 1948 г. переехал в Пакистан, намереваясь там остаться навсегда. Однако премьер-министр Лиакат Али Хан, скептически относившийся к претензиям Рахмата Али на особые заслуги перед государством, вскоре издал указ, по которому собственность семьи Али в Лахоре была конфискована. Обиженный неблагодарностью новых соотечественников, Рахмат Али вынужден был вернуться в Англию, где вскоре умер.

Среди даров, которые Каид-и-Азам завещал своему народу, – один из самых эмоционально окрашенных – это пакистанский национальный патриотизм. Под ним в Пакистане обычно понимают не стандартный национализм, т. е. определенную идеологию, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, ее первичности в процессе образования государства. Когда в Пакистане говорят о национализме, то имеют в виду религиозные, политические и культурные формы коллективного выражения патриотизма и любви к родине. Важнейшую роль в формировании такого национального патри-

отизма играет чувство гордости как самим фактом возникновения и существования государства Пакистан, так и историей и идеей, легшей в его основание, а также историко-культурным наследием народов, его населяющих. В отличие от светского национализма, распространенного во многих современных обществах, пакистанский национальный патриотизм неотделим от ислама – главной составляющей национально-патриотического нарратива.

Национальный патриотизм пакистанцев выражается и в так называемых «культовых» брендах, в тех артефактах, которые знакомы всему населению и любимы многими. «Культовый» бренд – это бренд, который является частью культурного сознания общества и элементом повседневного общения. Потребителю «культового» бренда предлагается не столько товар или услуга, сколько некий миф о стиле жизни, имиджевые и статусные ожидания. Есть международные и национальные «культовые» бренды. Последние тесно связаны с представлениями о национальной идентичности. В Пакистане, как и в других странах, существуют свои «культовые» бренды – напитки, табачные изделия, транспортные средства, которые считаются гордостью нации.

Предтечей глобальных «культовых» брендов являются товары и артефакты, в силу определенных условий превратившиеся в депозитарии коллективных эмоций. Таковы, например, *Coca-Cola*, *Chanel*, *Nokia*, *Gillette*, *Heineken* и многие-многие другие, принадлежащие к разным сферам жизни. Иначе обстоит дело с национальными «культовыми» брендами: прежде чем войти в их число, товар или услуга должны были стать выразителями национального духа, национальной культуры и образа жизни. Так, в частности, под влиянием национализма формировались «культовые» бренды в Пакистане. Естественным порождением националистического патриотизма является потребительский патриотизм, выраженный в лозунге «Будь пакистанцем – покупай пакистанское» (*Be Pakistani – Buy Pakistani*).

Одним из старейших «культовых» брендов, возникших еще в неразделенной Индии и получивших массовую популяр-

ность в Пакистане, является *Рухафза* (урду – «бодрящий»), безалкогольный напиток, приготовляемый из одноименного концентрированного сиропа. Формула сиропа была составлена в 1907 г. Хакимом Хафизом Абдул Маджидом (1883–1922), а сам напиток ярко-красного цвета изготавливала компания *Хамдард*, основанная Хакимом и поныне принадлежащая его потомкам. В наше время отделения компании находятся в Индии и Бангладеш, но только в Пакистане *Хамдард* стал лидером фармацевтического рынка.

Специфические ингредиенты *Рухафзы* – это растительные элементы медицины *Юнани* (в переводе «греческий»), традиционной мусульманской медицины, основанной на учении Авиценны. В состав сиропа входят цветы, растения, травы, фрукты и овощи. Сочетание этих ингредиентов придает охлаждающий эффект шербету, т. е. напитку, получаемому из разведенного водой или молоком сиропа¹⁷. В частности, *Рухафзу* рекомендуют пить в дни, когда дует ветер *лу* – горячий, сухой, знойный и очень пыльный западный *фен*.

Но, конечно, «культовым» брендом *Рухафза* стала не из-за охлаждающего эффекта или даже целебных свойств. Хорошо «раскрученный» бренд – это всегда некое послание, содержащее волшебную историю об уникальных качествах товара, выступающего как магический артефакт, обладание которым способно реализовать ожидания потребителя и открыть ему дверь в царство мечты¹⁸. Так и вокруг *Рухафзы* реклама создала волшебные истории: якобы ею утоляли жажду еще Великие Моголы, которые и назвали ее «напитком Востока» (*маишруб-е-маирик*). Еще 40 лет назад пакистанские дети считали, что «реки вина», которые, наряду с «реками молока и меда», протекают в мусульманском раю, по цвету и вкусу похожи на *Рухафзу*¹⁹.

Рухафза стала первым национальным напитком со стандартной легко узнаваемой упаковкой. Ее заливали в ребристые прозрачные бутылки объемом 750 мл и сверху обертывали пергаментной бумагой. На обертке были написаны стихи известных поэтов, творивших на языке урду: Джоша Малихабади, Симаба Акбарабади, Саиля Дехлеви. Стихи восхваляли или просто упоминали *Рухафзу*, однако одного этого было доста-

точно, чтобы превратить ее в «культовый» бренд – столь велика была роль поэзии урду в культуре индийских мусульман и пакистанцев. В наши дни, когда производство *Рухафзы* исчисляется миллионами бутылок, от пергаментной обертки пришлось отказаться, но форма бутылки, логотип и этикетка с цветами и фруктами остались прежними.

В Пакистане *Рухафза* стала ассоциироваться со священным месяцем Рамадан – постящиеся мусульмане ежедневно начинают *ифтар* (разговение, вечерний прием питья и пищи) со стакана шербета из *Рухафзы*. Вообще *Рухафза* – непременный ингредиент любимых пакистанцами холодных десертов: от мороженого *кульфи* до *фалуды* – густого напитка, где розовая вода и тончайшая вермишель смешаны с молоком, кусочками желе и семенами сладкого базилика. Кстати, фалуда, которую подают на религиозных и светских праздниках, действительно является десертом, употреблявшимся еще при дворе Великих Моголов в XVIII–XIX вв.

Еще один прохладительный напиток, может быть, не с такой старой историей, как у *Рухафзы*, но не менее популярный, – это *Пакола*, т. е. пакистанская кола, ни цветом, ни вкусом не похожая на традиционную кока-колу. В 1950 г., т. е. в период максимального патриотического подъема в Пакистане, компания *Mehran Bottlers* выпустила безалкогольный газированный напиток, который сразу стал национальным брендом.

Ярко-зеленый цвет и оригинальный логотип *Паколы*, первоначально включавший изображение звезды и полумесяца, напоминали о государственном флаге. Но уже в 1980-е годы, по мере роста милитаризации и внутренних конфликтов в стране, внешний вид *Паколы* стал ассоциироваться с ностальгическим образом «дома» для растущей пакистанской диаспоры в Европе и Америке.

В 1960-е годы популярность *Паколы* стала падать под натиском завоевавших пакистанский рынок международных компаний, выпускающих прохладительные напитки, но ее неожиданно поддержали суфийские обитатели, общины и центры Лахора и Карачи. *Паколу* стали смешивать с ледяным молоком и подавать в глиняных кувшинах во время *ифтара* или коллек-

тивных трапез в дни суфийских праздников – урсов. Этот молочный «коктейль» проник и в частные дома, и сегодня, наряду с финиками, которыми разговляются в пост Рамадан, пакистанцы делают первый глоток молока с *Паколой*.

Любопытно, что в середине 1970-х годов, до прихода к власти генерала Зия-ул-Хака, *Пакола* оказалась любимым напитком европейских и американских туристов. Большинство из них были молодыми людьми, путешествовавшими по знаменитой «тропе хиппи», начинавшейся в Турции, зигзагообразно шедшей через Иран, Афганистан и Пакистан и кончавшейся в Индии или Непале. Проезжая Пакистан и делая остановку на базаре в Пешаваре или на пляжах Карачи, туристы набивали свои рюкзаки бутылками с *Паколой*.

Сегодня *Пакола* – самый продающийся прохладительный напиток в Пакистане. Несмотря на то что он давно выпускается в современной упаковке (металлическая банка) и со вкусами цитрусовых, малины, других фруктов, потребитель предпочитает оригинальную *Паколу* – ярко-зеленую, со вкусом крем-соды и в бутылочках, как бы перехваченных в поясе. *Паколу* можно купить во всех пакистанских магазинах и лавчонках в Великобритании, Канаде, США и ОАЭ, и она, безусловно, является настоящим национальным «культовым» брендом.

Пакистан, как и весь цивилизованный мир, борется с курением, которое запрещено в общественных местах и в официальных зданиях. Тем не менее 56% пакистанских мужчин всех возрастов продолжают курить, хотя и стараются делать это вне поля зрения старших по возрасту и положению. Если кафе, ресторан или иное публичное место отдыха расположены на открытом воздухе, запрет на курение там не действует. Коль скоро пакистанцы – нация курящая, среди табачных изделий также есть национальные «культовые» бренды.

Один из самых «раскрученных» – сигареты К-2, «подходящие для сильных мужчин», как говорит о них реклама²⁰. Сигареты были названы в честь горной вершины К-2, второй в мире по высоте после Джомолунгмы. На сине-белой пачке изображена заснеженная вершина, опасная и недоступная, покоряющаяся только суровым и сильным людям, таким как город-

ские рабочие и крестьяне – основные потребители этих дешевых, крепких и дурно пахнущих сигарет без фильтра. В 1960-е годы К-2 имели репутацию самых «демократических» сигарет для рабочего класса, и пакистанские студенты, которые в своем большинстве принадлежали к среднему классу, но при этом придерживали социалистические идеи, курили исключительно К-2 в виде своеобразного «политического протеста».

Тем не менее к началу 1980-х сигареты К-2 столкнулись с растущей конкуренцией в недорогом сегменте табачного рынка. Одновременно даже в среде малообеспеченных потребителей спрос на сигареты без фильтра упал. Отвечая на новые вызовы рынка, производители К-2 снабдили их фильтром, увеличили пачку (с 10 до 20 сигарет) и запустили большую рекламную кампанию на ТВ, в которой принял участие известный альпинист Ашраф Аман – первый пакистанец, в 1977 г. покоривший К-2. Однако, несмотря на производственные, маркетинговые и рекламные затраты, бренд К-2 не повысил свой имиджевый статус и продолжал ассоциироваться с образом грубоватого, но мужественного рабочего или крестьянина.

На небогатого массового потребителя рассчитан и другой табачный «культовый» бренд – *Бабу-биди*. *Биди* – это тонкие, короткие сигарки, которые представляют собой нарезанные листья необработанного табака, завернутые в лист черного дерева *Diospyros melanoxylon* (индийцы называют его *тенду*), перевязанный цветной ниткой. Утверждается, что в состав *биди* входят только природные составляющие, без каких-либо химических добавок и обработок.

Раньше считалось, что курить *биди* – удел тех, кому не по карману даже дешевые сигареты, т. е. самых низших слоев общества. На самом деле это не так. *Биди* – это традиционный национальный продукт, к тому же натуральный, и их курят не только бедняки, но и представители творческой интеллигенции, ищущие экзотику иностранные туристы и заядлые курильщики, которым нравится резкий запах и вкус необработанного табака. В современной Индии потребление *биди* превышает потребление стандартных сигарет.

Бренд *Бабу-биди* возник в 1977 г. в Хайдарабаде (Синд) и быстро превратился в знак принадлежности к профессии в среде таксистов, водителей скутеров и моторикшей. Продажи *Бабу-биди* были столь внушительными, что в 1979 г. на телевидении с успехом крутили рекламный ролик, где в виде «героя» выступил настоящий моторикша. Рассказывая волшебную историю, необходимую для создания «культового» бренда, реклама демонстрировала, как, не выпуская изо рта *Бабу-биди*, этот скромный парень находит хорошую работу и становится уважаемым человеком – *бабу*.

Еще одну волшебную историю о водителе моторикши, курящем *биди* и превращающемся в кинозвезду, рассказывает романтическая комедия «Гляди, но только с любовью» (режиссер Асадул Хак, 2015). Сюжет у комедии нехитрый: молодой человек по имени Сикандар мечтает стать киноактером, но вынужден работать моторикшей в транспортной компании своего дяди. На протяжении всего фильма герой возит по Лахору нанявшую его девушку Энни, аферистку, подбирающуюся к деньгам дяди героя. Все, однако, кончается хорошо: аферистка раскаивается, герои влюбляются друг в друга, и Сикандара приглашают сниматься в кино. Хотя герой всего лишь моторикша, он безупречно пострижен, элегантно одет и при этом он курит *биди*, правда не рекламируя их марку. На вопрос Энни, почему он не курит сигареты, герой отвечает, что «курение *биди* приносит удачу тем, кто много трудится и проводит долгие часы в дороге»²¹.

Как видим, с точки зрения брендинга, потребитель *Бабу-биди* покупает не столько товар, сколько подтверждение собственных амбиций и представлений о своей «успешности», самоудовлетворение. Иначе говоря, в «культовом» бренде потребителю продают его самого, его мечты о том, каким он хочет быть.

Однако самый известный за пределами Пакистана национальный «культовый» бренд, приобретший международную славу, это причудливо украшенные и красочно расписанные тяжелые грузовики, или, как их часто называют, «звонящие грузовики» (*jingle trucks*). Звон, которому грузовики обязаны названием, издают цепи, укрепленные на бамперах машин. В местной

традиции количество этих цепей и других украшений отражает благосостояние хозяина грузовика.

Западный мир познакомился с артефактами, которые теперь носят официальное название «искусство пакистанских грузовиков» (*Pakistan truck art*) в 1970-е годы, когда европейские и американские туристы стали привозить из Пакистана цветные фотографии огромных машин, сплошь разрисованных цветочными орнаментами, каллиграфическими надписями, а также портретами людей, изображениями животных и пейзажами. Начиная с 1980-х годов правительственные учреждения культуры и частные кураторы начали организовывать выставки «искусства грузовиков» за рубежом, выставлять их на международных бьеннале и всячески пропагандировать их как подлинно народное искусство Пакистана.

Традиция украшать грузовики возникла еще в 1940-х годах, до раздела Индии, у шоферов-сикхов, которые изображали на боках машин портреты своих духовных лидеров – гуру в качестве оберега. Примерно в то же время и с той же целью водители-мусульмане стали помещать на своих грузовиках изображения святых и суфийских наставников, часто вместе с их изречениями и стихами.

После 1947 г. искусство украшения грузовиков в Пакистане расцвело: теперь портреты святых окружали пейзажи райских садов с павлинами, орлами, соколами и летающими конями, главным из которых был Бурак – мифическое крылатое существо, на котором летал пророк Мухаммед. По грубоватой манере изображения и калейдоскопической композиции росписи на грузовиках напоминали пакистанские рекламные щиты и киноафиши, где все объекты были написаны теми же яркими кричащими красками, без полутонов, как принято в поп-арте или субкультуре китча. Неудивительно, что первыми пропагандистами этого искусства за рубежом оказались путешественники по «тропе хиппи», увидевшие в дизайне грузовиков «психоделическое искусство»²².

Начиная с 1960-х годов росписи грузовиков стали пропагандировать политиков. Задние двери машин украсили гигантские портреты диктатора Айюб Хана, которого многие води-

тели, этнические пуштуны, считали своим земляком (он родился в провинции Хайбер-Пахтунхва). Затем синдские дальнбойщики стали помещать на машинах портреты премьер-министра Зульфикара Али Бхутто, уроженца Синда.

В наши дни из пакистанских политических деятелей на грузовиках можно увидеть основателя Пакистана Джинну, поэта Икбала, но чаще всего это образ покойной Беназир Бхутто, которую изображают на фоне водопадов, падающего с неба цветочного дождя и летающих райских птиц. Не менее популярны, чем политики, портреты кинозвезд и выдающихся певиц – Нур Джахан или Икбал Бано. Мало кому из иностранных знаменитостей удалось покрасоваться на пакистанских грузовиках – исключение составляют мастер боевых искусств Брюс Ли и принцесса Диана.

Как и у каждого развивающегося вида искусства, у дизайна грузовиков есть свои лидеры, задающие стиль и моду. Один из наиболее популярных художников в этой области – Хайдар Али, получивший международное признание после того, как в 2002 г. расписал выставочный грузовик для музея Смитсоновского института (США). В 2011 г. он создал дизайн грузовика по заказу муниципалитета г. Лутон (Великобритания), где проживает большая пакистанская диаспора. В 2013 г. Али снискал большой успех в Калькате (Индия), пожертвовав один из украшенных им грузовиков в дар богине во время индуистского праздника *Дурга-пуджа*. Как и многие пакистанские ремесленники, Али унаследовал профессию оформителя грузовиков по наследству: свой первый грузовик он научился расписывать в возрасте 8 лет под руководством отца. Позднее Али основал организацию «Цветы и листья» («*Пхул-Патти*»), объединяющую художников, занятых украшением грузовиков в разных странах мира. Тем же словосочетанием теперь называют и стиль росписи.

Следуя примеру Хайдара Али, пакистанские художники значительно расширили сферу применения своего искусства. Помимо традиционного украшения транспортных средств (автобусов, минивэнов и скутеров) в стиле *Пхул-Патти* теперь расписывают мебель, предметы домашнего обихода и даже

стены общественных зданий (например, Пресс-клуб в Карачи). Кроме того, Хайдар Али создал своеобразный каталог образов и мотивов искусства грузовиков, из которого следует, что главной целью этого искусства была и остается охрана машины и водителя от аварии и дурного глаза. Поэтому на всех без исключения грузовиках изображается «синий глаз», он же «глаз Фатимы» – амулет от сглаза, хорошо знакомый жителям Турции, арабских стран и Средиземноморья.

Кстати, в качестве оберега на грузовиках часто пишут фразу, ставшую названием упоминавшегося фильма «Гляди, но только с любовью» («*Dekh Magar Pyaar Sey*»), ибо лучшее средство от сглаза (*назар*) – это смотреть на человека с любовью.

И наконец, безусловным предметом национальной гордости пакистанцев являются международные ежегодные литературные фестивали в Карачи, Лахоре и Исламабаде (первые два проходят зимой, третий – осенью). В отличие от научных конференций и семинаров литературный фестиваль – как принято его называть *литфест* – есть мероприятие, с одной стороны, образовательное, с другой – развлекательное. По подбору участников и обсуждаемым проблемам фестиваль – мероприятие элитарное, но по количеству и социальному составу посетителей он – явление массовое и демократическое.

Главная цель литературного фестиваля – предоставить платформу для популяризации национальных литератур, дать возможность читателям как в Пакистане, так и за рубежом познакомиться с новыми именами и новыми произведениями, созданными пакистанскими авторами. Большинство южноазиатских *литфестов* организовано по одной схеме. Они проводятся в высокий, т. е. нежаркий, сезон в течение двух-трех дней. Местом проведения обычно является отель, где живут авторы, гости и организаторы. Тут же, в конференц-залах, холлах и банкетных залах, с утра до вечера проходят заседания, встречи, презентации, мастер-классы и прочие мероприятия, каждое из которых длится не более часа. Во дворе или саду отеля развернуты многочисленные книжные лавки, где посетители могут купить приглянувшиеся им книги, чтобы потом взять автографы у авторов. Подписание книг – особая цере-

мония: к автору выстраивается длинная очередь из читателей, жаждущих получить его автограф.

Официальным организатором фестивалей в Карачи (с 2010 г.) и Исламабаде (с 2013 г.) является издательство Оксфордского университета, а их главным спонсором – Британский совет. Другими спонсорами выступают Альянс Франсез (культурно-просветительская некоммерческая общественная организация, осуществляющая свою деятельность при поддержке посольства Франции), немецкий Институт Гете и посольство США в Исламабаде. Даже в случае Лахорского фестиваля, где задействованы в основном национальные спонсоры, в частности издательский концерн «Доун медиа групп», не обошлось без дотации Верховного комиссариата Канады в Пакистане.

Казалось бы, на всяком литературном фестивале должна главенствовать собственно литература: поэзия, проза и драма. В Пакистане это далеко не так. Как минимум половина заседаний и дискуссий связана с актуальной политикой, а не с литературой. Литературные фестивали чрезвычайно популярны и привлекают большое количество народа. Так, за 3 дня исламабадский фестиваль 2019 г. посетили 70 тыс. человек²³. И это далеко не предел.

Привлекательность литературных фестивалей для широкой публики вряд ли объяснима только любовью пакистанцев к чтению. Речь идет о той особой привлекательности и обаянии, которыми обладает «мягкая сила» стран Запада. Основами «мягкой силы», по американскому политологу Джозефу Наю, который и ввел в середине 1980-х в научный обиход этот термин, являются в первую очередь язык, а также основные культурные и политические ценности и институты²⁴. Воздействие западной «мягкой силы» проявляется и в преобладании английского языка, на котором ведется большая часть заседаний и мероприятий фестивалей. Так, на закрытии карачинского и исламабадского фестивалей присуждается приз за лучшую книгу «нон-фикш» на английском языке (100 тыс. рупий). Отдельный приз присуждает международный концерн Coca Cola. Тематика фестивалей также находится под влиянием «мягкой силы».

Почти треть заседаний и сессий фестивалей посвящена разным аспектам нарушения прав человека в Индии, Бангладеш и Пакистане. Очевидно, что эта неудобная тематика нравится далеко не всем: есть немало аналитиков и политиков, считающих, что литературные фестивали вредны, поскольку очерняют действительность в странах региона, борются с традиционными ценностями и противопоставляют образованное сословие простому народу.

Между тем пакистанские литфесты активно продвигаются с Востока на Запад. Первым был лахорский фестиваль, который перенес свою площадку в Лондон из соображений безопасности. В 2017 г. к 70-летию Пакистана в Лондоне, в центре Southbank, прошел и юбилейный карачинский фестиваль. Конечно, новые площадки в Европе и Америке увеличивают аудиторию фестивалей, делают их более обсуждаемыми и модными событиями международной культурной жизни, но противоречат их основной идее: способствовать литературному процессу в самих странах Южной Азии, в том числе поощряя развитие литературы на национальных языках.

Очевидно, что в ближайшем будущем литературные фестивали сохранят свое влияние в Пакистане и за его пределами. Они успешно играют роль платформы, подиума, а точнее, сцены, где писатели и издатели разыгрывают перед публикой некое действо, в котором литература есть продолжение политики, а политика есть форма развлечения.

¹ Jinnah Muhammad Ali. *The Nation's Voice towards Consolidation: Speeches and Statements* / ed. Waheed Ahmad. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1992. P. 255–256.

² Anwar Syed. The Idea of a Pakistani Nationhood // *Polity*. 1980. № 12(4). P. 575–597.

³ Husain Hammad. The Flag Movement // *Dawn*. 24.05.2009.

⁴ Pakistan sets another record for world's largest flag // *The Express Tribune*. 22.10.2012.

⁵ Махмуд Сафдар. Каид-е Азам, Джаганнатх Азад аур кауми тарана (Великий Вождь, Джаганнатх Азад и национальный гимн) // *Джанг*. 06.06.2010 (на урду).

⁶ Jinnah. Op. cit. P. 187.

⁷ Wolpert Stanley. *Jinnah of Pakistan*. New Delhi: OUP, 2005. P. 189.

⁸ Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955. P. 210.

⁹ Hayat Sikandar. *The Charismatic Leader*. Karachi: OUP, 2011. P. 231.

- ¹⁰ Ali Tariq. *The Duel: Pakistan on the Flight Path of American Power*. N.Y.: Scribner, 2008. P. 187.
- ¹¹ Ibid. P. 387.
- ¹² Азад Джаганнатх. *Ситарон се заррон так* (От звезд до песчинок). Дели: Мактаба-е шарах, 1961. P. 56 (на урду).
- ¹³ Sarwar Beena. Bring back Jagannath Azad's Pakistan anthem // *The Hindu*. 08.01.2012.
- ¹⁴ Jinnah. Op.cit. P.211.
- ¹⁵ Malik Hafeez. *The Growth of Pakistani Nationalism, 800 AD–1947 AD*. Syracuse – New York: Syracuse University, 1961. P. 141.
- ¹⁶ Aziz Khurshid Kamal. *Rahmat Ali: A Biography*. Lahore: Vanguard, 1987. P.85.
- ¹⁷ Rooh-Afza history. URL: <http://www.roohafzabd.com/rooh-afza-history/english-version.html> (accessed: 19.03.2018).
- ¹⁸ Тульчинский Г.Л. Бренды как мифология общества массовой культуры (Tulchinsky G.L. Brands as the myths in the society of mass culture) (In Russ.). URL: <https://marketing.wikireading.ru/17474> (accessed: 21.03.2018).
- ¹⁹ Paracha Nadeem. Cult Pakistan. Part 1 // *Dawn*. 30.06.2011.
- ²⁰ Malhi Waleed. Pakistan's tobacco consumption: The most in South Asia // *Pakistan Today*. 07.02.2013.
- ²¹ Vayani Raisa. Movie review: «Dekh Magar Pyaar Sey» // *Newsline*. September, 2015. P. 96.
- ²² Paracha Nadeem. The elusive history and politics of Pakistan's truck art // *Dawn*. 19.08.2016.
- ²³ Aasim Akhtar. Islamabad literature festival 2019: of recollections and memories // *The News of Sunday*. 06.10.2019.
- ²⁴ Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics // *Public Affairs*, 2004. 191 p.

Глава X

ТРИУМФ И ПРОЩАНИЕ

7 августа 1947 г. Джинна вылетел на вице-королевской «Дакоте» из Дели в Карачи, чтобы стать первым генерал-губернатором нового государства Пакистан. В процессе подготовки не обошлось без конфликта: Конгресс попросил Маунтбеттена остаться генерал-губернатором новой Индии, и вице-король был уверен, что точно с такой же просьбой к нему обратится Мусульманская Лига от имени пакистанцев. Однако Каид-и-Азам заявил, что его последователи настаивают на том, чтобы генерал-губернатором был именно он. А последнее слово обычно принадлежало ему.

Шикарные английские костюмы остались лежать в багаже. Вместо них Джинна надел ослепительно белое *шервани*. Он шел к самолету во главе небольшого эскорта: его сопровождали Фатима, секретарь с плетеной корзиной, полной документов, и слуга с пачкой газет, чтобы было что читать в полете. Войдя в салон самолета, Джинна обернулся и посмотрел на город, в котором он боролся за Пакистан и победил. Потом он произнес: «Полагаю, что я вижу Дели в последний раз». А когда самолет тронулся, добавил: «Ну вот и все».

Когда самолет приблизился к Карачи, Каид-и-Азам увидел через окно тысячи людей, одетых в белое, – словно снежная поляна раскинулась на краю пустыни. В аэропорту ликующий клич «Пакистан зиндабад!» отразился от песков Синда и эхом прокатился над Аравийским морем. По всем дорогам в Карачи устремлялись потоки беженцев. Провинциальный порт в одночасье стал национальной столицей, население которой удвоилось за несколько месяцев. Джинну при-

ветствовали толпы, выстроившиеся вдоль дороги на всем пути от аэропорта до особняка генерал-губернатора. Бывшей резиденции губернаторов Синда суждено было стать последним домом Каид-и-Азама.

Как утверждает Болито, среди тысяч людей, пришедших встречать своего освободителя, был и Нанджи Джафар, с которым Джинна в детстве играл в марблы и которому когда-то подарил клюшку для крикета. «Джинна сдержал свое обещание: он стоял, высоко поднявшись над уличной пылью, так что одежда его была не замарана, а руки чисты для выполнения выпавших ему дел»¹.

А дел было много: за несколько дней надо было создать правительство со всеми бюрократическими атрибутами. Однако первое поколение свободных пакистанцев работало как настоящие подвижники: в резиденции генерал-губернатора пустовавшие офисы заполнились мебелью, зазвонили долго молчавшие телефоны, застучали пишущие машинки, и всего за сутки пакистанцы создали там маленький Уайтхолл – свой Дом правительства.

Джинна, который был центром всего происходящего, ходил по резиденции и своим зорким глазом выявлял недостатки. Так, зайдя в библиотеку, он не обнаружил на полках книг. На вопрос, куда девались книги, ему ответили, что их забрал губернатор Синда. «Теперь они принадлежат государству. Идите и принесите их обратно», – приказал Джинна². Затем он заинтересовался, куда из кладовой девался крокет. Оказалось, что молотки и обручи от крокета взял себе губернатор Панджаба и увез в Лахор. Через несколько недель, будучи в Лахоре, Джинна потребовал, чтобы все детали крокета были возвращены в резиденцию. Видимо, в состоянии общей паники новые губернаторы тащили все, что плохо лежало.

14 августа, накануне Дня независимости, в присутствии вице-короля проходила церемония инаугурации Джинны как генерал-губернатора. Над собравшимися реял новый пакистанский флаг, который выбрал Каид-и-Азам из многих предложенных вариантов. Он был на три четверти зеленым, цвета Ислама, что означало доминирующее мусульманское боль-

шинство, и на одну четверть белым, – белая полоса воплощала религиозные меньшинства. Лиакат Али Хан объяснял присутствующим, что это не флаг отдельной партии или общины, а государственный флаг всей страны, требующий к себе трепетного уважения.

15 августа члены нового Кабинета министров собрались, чтобы принести присягу. Один из адъютантов отправился за Каид-и-Азамом, о чем впоследствии рассказывал так: «Каид стоял там, в своей комнате, и выглядел еще более безупречным, чем всегда. Он только спросил: “Ну мы пошли?” Он спустился по лестнице, и, когда мы дошли до первого этажа, он остановился. Церемония должна была проходить на открытом воздухе, и Каид зашел на балкон, откуда его не было видно, чтобы посмотреть на членов Кабинета и толпу за ними. Он улыбался. Это был первый раз, когда я видел выражение радости на его лице! Я сказал: “Сэр, становится пасмурно. Как бы не пошел дождь”. Он ответил: “Нет, я хорошо знаю эти облака Карачи. В них нет воды.” Мы спустились вниз, и Каид провел всю церемонию, не выказав никаких эмоций. Когда все было кончено, я проводил его обратно в его комнату. Когда я уходил, он улыбался снова, но только самому себе»³.

Эта почти случайная зарисовка, увиденная глазами случайного наблюдателя, точно определяет характер Джинны. Он был, безусловно, счастлив в те минуты своего триумфа, но не хотел ни делиться своим счастьем с окружающими, ни демонстрировать им свое эмоциональное состояние, которое кто-то мог счесть за неумение держать себя в руках. Он переживал момент наивысшей радости в одиночестве – так же, как он переживал удручающие неудачи и тяжелые потери.

В то же время он был так потрясен нереальностью происходящего, что сказал одному из сопровождающих: «Представьте себе, я не надеялся увидеть Пакистан еще при жизни. Нужно денно и нощно благодарить Бога за все, чего мы достигли»⁴.

Празднества, связанные с обретением независимости и основанием Пакистана, давались Джинне тяжело: от смертельной усталости он говорил слишком тихо и иногда даже путал слова. Так, на банкете в честь Маунтбеттенов Джинна

заявил, что «Пакистан и Хиндустан вас никогда не забудут», назвав новую Индию ее историческим, чуть ли не средневековым, названием. Хотя не исключено, что Джинна сделал это нарочно, считая, что традиционное название больше подходит соседнему государству, чем европеизированная Индия. Кроме того, Джинна забыл, что идет пост Рамадан, и ему срочно пришлось менять званый дневной обед на ужин, из-за чего всю программу пребывания вице-короля в Карачи надо было срочно переделывать.

Лиакат Али Хан и другие приближенные члены Лиги, прослушавшие несколько бессвязную речь Джинны на Учредительном собрании, настояли на том, чтобы свое выступление перед вице-королем и дипломатическим корпусом он зачитал по бумажке. Но, несмотря на гложущую его болезнь и отсутствие сил, Джинна продолжал источать такую харизматическую ауру, которую не могли не заметить даже лица, сопровождавшие вице-короля.

«Джинна холоден и замкнут как личность, — вспоминал один из них. — Но в то же время наделен притягательным свойством — исходящей от него ауры прирожденного вождя почти невозможно противиться ... Вот поистине пакистанские монарх-император, архиепископ Кентерберийский, спикер палаты общин и премьер-министр — в одном лице внушающего трепет Каид-и-Азама»⁵.

Местоположение Карачи, его относительная отдаленность от северо-восточной границы позволила городу, даже с учетом населения, быстро растущего за счет беженцев и мухаджиров*, существовать относительно нормально. А вот близость Лахора к этой границе превратила его в человеческий отстойник, который наводнили бесконечные толпы бездомных беженцев. В Лахоре катастрофически не хватало жилья — поджигатели уничтожили чуть ли не треть жилых домов; в реках и водоемах плавали разложившиеся трупы. Просторные мечети

* Мухаджиры — эмигранты-мусульмане полиэтнического происхождения, а также их потомки, которые мигрировали из различных регионов Индии в Пакистан, после обретения последним независимости. Хотя их родные языки были различны, но большинство говорило на урду.

и некогда прекрасные сады превратились в лагеря для бежавших от сикхов мусульман. Несмотря на обострение болезни и высокую температуру, Джинна прибыл в Лахор, чтобы увидеть самому, как пострадал один из самых прекрасных городов субконтинента.

Кончился Рамадан, месяц мусульманского поста. По случаю праздника Ид, знаменующего окончание поста, Джинна выступил по радио с посланием к народу, в котором, в частности, сказал: «Мы, несомненно, добились Пакистана, но это пока что всего лишь начало конца. На нас легли великие обязательства, и столь же великими должны быть наши решимость и усилия их выполнить»⁶.

Однако оставались ли у него силы для выполнения этих великих обязательств? Фатима писала: «Даже час своего торжества Каид-и-Азам встретил, будучи серьезно больным ... Он почти ничего не ел и даже утратил способность усилием воли погружать себя в сон. Все это совпало с известиями о чудовищных случаях резни, изнасилований, поджогов и грабежей по обе стороны границы. Он начинал день с того, что за завтраком обсуждал со мной случаи массового убийства. Нередко у него на глаза навертывались слезы, и он украдкой осушал их носовым платком... После моих настойчивых просьб он согласился показаться своему личному врачу, который поставил диагноз — легкий приступ малярии»⁷.

То ли врачи лгали главному пациенту страны, не желая его пугать, то ли они вообще не разбирались в медицине: у Каид-и-Азама не было никакой малярии, а была терминальная стадия туберкулеза, к которому вскоре прибавился рак легких.

В зрелые годы Джинна не любил проводить время на свежем воздухе: в отличие от Ратти, любительницы звездного неба и пения птиц, он считал прогулки на природе пустой тратой времени. У него не было ни желания, ни времени отдыхать в своем первом саду на Малабарском Холме, и когда утром он пробирался к ждущей его машине по садовым дорожкам, цепляясь за стебли и путаясь ногами в траве, то раздражался и ворчал: «Как в джунглях!». Ему нравились так не похожие друг на друга флоксы и петунии, высаженные в ровные пря-

мые ряды, но сидеть и любоваться ими ему не пришло бы в голову.

Но в последний год жизни вкусы Джинны изменились. Иногда он садился на скамью в саду Дома правительства и сидел в тени, словно созерцая окружающий пейзаж, меж тем веки его смежал сон. Прогуливаясь по саду, он мог остановиться и сорвать гвоздику себе в бутоньерку, чего раньше никогда не делал. Приятель его юности, старый парс Джамшед Нуссерванджи, пошел искать Джинну в саду и нашел его спящим, сидя на скамье. Услышав приближающиеся шаги, Джинна открыл глаза и тихо произнес: «Я так устал, Джамшед, так устал»⁸.

В этом же саду застал Джинну известный журналист, редактор калькуттской газеты *The Statesman* Иэн Стивенс, который впоследствии писал: «Тем временем, хотя и никто не осознавал этого, создатель Пакистана умирал, легкие его были изрешечены туберкулезом, который убил его через несколько месяцев ... В конце долгого интервью, которое длилось 70 минут, он сказал: “Я чувствую себя лучше. Они говорят, что я был болен. Я знаю, что я не был болен. Я устал. И это естественно! Я не молод. У меня много обязанностей. Когда я устаю, мистер Стивенс, я отдыхаю. Я велю врачам уйти. Я не даю им суетиться вокруг себя, это меня раздражает. Нет, я совершенно не болен”»⁹.

Скрывая болезнь Джинны ради политических соображений, он и Фатима так долго и упорно утверждали, что у Каиди-Азама нет серьезного хронического заболевания и что основная причина его постоянного недомогания – постоянная усталость от работы без отдыха, что в это поверили многие его приближенные. Поэтому люди, не знающие, как трагично его состояние здоровья, приписывали его странности дурному характеру.

Один из сотрудников Маунтбеттена описал Джинну как «самого грубого человека к востоку от Суэца». Каким-то образом этот отзыв дошел до Дины Вадиа, и она на него ответила в прессе: «Мой отец бывал иногда высокомерным, но никогда грубым. Если вы проанализируете каждый инцидент, где его обвиняют в грубости, то вы увидите, что первым позволял себе грубить другой человек»¹⁰.

Молодые пакистанцы, которые после Раздела работали с Каидом в качестве секретарей и помощников, были ему преданы, но побаивались его. Между собой они прозвали его «Все – в уме, ничего – в сердце» (All mind, no heart). Один из молодых помощников рассказывал: «Каид-и-Азам был очень старым и уставшим, когда я стал работать у него. Все мои чувства по отношению к нему трепетали от благоговения. Но у него часто менялось настроение. Иногда он бывал очень резким и отмахивался от меня, когда я с ним заговаривал. Через несколько минут он звонил в звонок и вызывал меня. Тогда он добрел и извинялся. “Я стар, слаб и иногда нетерпим. Надеюсь, Вы простите мои дурные манеры”»¹¹.

Конечно, общепринятое мнение о высокомерии и тяжелом характере Джинны было преувеличено: он всегда был человеком на виду, за ним всегда наблюдали чьи-то глаза, и то, что сходило подавляющему большинству людей незамеченным, в его случае становилось предметом обсуждений и сплетен. Вместе с тем Джинна часто бывал великодушен, внимателен к чужим людям, хотя не обходился без иронии.

Однажды, когда он вылетал из Лондона в Бомбей, в аэропорт ворвался кэб (такси), где сидел пожилой мусульманин. Он проехал пол-Лондона из Ист-Энда до аэропорта с одной целью: поклониться Джинне и пожать ему руку. Путешествие через весь город стоило ему несколько фунтов – в конце 1940-х годов это были приличные деньги. Джинна уже садился в самолет, но, услышав о мусульманине, приехавшем в кэбе, вышел на трап и пожал ему руку. Узнав, во что его поклоннику обошлось это рукопожатие, Каид сказал ворчливо, вместо прощания: «Эти мусульмане все-таки такие транжиры!»¹². Эта фраза столь же иронична, как любимое изречение Дины Вадиа: о том, как мусульманин и индуc тратят доставшиеся им 10 рупий (см. глава VII).

Я уже писала о том, что во многих отношениях в своем обществе Джинна был «белой вороной». Так, в нем не было ни капли широко распространенных в Индии с колониальных времен сервильности, угодничества, низкопоклонства, лести и подхалимства, в то время как сервильность и поныне входит

в культурный код определенных социальных групп в Индии и Пакистане.

Однажды, когда во время поездки по стране он остановился в маленьком панджабском городке, приветствовать его вышла процессия крестьян. Они дружно кричали: «*Маулана* Мухаммед Али Джинна Зиндабад!». Джинна не поленился остановить процессию, вышел из машины, поднял свой знаменитый «перст указующий» и стал объяснять толпе, что *маулана* – лидер религиозный, а он, Джинна – лидер политический. «Перестаньте звать меня *маулана*, понятно?»¹³.

Как ранее отмечалось, Джинна с большим раздражением относился к попыткам «украсить» обращение к нему почетными званиями, учеными степенями и титулами, включая британское дворянство. Смущенные крестьяне замолкли: они хотели восславить своего вождя, назвав его известным им почетным званием «*маулана*», а кричать «Мистер Джинна Зиндабад!» им показалось неуместным. Конечно, по мере того как титул «Каиди-Азам» стал официальным, часто возникавшая проблема, как лучше обращаться к Джинне, исчезла.

Интересно, о чем Джинна думал, сидя в саду? Вероятно, о будущем Пакистана, но вряд ли о своем прошлом. У него были свои отношения с прошлым: даже в пожилом возрасте, когда люди все чаще обращаются к воспоминаниям детства и молодости, Джинна не тратил время на мемуары, а к историям прошедших лет относился в основном как к анекдотам, чтобы развлечь своих собеседников. Он никогда более не возвращался в дом на Ньюнхем-роуд, где он родился, где умерла его любимая мать, хотя дом продолжал стоять на том же месте в Карачи. Он не использовал возможность перевезти в Пакистан из Бомбея усыпальницу Ратти, хотя, как законный вдовец, имел на это право. Одним словом, «вчера» переставало существовать для Джинны, даже если оно являлось символом его побед и достижений.

30 января был убит Махатма Ганди. За несколько дней до этого он одержал победу в своей последней голодовке – заставил индийское правительство выплатить Пакистану долг в 550 млн рупий. Обозленные индуисты и сикхи маршировали

вокруг «Бирла Хаус»^{*} с черными флагами, скандируя «Пусть Ганди умрет!» и обзывая его «Магометом Ганди», поскольку он часто на своих молитвенных собраниях защищал Пакистан и цитировал Коран. Вечером 30 января индус-брахман Натхурам Годзе застрелил Ганди, когда тот шел на молитву.

Джинна, отозвавшийся на смерть Махатмы соболезнующим письмом, не мог не увидеть горькой иронии в том, что его самого непримиримого противника убил индуист-ортодокс, считавший Махатму «пакистанским агентом» и «отцом Пакистана». На суде Годзе произнес длинную речь, обвиняя Ганди в том, что тот якобы не оправдал надежд индуистов, во всем поощряя мусульман. Перед тем, как услышать свой смертный приговор, он сказал: «Его (Ганди) внутренний голос, его духовная сила и его доктрина ненасилия, вокруг которой столько шума, – все это рассыпалось перед железной волей Джинны и оказалось бессильным»¹⁴. Джинна часто слышал в свой адрес выражение «железная воля», но, наверное, здесь он содрогнулся, услышав такой комплимент из уст убийцы Ганди.

Последнее публичное выступление Джинны перед большой аудиторией (300 тыс. чел.) происходило в марте 1948 г. в Дакке – второй национальной столице. С момента образования Пакистана Джинна еще ни разу не был в Восточном Пакистане и, несмотря на тяготы, которые ему теперь доставляли перелеты и переезды, отправился туда, где проживала большая часть населения его нового государства, в подавляющем большинстве бенгальцы.

Речь, с которой выступил Джинна в Дакке, смутила и возмутила большинство присутствующих. Обращаясь к бенгальцам, обладавшим богатейшим языковым и литературным наследием, начало которого датируется XI в., Джинна заявил, что государственным языком Пакистана будет урду и «только урду»: «Без единого государственного языка ни одной стране не сохранить своей целостности и жизнеспособности. А потому, если гово-

^{*} Бирла Хаус или Бирла Бхаван – музей, посвященный Махатме Ганди, расположенный в Нью-Дели. Это место, где Ганди провел последние 144 дня своей жизни и был убит 30 января 1948 г. Первоначально это был дом семьи Бирла, индийских деловых магнатов.

рить о государственном языке, то языком Пакистана должен стать урду»¹⁵.

Урду всегда был языком межнационального общения и выступал в качестве официального языка и при британцах в XIX в. Однако навязывать урду как единственный государственный язык бенгальцам, населявшим половину страны, создавало проблему, чреватую национальной рознью. Массовое недовольство и начавшиеся студенческие волнения относительно роли бенгальского языка привели к тому, что позже он тоже получил статус государственного. Но Джинна этого не увидел, как не увидел он войны между двумя частями его Пакистана и в результате превращение Восточного Пакистана в независимую республику Бангладеш, где все говорят только по-бенгальски.

В мае 1948 г. с небывалой помпой состоялось открытие Государственного банка как символа экономической независимости нового государства. Несмотря на уговоры Фатимы, премьер-министра и личного врача, Джинна настоял на том, что церемонию открытия он проведет сам. В своей инаугурационной речи он обращался к новым, не характерным для себя темам, подчеркивая превосходство ислама и «закат» Запада: «Экономическая система Запада создала почти неразрешимые проблемы для человечества, и только чудо может спасти ее от краха, угрожающего миру... Западный мир, несмотря на свои преимущества в технической и индустриальной эффективности, сегодня находится в худшем состоянии, чем когда-либо в истории. Следование западной экономической теории и практике не поможет нам достичь нашей цели – сделать людей счастливыми и довольными. Мы должны сами, своим путем строить свою судьбу и представить миру экономическую систему, основанную на истинно исламской концепции равенства людей и социальной справедливости»¹⁶.

Джинна являлся далеко не первым и уж точно не последним мусульманским мыслителем или общественным деятелем, считавшим, что можно создать исламскую модель экономики, основанную на «равенстве и социальной справедливости». Во всяком случае, остальной мир, несмотря на давно угрожаю-

щий ему крах, пока продолжает пользоваться западной экономической моделью.

Церемония открытия банка была обставлена как королевский выезд. Каид-и-Азама провезли по городу в старинной карете, ранее хранившейся в императорских конюшнях в Дели. Рядом с ним сидела Фатима. В карету были впряжены шесть лошадей, а офицеры эскорта были одеты в алую униформу, которую носили телохранители вице-королей в «старые добрые времена». Первый и последний раз жители Карачи увидели своего героя и избавителя в регалиях правителя. Осторожный по природе, Джинна наклонился к военному секретарю-англичанину и спросил: «Полковник, надеюсь лошади у вас хорошо дрессированы?»¹⁷.

Один из сопровождавших Джинну военных-пакистанцев, лейтенант Мазхар Ахмед, позднее описал конец этого дня: «Каид-и-Азам был очень слаб и утомлен, когда садился в карету. Тысячи людей обступили карету, словно хотели дотронуться до него, но их не подпускали всадники эскорта. Те, кто оказался поближе, тянули к карете руки, словно в экстазе. Когда мы вернулись в Дом правительства, мы вместе поднялись по лестнице и свернули направо, к комнате мистера Джинны. Сделав несколько шагов, он велел мне уйти. Спускаясь, я обернулся и увидел, что он, пошатываясь, идет к своей двери. Я уже знал, что он очень болен, но не решился вернуться и помочь ему. Это было бы непрошенное вмешательство, чего он никогда не разрешал»¹⁸.

Еще одна случайная зарисовка, но столько говорящая о силе духа Джинны. Он знал, что ему трудно будет самому пройти несколько шагов до двери, от слабости его не слушались ноги. Но он предпочел отпустить помощника и, шатаясь, передвигаться сам, чтобы не показывать свою беспомощность посторонним, в данном случае молодому лейтенанту. И эту борьбу за право распоряжаться собой и своим телом, как бы болен и слаб он ни был, Джинна сделал законом в доме: помощь, о которой он не просил, была наказуема как «непрошенное вмешательство».

Поскольку состояние Джинны явно ухудшалось с каждым днем, врачи рекомендовали перевезти его на местность с разре-

женным воздухом, где бы ему легче дышалось, и с этой целью выбрали Зиярат*, затерянный в горах посёлок белуджей, расположенный за сорок миль от Кветты, столицы Белуджистана, и на несколько тысяч футов выше. Британцы построили здесь просторный и относительно удобный особняк, который стал последним прибежищем Каид-и-Азама.

«Резиденция в Зиярате, – вспоминала Фатима, – представляла собой живописное, старое, двухэтажное здание, стоящее, как бдительный страж, на высоком холме. Там были просторные лужайки и сады, где птицы распевали свои утренние гимны и вечерние молебны. Много фруктовых деревьев и цветочных клумб добавляли живописной красоты этому месту, и Каид-и-Азаму пришлось по душе здешние тишина и очарование»¹⁹.

Зиярат ему настолько понравился, что он обсуждал возможность превратить его в курорт, построив там большие отели, бунгало, разбив парки и др. «Знаете, я часто мечтаю, – говорил он своему секретарю Амину, – и иногда мои мечты сбываются. Пакистан был именно такой мечтой. Возможно, мои мечты о Зиярате однажды станут реальностью»²⁰.

Помимо Фатимы при нем должен был постоянно находиться личный врач, подполковник медицинской службы Иллахи Бахш, книга которого в подробностях описывает последние дни жизни Джинны. В свою очередь, доктор Бахш, несмотря на яростное сопротивление пациента, настоял на присутствии в доме профессиональной медсестры Филлис Данхем, чтобы «измерять пульс и температуру», умение и помощь которой Джинна со временем оценил.

Первая встреча доктора Бахша со своим пациентом потрясла врача: при росте более 180 см Каид весил 36 килограмм. «Я с горечью убедился, что на самом деле он был куда более исхудавшим, чем казался в пижаме, и задался вопросом, как ему удастся жить и работать на такой стадии истощения»²¹. Сам Джинна жил на чае, кофе и обычной воде, которой запивал таблетки.

* Слово «зиярат» в переводе означает посещение, паломничество к святыне, обычно, к гробнице святого, а также обозначение самого места паломничества (гробница, могила).

Ни один врач не смог бы организовать внебольничное обследование тяжелого больного лучше, чем это сделал Иллахи Бахш. В течение недели все медицинские светила Пакистана прилетели в Зиярат, привезя с собой клиническую лабораторию со всеми реактивами и переносную рентгеновскую установку. То, что они выявили, подтвердило худшие подозрения: на фоне туберкулеза у Джинны начинался рак легких, на который не действовали никакие лекарства, в том числе присланный из-за границы антибиотик стрептомицин, тогда считавшийся панацеей.

О том, как спокойно воспринял Джинна смертельный диагноз, было уже написано в главе III: его больше волновало, как отреагировала на страшную новость Фатима. В Зиярат приезжали наиболее близкие соратники: из Нью-Йорка прилетел Испакхани, готовый организовать любую медицинскую помощь из Америки. После визита Лиаката Али Хана Джинна сказал сестре: «Знаешь, зачем он прилетал? Чтобы выяснить, насколько серьезно я болен и долго ли протяну»²².

И это была правда, хотя Джинне и особенно Фатиме, критически относившейся к Лиакату и его жене, она казалась оскорбительной, поскольку речь шла о человеке, которого они ранее считали другом. Отношение Джинны к Лиакату Али Хану в последний год испортилось: он считал, что премьер-министр плохо справляется со своими обязанностями. Что касается Фатимы, она вообще подозревала, что Лиакат и Раана Али Хан намеренно выманили Джинну из Лондона, где он так спокойно жил и хорошо себя чувствовал. Однако, что ни говори, Лиакат Али Хан являлся вторым лицом в государстве и должен был представлять, каковы ближайшие перспективы руководства государством. Больше к Джинне Лиаката под разными предложениями не пускали, он не сумел получить от него никаких напутствий ни в Зиярате, ни в Кветте. И когда он наконец смог войти в покои Каид-и-Азама, тот уже был мертв²³.

13 августа врачи решили, что разреженный воздух дает излишнюю нагрузку на сердце больного, и началось последнее путешествие Каид-и-Азама – возвращение домой, в Карачи, через Кветту. Как вспоминала Фатима, он захотел ехать

«в новом, с иголки, костюме, при галстукке ему в тон и платочке в нагрудном кармане. Я помогла ему надеть начищенные выходные туфли»²⁴. Джинна стремился оставаться самим собой, элегантным и аккуратным, даже на пороге смерти.

Во время путешествия в Кветту опять проявился лейтенант Мазхар Ахмед, который сопровождал Каид-и-Азама в день открытия Государственного банка. Он вспоминал: «Когда я вносил Каид-и-Азама в машину, его щека была рядом с моей, и я мог слышать его тихое дыхание. Я все еще держал его на руках, когда он сказал: “Мазхар, ты еле дышишь, и мне нечем дышать. Давай-ка сделаем паузу” ... Когда мы прибыли в резиденцию в Кветте, я отнес Каид-и-Азама в кровать. Он улыбнулся мне, пока я поправлял его постель, но ничего не сказал»²⁵.

Какое-то время в Кветте Джинна чувствовал себя лучше, так что врачи даже разрешили ему выкуривать одну сигарету в день – до болезни он выкуривал более пятидесяти своих любимых «Крейвен Эй» ежедневно. Однако домой он не спешил и говорил Бахшу: «Не доставляйте меня в Карачи на костылях. Я хочу отправиться домой, когда смогу сам пройти от машины до моих личных покоев. Не желаю, чтобы меня вносили в мою комнату на носилках»²⁶.

Желание оставаться самостоятельным и независимым было в нем сильнее смерти. Но его прославленная сила воли слабела, что стало ясно из его слов Бахшу: «Когда вы впервые приехали в Зиярат, я хотел жить. А сейчас мне все равно, буду я жить или нет»²⁷.

В конце августа к туберкулезу и раку добавилась пневмония с высокой температурой, сердечной аритмией и дыхательной недостаточностью. Поэтому 11 сентября три самолета – «Викинг» генерал-губернатора и две «Дакоты» – вывезли Джинну, весь его персонал и багаж из Кветты в Карачи. Джинну поместили на носилках в санитарную машину. Дальше начался настоящий дорожный кошмар, о котором с содроганием вспоминали все его участники: Фатима, доктор Бахш и медсестра Филлис Данхем.

«Мы проехали четыре или пять миль, когда мотор санитарной машины закашлял, и она остановилась, – вспоминала Фатима. – Я вышла, и мне сказали, что кончился бензин, однако

водитель почему-то копался в моторе... Не было ни малейшего ветерка, стояла влажная душливая жара. В довершение всего вокруг него роились мухи, а у него не было сил их отогнать. Мы с сестрой Данхем по очереди его обмахивали, ожидая, когда приедет другая машина вместо сломавшейся. Каждая минута тянулась мучительно долго... Мы прождали больше часа, и час этот был самым долгим и страшным в моей жизни»²⁸.

Доктор Бахш в своей книге, описывая этот же эпизод, добавил: «Было бы чудовищно, если бы он, перенеся перелет и все мученья, умер бы прямо на обочине»²⁹.

История с санитарной машиной получила такую широкую огласку, что ее пересказал Манто в многократно цитированном мною рассказе: «Господин умер. Хотел бы я быть с ним в той поездке. Это был бы его открытый белый Паккард, я сидел бы за рулем, вел бы машину очень медленно – его хрупкое тело не переносило тряски. Я слышал, Аллах знает, это правда или нет, что, когда аэроплан господина приземлился в Карачи, мотор санитарной машины, которая везла его в Дом правительства, сломался. Машина остановилась, проехав совсем немного. Господин, должно быть, был так раздражен!»³⁰.

На всю жизнь запомнила эту остановку на дороге англичанка-медсестра Филлис Данхем: «Мы стояли недалеко от лагеря беженцев, откуда летели полчища мух. Я нашла лист картона и обмахивала им лицо мистера Джинны, чтобы отогнать мух. Пока мы несколько минут были одни, он сделал жест, который я не забуду никогда. Он отодвинул простыню, закрывавшую его руки, и положил свою ладонь на мою. Он молчал, но в глазах его было такое выражение благодарности. Это была награда за все, что я делала для него»³¹.

Наконец, прибыла новая санитарная машина, которая довольно быстро добралась до правительственной резиденции. Каида отнесли в его комнату. Бахш наклонился над ним и прошептал: «Сэр, мы сделали вам укол, чтобы придать вам сил. Бог даст, вы еще будете жить!» Каид-и-Азам повернул голову и сказал свои последние слова: «Нет, не буду.» Через полчаса он умер»³².

В воспоминаниях Фатимы последние слова, которые произнес Джинна, звучат совершенно иначе. Это был символ веры

шахада, как и подобает истинному мусульманину. «Он открыл глаза, увидел меня и сделал знак глазами, чтобы я подошла ближе. Он предпринял последнюю попытку заговорить и прошептал: “Фати, прощай. Ля илаха ильяллах. Мухаммадун расулуллах”^{*}. Его голова немного сдвинулась вправо, и глаза закрылись»³³.

Каид-и-Азам скончался вечером 11 сентября 1948 г. Обернутый в простой саван, он на следующий день был погребен в Карачи. Умер один из самых целеустремленных людей в истории, для которого не существовало невозможного.

Мавзолей Каид-и-Азама (Мазар-и-Каид) – самое красивое здание в архитектурно скучном Карачи. Он расположен в центре города как главный его символ. Сооружен мавзолей в 1960-х годах в модернистском стиле, а свой окончательный современный вид приобрел в 1971 г.

Мавзолей сооружен из белого мрамора, его украшают четыре сильно заострённые мавританские арки, служащие входами, и огромный мраморный купол. Здание, представляющее в плане квадрат со стороной 75 м, высотой 43 м, установлено на четырёхметровой платформе, окружённой обширным парком.

Пространство внутри мавзолея напоминает прохладное святилище, стены которого отражают зеленый цвет огромной четырехъярусной хрустальной люстры, подаренной Пакистану Китайской Народной Республикой. Мемориальная плита Джинны обрамлена серебряными перилами. Тысячи людей ежедневно приходят в мавзолей, чтобы отдать дань уважения отцу-основателю нации и наблюдать торжественную церемонию смены почётного караула.

Телесная смерть Мохаммеда Али Джинны наступила в 1948 г., и его последнее пристанище было первоначально отмечено белой мраморной плитой, поднятой на постамент, к которому вели мраморные ступени. В 1949 г. был учрежден Мемориальный фонд Каид-и-Азама (QMF), который получил многочисленные предложения об учреждении мемориала в честь Джинны. К 1952 г. его мавзолей был увенчан небольшим куполом, в котором хранились некоторые из личные вещи.

^{*} «Нет божества кроме Аллаха, и Мохаммед – Посланник Аллаха».

Уже в начале 1950-х годов это место выглядело неухоженным и заброшенным, что возмущало многих пакистанцев. Фатима Джинна и QMF получали множество писем от обеспокоенных соотечественников по поводу печального состояния могилы Каида-и-Азама и выступали за создание более подходящего памятника основателю Пакистана.

В 1952 г. QMF предложил установить в Пакистане четыре объекта, посвященных памяти Джинны – мавзолей и мечеть на их нынешнем месте в центре Карачи, религиозную школу Дар-уль-улум в Панджабе и Университет науки и технологий в Восточном Пакистане. В 1954 г. для проектирования мавзолея был приглашен индийский архитектор, но позже он был уволен. В 1955 г. фонд нанял турецкого архитектора, но его проект также был отклонен.

В 1957 г. правительство Пакистана провело международный конкурс на проект создания мавзолея Джинны. Первоначально конкурс выиграл британский архитектор Уильям Уитфилд. Деятельность государства по выбору лучшего из проектов мавзолея сопровождалась активными усилиями Фатимы, которая стремилась получить максимальную поддержку общественности, добиваясь, чтобы в окончательном виде памятник ее брату оказался таким, как она считала нужным.

Фатима фактически наложила вето на предложение британцев 1957 г. и взяла на себя управление QMF. Она объясняла это вето не только недостатками британского варианта, но и тем, что памятник Каид-и-Азаму должен быть построен если не соотечественником, то уж никак не представителем бывшей колониальной державы. Затем она поручила архитектору Яхье Мерчанту из Бомбея, который приходился дальним родственником Джинне, спроектировать памятник.

Здание по проекту Мерчанта имело классическую форму южноазиатской гробницы – форму куба с куполом, облицованного белым мрамором. Мавзолей был установлен на возвышенности на холме, с которого открывался панорамный вид города. Выдающийся пакистанский историк и археолог Ахмад Хасан Дани назвал новый мавзолей «не рабским подражанием старой традиции. На самом деле он является проявлением мусульман-

ского духа прошлого, но создан для удовлетворения новых требований настоящего в современной архитектуре»³⁴.

Президент Айюб Хан заложил первый камень в фундамент памятника 31 июля 1960 г. Он был открыт президентом Яхья Ханом 18 января 1971 г. Сады, окружающие мавзолей, были завершены только в декабре 2000 г.

Мавзолей был спроектирован в модернистском стиле, популярном в 1960-х и 1970-х годах, и был назван «традиционным памятником модернистского периода»³⁵. На расстоянии он кажется простым по форме, но богатым в использовании материалов, со сложной детализацией интерьера при внимательном близком рассмотрении. Белый мрамор как символ торжественности, простые «базовые» геометрические формы призваны отразить чистоту помыслов и миссии Джинны и масштабы его фигуры. При всем модернистском стиле дизайн мавзолея явно использует восточные образцы, в частности саманидские усыпальницы Бухары VIII–X вв.

Внутри надгробного комплекса разбиты четыре могилы в ряд и одна отдельно к северу. Та, что на севере, украшена серией черных цветочных узоров у основания; в ней покоятся останки Фатимы Джинны. Из четырех могил две первые крайние принадлежат Лиакату Али Хану и его жене Бегум Раане Лиакат Али Хан. В другой крайней могиле захоронен один из лидеров пакистанского движения и первый губернатор Пенджаба Абдурраб Ништар. В центре погребен Нурул Амин, восьмой премьер-министр Пакистана.

Все эти могилы сделаны из итальянского белого мрамора, имеют коробчатый тип, как главный саркофаг Джинны, и поставлены на тройное основание. Но стороны этих могил сужаются внутрь, а стены саркофага Джинны расходятся наружу. Все это простые, ничем не украшенные могилы, за исключением усыпальницы Фатимы, которая имеет базальный цветочный орнамент.

Мавзолей расположен в парке площадью 53 гектара, а площадь здания, как уже говорилось, составляет 75 на 75 м (246 на 246 футов) при высоте 43 м (141 фут) и стоит на платформе высотой 4 м (13 футов). В каждой стене размещен вход.

Пятнадцать фонтанов последовательно ведут к платформе с одной стороны, а террасированные проспекты со всех сторон ведут к воротам. Вокруг мавзолея расположен парк с мощными прожекторами, которые ночью освещают белый мавзолей.

Мавзолей Каид-и-Азама используется по особым поводам для официальных и военных церемоний, таких как 23 марта (День Пакистана), 14 августа (День независимости), 11 сентября (Годовщина смерти Каид-и-Азама) и 25 декабря (День Его Рождения). Видные деятели и официальные лица из зарубежных стран всегда посещают мавзолей, чтобы почтить память отца-основателя Пакистана.

Обычно интерьер южноазиатской гробницы – я имею в виду гробницы святых, к которым по степени поклонения и массового почитания можно отнести Джинну – исключительно красочен: он изобилует яркими тканями, разложенными на полу, цветной слюдой, большими и маленькими зеркалами, свисающими с потолка золочеными и посеребренными гирляндами и мириадами розовых лепестков, которыми засыпано ложе святого – центр поклонения. Но и современные усыпальницы политиков, в частности большой ритуальный комплекс Беназир Бхутто и ее семьи в Гархи-Кхуда-бахш, также изобильно украшен живыми и искусственными цветами, хрустальными светильниками и многочисленными яркими плакатами с изображениями объекта поклонения.

Интерьер Мазар-и-Каид решен совсем иначе, скорее по-европейски: строгий прямоугольной формы кенотаф с надписями на урду и бенгальском, прохладная, почти монохромная среда, как в готическом соборе, со спускающейся вниз центральной вертикалью люстры, по-китайски изящной из-за хрустальной бахромы и массивной одновременно, удачно создает метафорический образ самого Каид-и-Азама: с его внешней строгостью, высотой, изяществом и холодностью.

Джинна родился и умер в Карачи, сделал этот город столицей своего государства, но в глубине души он любил Бомбей – не зря же он мечтал вернуться в свой дом на Малабарском Холме, если когда-нибудь «выйдет на покой». От Карачи до Бомбея по прямой меньше 1000 км. Но теперь это два раз-

ных мира. Там, по другую сторону индо-пакистанской границы, на окраине города, который теперь зовется Мумбаи, находится старое шиитское кладбище Мазгаон Рехматабад, которым управляют иснаашариты. На этом кладбище есть небольшая площадка, где хоронили шиитов Ходжа, издали заметная по надписям на гуджарати на гробницах.

«Большинство гробниц здесь почти полностью покрыты мхом. Одна потемневшая от времени усыпальница стоит особняком: на ней надпись “Ратанбаи Мохаммед Али Джинна. Родилась 20 февраля 1900 – скончалась 20 февраля 1929”. Серые мраморные столбы вокруг могилы смотрятся с внушительной решимостью, придавая ей полностью османский вид. Могила Ратти стоит в углу, и видно, что ее почти никто не посещает»³⁶. Никто не посещает, притом что правнуки Ратти и их семьи живут в Индии, в том числе в Мумбаи.

Несравнимые посмертные судьбы были уготованы Джинне и той единственной женщине, которую он любил. Любил, но не сумел ни сделать ее счастливой, ни сам испытать счастье, ибо взял на себя неподъемную ношу, не оставлявшую места для любви. Однако он поднял эту ношу, вынес ее к людям в большой мир и, умирая, передал будущим поколениям пакистанцев.

И все же, будучи «воплощенным разумом» («all mind», как шутило его молодое окружение), он не мог окончательно скрыться от обычных человеческих чувств – от любви матери, жены, сестры и дочери. Возможно, именно энергия этих чувств, которым он не уделял необходимого внимания, помогла ему выжить, вынести груз непонимания, вытерпеть смертельную болезнь и нечеловеческую усталость и триумфально закончить свою миссию – свой Пакистан.

¹ Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955. P. 195.

² Ibid. P. 196–97.

³ Allana G. *Quaid-i-Azam Jinnah: The Story of a Nation*. Karachi: Ferozsons Ltd., 1967. P. 243.

⁴ Wolpert Stanley. Op. cit. P. 386.

⁵ Цит. по: Beg Aziz. *Jinnah and His Times. A Biography*. Islamabad: Babur & Amer Publications, 1986. P. 196.

⁶ Jinnah Muhammad Ali. *The Nation's Voice towards Consolidation: Speeches and Statements* / ed. Waheed Ahmad. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1992. P. 211.

- ⁷ Jinnah Fatima. *My Brother*. Karachi: Quaid-e-Azam Academi, 1987. P. 52.
- ⁸ Mujahid Sharif al. *Quaid-i-Azam Jinnah: Studies in Interpretation*. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1981. P. 261.
- ⁹ Pirzada Syed Sharifuddin. *Some Aspects of Quaid-i-Azam's Life*. Islamabad: National Commission on Historical and Cultural Research, 1978. P. 198.
- ¹⁰ Ahmed S. Akbar. *Jinnah, Pakistan, and Islamic Identity: The Search for Saladin*. London: Routledge, 1997. P. 217.
- ¹¹ Ispahani M.A.H. *Quaid-i-Azam Jinnah as I Knew Him*. Karachi: Forward Publications Trust, 1967. P. 133.
- ¹² Bolitho Hector. Op. cit. P. 213.
- ¹³ Qureshi Fazal Haque (ed). *Every Day with Quaid-i-Azam*. Karachi: Sultan Ashraf Qureshi, 1978. P. 89.
- ¹⁴ Sadheendra Kulkarni. His killer said he was 'The Father of Pakistan // DAWN. 22.10.2019.
- ¹⁵ Jinnah Muhammad Ali. *The Nation's Voice towards Consolidation: Speeches and Statements* / ed. Waheed Ahmad. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1992. P. 238.
- ¹⁶ Afzal M. Rafique. *Selected Speeches and Statements of the Quaid-i-Azam Mohammad Ali Jinnah*. Lahore: Research Society of Pakistan, 1966. P. 178.
- ¹⁷ Bolitho Hector. Op. cit. P. 218.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Jinnah Fatima. Op. cit. P. 23.
- ²⁰ Amin Farrukh. *The Last Day of Quaid-i-Azam // Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 148.
- ²¹ Ilahi Bakhsh. *With the Quaid-i-Azam During His Last Days*. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1978. P. 5.
- ²² Цит. по: Wolpert Stanley. Op. cit. P. 417.
- ²³ Husain Altaf. *Memories of the Quaid-i-Azam // Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966. P. 80.
- ²⁴ Jinnah Fatima. *My Brother*. Karachi: Quaid-e-Azam Academi, 1987. P. 54.
- ²⁵ Bolitho Hector. Op. cit. P. 223.
- ²⁶ Ilahi Bakhsh. Op. cit. P. 28.
- ²⁷ Ibid. P. 31.
- ²⁸ Jinnah Fatima. Op. cit. P. 58.
- ²⁹ Ilahi Bakhsh. Op. cit. P. 47.
- ³⁰ Manto S.H. *Selected Stories*, tr. by Aatish Taseer. Vintage/Random House India, 2008.
- ³¹ Bolitho Hector. Op. cit. P. 224.
- ³² Ilahi Bakhsh. Op. cit. P. 47-48.
- ³³ Jinnah Fatima. Op. cit. P. 38.
- ³⁴ Ahmed Hasan Dani. *The Quaid-e-Azam Mausoleum in Pictures*. Islamabad: Ministry of Education Press, 1976. P. 9.
- ³⁵ Yusuf Shundana. *Monument without Qualities*. Massachusetts Institute of Technology, 2001.
- ³⁶ Chaitanya Marpakwar. *The greats that lie six feet under // Mumbai Mirror*, Updated. 20.11.2016.

БИБЛИОГРАФИЯ

Afzal M. Rafique. *Selected Speeches and Statements of the Quaid-i-Azam Mohammad Ali Jinnah*. Lahore: Research Society of Pakistan, 1966.

Ahmad Jamiluddin. *Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966.

Ahmad Riaz. *Quaid-i-Azam Mohammad Ali Jinnah: The Formative Years 1892–1920*. Islamabad: National Institute of Historical and Cultural Research, 1986.

Ahmed S. Akbar. *Jinnah, Pakistan and Islamic Identity: The Search for Saladin*. London: Routledge, 1997.

Allana G. *Quaid-i-Azam Jinnah: The Story of a Nation*. Karachi: Ferozsons Ltd., 1967.

Amin Farrukh. *The Last Day of Quaid-i-Azam // Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966.

Armstrong H.C. *Grey Wolf, Mustafa Kemal: An Intimate Study of a Dictator*. London: Routledge, 2016.

Asghar Ali Azra. Indian Muslim Women's Suffrage Campaign: Personal Dilemma and Communal Identity // *Journal of Pakistan Historical Society*. 1999. No 47(2). P. 33–46.

Bawany Yahya Hashim. *Rare Speeches and Documents of Quaid-i-Azam*. Karachi: Arif Mukati, 1987.

Beg Aziz. *Jinnah and His Times. A Biography*. Islamabad: Babur & Amer Publications, 1986.

Bolitho Hector. *Jinnah: Creator of Pakistan*. New York: The Macmillan Co., 1955.

Bryant Wells Ian. *Ambassador of Hindu-Muslim Unity: Jinnah's Early Politics*. New Delhi: Permanent Black, 2005.

Chagla M.C. *Roses in December. An Autobiography*. Mumbai: Bharatiya Vidya Bhavan, 2012.

Collins Larry and Lapierre Dominique. *Freedom at Midnight*. New York: Simon & Schuster, 1975.

Chaman Lal Dewan. *The Quaid-i-Azam as I knew him / ed. Ahmad Jamiluddin. Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966.

Dani Ahmed Hasan (ed). *World Scholars on Quaid-i-Azam Mohammad Ali Jinnah*. Islamabad: Quaid-i-Azam University, 1979.

Dutta Prabhash K. *Story of Jinnah House where partition of India was discussed / India Today*. 01.04.2017. Retrieved 11.08.2020.

- Dwarkadas Kanji. *Ruttie Jinnah; the story of a great friendship*. Bombay, 1963.
- Dwarkadas Kanji. *India Fights for Freedom: 1913–1937*. Bombay: Popular Prakashan, 1966.
- Edwards S.M. *Memoirs of Sir Dinshaw Manackjee Petit*. Oxford: OUP, 1923.
- Enduring Legacy – Parsis of the Twentieth Century* /ed. Nawaz Modi. Mumbai, 2005.
- Feldman H. *Karachi Through a Hundred Years*. Karachi: OUP, 1970.
- Frank Katherine. *Indira: Life of Indira Nehru Gandhi*. New York: Harper Perennial, 2007.
- Gandhi M.K. *The Story of My Experiments with Truth*. Washington: Public Affairs Press, 1948.
- Hajari Nisid. *Midnight's Furies: The Deadly Legacy of India's Partition*. Boston, New York: Houston Mifflin Harcourt, 2015.
- Haider Khwaja Razi. *Ruttie Jinnah*. Karachi: OUP, 2010.
- Hasan Amir, *Vanishing Culture of Lucknow*. B.R. Publishing Corporation.1990.
- Hasan Syed Shamsul. *Plain Mister Jinnah*. Vol. 1. Of *Selections from Shamsul Hasan Collection*. Karachi: Royal Book Company, 1976.
- Ispahani M.A.H. *Quaid-i-Azam Jinnah as I Knew Him*. Karachi: Forward Publications Trust, 1967.
- Ispahani M.A.H. "Quit India" Movement and Quaid-i-Azam // *Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966.
- Ilahi Bakhsh. *With the Quaid-i-Azam During His Last Days*. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1978.
- Jinnah Fatima. *My Brother*. Karachi: Quaid-e-Azam Academi, 1987.
- The Jinnah Anthology* / ed. Liaquat H. Merchant. Karachi: OUP, 2010.
- Jinnah Muhammad Ali. *The Nation's Voice towards Consolidation: Speeches and Statements* / ed. Waheed Ahmad. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1992.
- Kazi G. Miss Fatima Jinnah: circumstances of her death. URL: <https://www.flickr.com/photos/pimu/2477119935>
- Khan S. (ed.) *Speeches, Messages and Statements of Madar-e-Millat Mohtarma Fatima Jinnah*. Lahore, 1976.
- Khan, Dr Saad S. *Ruttie Jinnah: The Woman who stood defiant*. Penguin Random House, 2020.
- Khawaja Nusrat. *The Woman of Steel* // *Newsline*. August, 2017.
- Lelyveld David. *Aligarh's First Generation*. Princeton University Press, 1977.
- Malgonkar Manohar. *Dropping Names*. New Delhi: Roli Books, 1996.
- Manto. S.H. *Selected Stories* / tr. by Aatish Taseer. Vintage/Random House India, 2008.
- Malik R., Awan S. *Women's Emancipation in South Asia: A Case Study of Fatima Jinnah*. Lahore: University of Punjab, 2003.

- Mehta Ved. *Mahatma Gandhi and His Apostles*. New York, 1977.
- Merchant L. *Jinnah. A Judicial Verdict*. Karachi, 1990.
- Mody Jehangir. *Jamsetjee Jeejeebhoy: The First Indian Knight and Baronet*. Bombay, 1959.
- Mohomed Ali Jinnah, *An Ambassador of Unity, His Speeches and Writings, 1912–1917*, with a biographical appreciation by Sarojini Naidu. Madras: Ganesh & Co, 1917.
- Montagu E.S. *An Indian Diary* / ed. Venetia Montagu. Heinemann, 1930.
- Mujahid Sharif al. *Quaid-i-Azam Jinnah: Studies in Interpretation*. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1981.
- Nanda B.R. *The Nehrus: Motilal and Jawaharlal*. London: Allan & Unwin, 1954.
- Naeem S. Jinnah's possessions shifted to Flagstaff House // *The Express Tribune*. 25.02.2016.
- Naidu Sarojini. *Mohammed Ali Jinnah – Ambassador of Hindu-Muslim Unity / Quaid-e-Azam as seen by his contemporaries*. Lahore: Publishers United Ltd., 1966.
- Pakistan: Past and Present*. London: Stacy International, 1977.
- Palsetia S. Jesse. *The Parsis of India*. Preservation of Identity in Bombay City. Leiden: Brill, 2001.
- Pandit Vijaya Lakshmi. *The Scope of Happiness: A Personal Memoir*. New York: Crown Publishers, 1979.
- The Parsee Sheriff of Bombay. *Illustrated London News*. (16.04.1887). P. 443–444. *Hathi Trust Digital Library* web version of a copy in The University of Chicago Library. Web. 9. 01.2016.
- Perveez Mody. Love and the Law: Love-Marriage in Delhi // *Modern Asian Studies*. 2002. № 36. P. 223–256.
- Pirbhai Reza M. *Fatima Jinnah: Mother of the Nation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Pirzada, Syed Sharifuddin. *Some Aspects of Quaid-i-Azam's Life*. Islamabad: National Commission on Historical and Cultural Research, 1978.
- Pirzada, Syed Sharifuddin. *The Collected Works of Quaid-i-Azam Mohammad Ali Jinnah*. Vol. I. Karachi: East and West Publishing Co, 1984.
- Pirzada, Syed Sharifuddin (ed). *Foundations of Pakistan: All-India Muslim League Documents*. Vol. I (1906–1924), Vol. II (1924–1927). Karachi: National Publishing House Ltd., 1969.
- Quaid-i-Azam Papers*. Islamabad: National Archives of Pakistan, n. d.
- Qureshi Fazal Haque (ed). *Every Day with Quaid-i-Azam*. Karachi: Sultan Ashraf Qureshi, 1978.
- Ravoof A. *Meet Mr Jinnah*. Lahore: Sh. Muhammad Ashraf, 1961.
- Raja of Mahmudabad. *Some Memories //The Partition of India*, ed. C.H. Philips. London: George Allen &Unwin Ltd., 1970.
- Reddy Sheela. *Mr and Mrs Jinnah. The Marriage That Shook India*. Penguin Viking India, 2017.

Riazul Haq. A rare insight into the Quaid's early education // The Express Tribune. 25.12.2016. Retrieved 23. 01.2020.

Robinson Francis. Separatism among Indian Muslims, 1860–1923. Cambridge University Press, 2007.

Sayeed Khalid B. Pakistan: The Formative Phase 1857–1948. London: Oxford University Press, 1968, 2nd edition.

Saiyid M.H. *Mohammad Ali Jinnah: A Political Study*. Lahore: S.M. Ashraf, 1955.

Sengupta Padmini. *Sarojini Naidu: A Biography*. Bombay: Asia Publishing House, 1966.

Setalvad Chimanlal. *Recollections and Reflections. An Autobiography*. Bombay: Padma Publications, 1946.

Shagufta Yasmeen. *Ruttie Jinnah: Life and Love*. Islamabad: Royal Book Co., 2010.

Sisson R. and Rose L. *War and Secession: Pakistan, India, and the Creation of Bangladesh*. University of California Press, 1990.

Shahnawaz Jahan Ara, *Quaid-i-Azam and Muslim Women*. Karachi: National Book Foundation, 1976.

Shahnawaz Jahan Ara. Reminiscences // Ahmad Jamiluddin. *Quaid-i-Azam as seen by his Contemporaries*. Lahore: United Publishers, 1966.

Sri Prakasa. *Pakistan: Birth and Early Days*. Meerut: Meenakshi Prakashan, 1965.

Stephens Ian. *Horned Moon: An Account of a Journey Through Pakistan, Kashmir and Afghanistan*. London: Chatto & Windus, 1953.

Toosy M.S. *My Reminiscences of Quaid-i-Azam*. Islamabad: National Committee for Birth Centenary Celebrations of Quaid-i-Azam Mohammad Ali Jinnah, 1976.

Virani Shafique N. *The Ismailis in the Middle Ages: A History of Survival, A Search for Salvation*. New York: Oxford University Press, 2007.

Wolpert Stanley. *Tilak and Gokhale*. University of California Press, 1962.

Wolpert Stanley. *Jinnah of Pakistan*. New Delhi: OUP, 2005.

Yusaf Shundana. *Monument without Qualities*. Massachusetts Institute of Technology, 2001.

Zaidi Z.H. (ed). *Jinnah Papers. Prelude to Pakistan*. National Archives of Pakistan, 1993.

Z. H. Zaidi (ed). *Jinnah Papers: Pakistan Struggling for Survival*. National Archives of Pakistan, 2002.

Zakariya Sajid. *Quaid-i-Azam meri nazar mein (Кайд-и-Азам в моем представлении)*. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1985.

Научное издание

СУВОРОВА Анна Ароновна

**РАЗУМ И ЧУВСТВА:
ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ МОХАММЕДА АЛИ ДЖИННЫ**

печатается в авторской редакции

Корректор *Грикурова М. Я.*
Верстка *Макеева Н. В.*

Подписано 01.12.2021
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,63. Уч.-изд. л. 11,2
Тираж 500 экз. Зак. № 483

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: 8 (499) 288-74-01
e-mail: www.t8print.ru